
Министерство образования и науки
Российской Федерации
Омский государственный педагогический
университет

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Omsk State Pedagogical University

**Вестник
Омского государственного
педагогического
университета**

**Newsletter
of Omsk State
Pedagogical
University**

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**HUMANITARIAN
RESEARCH**

**Научный журнал
2016 • № 1 (10)**

**Scientific journal
2016 • № 1 (10)**

Омск
Издательство ОмГПУ
2016

Omsk
Publishing house OSPU
2016

ISSN 2309-9380

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Научный журнал
2016. № 1 (10)**

Редакционный совет

Волох О. В., доктор политических наук, профессор,
председатель редакционного совета
Смолин О. Н., доктор философских наук, профессор
Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор
Чекалёва Н. В., доктор педагогических наук, профессор
Шаров А. С., доктор психологических наук, профессор

Редколлегия журнала

Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор,
главный редактор
Горнова Г. В., доктор философских наук, доцент,
заместитель главного редактора
Федяева Н. Д., доктор филологических наук, доцент,
заместитель главного редактора

Антилогова Л. Н., доктор психологических наук, профессор
Беренд Н., профессор (Мангейм, Германия)
Буренкова С. В., доктор филологических наук, доцент
Коптева Э. И., доктор филологических наук, доцент
Красноярова Н. В., кандидат философских наук, доцент
Кротт И. И., кандидат исторических наук, доцент
Пекарская И. В., доктор филологических наук, профессор
(Абакан)
Пивоваров Д. В., доктор философских наук, профессор
(Екатеринбург)
Рагулина М. И., доктор педагогических наук, профессор
Родигина Н. Н., доктор исторических наук, профессор
(Новосибирск)
Смит П., профессор (Арлингтон, США)
Филатова А. Ф., доктор психологических наук, доцент
Чернявская Е. А., кандидат психологических наук
Чуркин М. К., доктор исторических наук, профессор
Чуркина Н. И., доктор педагогических наук, доцент
Шипилина Л. А., доктор педагогических наук, профессор

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59612
от 10 октября 2014 г.

Адрес редакции:
644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14
Омск, Издательство ОмГПУ, 2015

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный педагогический
университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Арпентьева М. Р.
Проблема симулякров в современной науке .. 10

Ковалевский А. А.
Негативная природа свободы..... 14

Кучковский П. В.
Парадоксы чань-буддизма и связь
с кинизмом..... 18

Мартишина Н. И.
Концепция многообразия видов познания:
о некоторых следствиях парадигмы 21

Нефёдова Л. К.
Имманентное и континуальное как
философские основания конструирования
образов детства в художественной
литературе..... 25

Пивоваров Д. В.
О вечности..... 29

ФИЛОЛОГИЯ

Акифи О. И.
Мотив игры и его функции в фантастических
повестях А. Ф. Вельтмана 34

Батюшкина М. В.
Семантическое основание дефисного
и слитного написания сложных слов 37

Горюнова Ю. Н., Кураков В. И.
Лексическое значение соотносительных
форм немецкого артикля как количественная
информация о речевом содержании
обозначенного существительным денотата.... 40

Козленко Э. С.
Метрика и ритмика английского стиха
XX века 42

Лаптева Е. А.
Медицинская лексика в «Толковом словаре
живого великорусского языка» В. И. Даля 47

Михайлова А. И. Лингвистические и экстралингвистические черты современного рок-текста 48	Давкуш Н. В. Особенности разработки индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста 84
Никитина Л. Б. Не тот город? (Негативный образ Омска по данным газеты «Ваш ОРЕОЛ») 52	Долецкая С. В. Актуальность музейной педагогики для будущих учителей-историков 87
Петренко Н. А. Особенности изображения образа главной героини в романе П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» 55	Домбровская И. И. Лингвистическая компетенция как часть языкового сознания и способы оценки уровня ее сформированности 89
Просвирнина Л. Г. Социоллингвистическое исследование истории отдельных сокращенных английских экономических терминов 59	Заглодина Т. А. Роль копинг-стратегий в профилактике профессиональной деформации специалистов по социальной работе 91
Уланов А. В. Метафора как языковой феномен русского языка 62	Макарова Н. С. Проектирование основных профессиональных образовательных программ высшего образования на основе профессиональных стандартов 94
Шестова А. А. Особенности семантики словосочетания «деструктивная личность» / «destructive person» в русском и английском языках 65	Мацько Д. С. Экспериментальная работа как составляющая магистерской диссертации по методике преподавания иностранного языка 98
ИСТОРИЯ	Некрасова Т. В. Коммуникативная языковая профессиональная мобильность военного специалиста как условие успешности его компетенции 102
Костина Е. А. Факторы создания и деятельности второклассных школ Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. 70	Федоров В. М. Особенности интерактивных форм проведения занятий по экономическим дисциплинам в учреждениях среднего профессионального образования 105
Чуркин М. К. Внешнеполитический курс Московского централизованного государства XVI столетия в контексте легитимности царской власти 73	Федяева Л. В., Дука Н. А., Диких Э. Р. Новый взгляд на общественно-педагогическую практику 107
Шевченко М. Н. У истоков формирования древнерусского учения о царской власти (конец XIV – XV вв.) 77	КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПЕДАГОГИКА	Гордеева З. А. Образ кошки в современной культуре 112
Атаманская К. И. Компетентностный компонент профессионального имиджа социального педагога 82	Новикова Е. Б. Агональные аспекты эстрадно-джазовых вокальных конкурсов 114

Шефер О. В.PR-дискурс в корпоративном
нюсмейкинге 116**СЛОВО МОЛОДЫМ****Борисова О. Г.**Национальные особенности маркировки
фразеологизмов 122**Ботова А. В.**Использование культурно-исторического
наследия г. Барнаула в реализации модуля
«Основы православной культуры»..... 124**Свотина К. В.**Новейшие аспекты изучения
ономастического пространства современного
русского языка 126**СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ****Воробьева З. В.**Мы родом из 60-х. К 80-летию
Ю. В. Воробьева 130**Федяев Д. М.**

Памяти Д. В. Пивоварова 135

Сведения об авторах 137**Информация для авторов**..... 139

ISSN 2309-9380

**NEWSLETTER OF OMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY.
HUMANITARIAN RESEARCH**

**Scientific journal
2016. № 1 (10)**

Editorial Board

Volokh O. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Editorial Board Chairman
Smolin O. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chekaleva N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Sharov A. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor

Editorial Staff

Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Editor-in-chief
Gornova G. V., Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Deputy Chief Editor
Fedyayeva N. D., Doctor of Philological Sciences,
Deputy Chief Editor

Antilogova L. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor
Berend N., Professor Dr. (Mannheim, Deutschland)
Burenkova S. V., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Kopteva E. I., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Krasnoyarova N. V., PhD in Philosophy, Associate Professor
Krott I. I., PhD in History, Associate Professor
Pekarskaya I. V., Doctor of Philological Sciences, Professor
(Abakan)
Pivovarov D. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Yekaterinburg)
Ragulina M. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Rodigina N. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Novosibirsk)
Smith P., Professor (Arlington, USA)
Filatova A. F., Doctor of Psychological Sciences, Associate
Professor
Chernyavskaya E. A., PhD in Psychology
Churkin M. K., Doctor of Historical Sciences, Professor
Churkina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor
Shipilina L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Certificate of registration ПИ № ФС77-59612
of October 10, 2014

Editorial office address:
OSPU, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk
Omsk, Publishing house OSPU, 2016

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Omsk State Pedagogical University», 2016

CONTENTS

PHILOSOPHY

Arpentieva M. R.

The problem of simulacra in modern science 10

Kovalevsky A. A.

Negative nature of freedom 14

Kuchkovsky P. V.

Paradoxes of chan buddhism and its connection
with cynicism..... 18

Martishina N. I.

Theory of knowledge diversity: some
implications of paradigm..... 21

Nefedova L. K.

Immanent and continuous as the philosophical
foundation of constructing images of childhood
in fiction..... 25

Pivovarov D. V.

About eternity 29

PHILOLOGY

Akifi O. I.

The motive of the game and its functions
in A. F. Veltman's science fiction novels 34

Batyushkina M. V.

Spelling compound words with hyphens or as
one word: semantic principle 37

Goryunova Yu. N., Kurakov V. I.

Lexical meaning of relative forms of German
articles as the quantitative information about
the speech content of the substantive-coded
denotation..... 40

Kozlenko E. S.

Metrics and rhythmic of English verse
of the 20th century 42

Lapteva E. A.

Medical vocabulary in "The explanatory dictionary
of the great Russian language" by V. I. Dal..... 47

Mikhaylova A. I. Linguistic and extralinguistic features of the modern rock Text.....	48	Doletskaya S. V. Relevance of museum pedagogy for future teachers of history.....	87
Nikitina L. B. The wrong city? (Negative image of Omsk according to the newspaper "Vash OREOL")	52	Dombrovskaya I. I. Linguistic competence as a part of the linguistic consciousness and methods for evaluating the level of its formation	89
Petrenko N. A. Peculiarities of depicting the image of the main heroine in P. D. Boborykin`s novel "The evening victim"	56	Zaglodina T. A. The role of coping strategies in preventing professional deformation of social work specialists	91
Prosvirnina L. G. Sociolinguistic study on history of certain English abbreviated economic terms.....	60	Makarova N. S. Designing basic professional educational programmes of higher education on the ground of professional standards	94
Ulanov A. V. Metaphor as a language phenomenon of the Russian language	63	Matsko D. S. Experimental work as part of master papers in methodology of teaching foreign languages	98
Shestova A. A. Semantic peculiarities of the word-combination "destructive person" in Russian and English	66	Nekrasova T. V. Communicative linguistic professional mobility of military specialists as the condition for success of their competence	102
HISTORY		Fedorov V. M. Features of interactive forms of training in economic disciplines at institutions of secondary vocational education	105
Kostina E. A. Factors of creation and performance of the second-class schools in Western Siberia in the late 19 th – early 20 th centuries	70	Fedyaeva L. V., Ducka N. A., Dikikh E. R. On the changing form pedagogical practice.....	107
Churkin M. K. Foreign policy of the Moscow centralized state of the 16 th century in the context of the legitimacy of royal power	73	CULTUROLOGY	
Shevchenko M. N. At the origins of formation of the old russian doctrine of royal power (the late 14 th and 15 th centuries)	77	Gordeeva Z. A. «Cat» image in the modern culture	112
PEDAGOGICS		Novikova E. B. Agonal aspects of pop-jazz vocal competitions...	114
Atamanskaya K. I. Competence component of the professional image of the social teacher	82	Shefer O. V. PR discourse in corporate newsmaking.....	116
Davkush N. V. Features of development of preschool children`s individual educational routes	84	LET THE YOUTH SAY	
		Borisova O. G. National peculiarities of phraseological units labeling	122

Botova A. V.

Use of historic and cultural heritage of Barnaul
in realization of the academic module “Basics
of Orthodox Christian culture” 124

Svotina K. V.

The newest aspects of studying onomastic
space of modern Russian 126

MEMORY PAGES**Vorobyova Z. V.**

We are from 60th: dedicated to 80 years from
the birth of Yu. V. Vorobyov..... 130

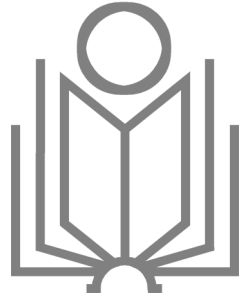
Fedyaev D. M.

In memory of D. V. Pivovarov 135

Information about the authors 137

Information for the authors 139

ФИЛОСОФИЯ

Арпентьева М. Р.

Проблема симулякров в современной науке

Ковалевский А. А.

Негативная природа свободы

Кучковский П. В.

Парадоксы чань-буддизма и связь с кинизмом

Мартишина Н. И.

Концепция многообразия видов познания:
о некоторых следствиях парадигмы

Нефёдова Л. К.

Имманентное и континуальное как философские основания
конструирования образов детства в художественной
литературе

Пивоваров Д. В.

О вечности

ПРОБЛЕМА СИМУЛЯКРОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

THE PROBLEM OF SIMULACRA IN MODERN SCIENCE

В статье рассматривается проблема симулякров научных исследований, ее нравственные и иные основания. Выделены этапы существования научных школ и нарушения их жизнедеятельности на каждом из этапов. Анализируются основные группы проблем, возникающих при нарушении правил научного исследования, включая вопросы некорректных заимствований, научной рекламы и «гласности» научных исследований. Отмечается взаимосвязь проблем культуры научных исследований и нравственной культуры ученых, развития науки и общества.

Ключевые слова: наука, симулякр, индекс цитируемости, качество исследования, лженаука.

The article discusses the problem of simulacra of scientific research, its moral and other grounds. The stages of the existence of scientific schools and the violations of their life at each stage are revealed. The main groups of the problems arising from the violation of the rules of scientific research, including issues of incorrect borrowing, scientific advertising and “publicity” of scientific research, are analyzed. The relationship among problems of research culture and moral culture of scientists, as well as development of science and society is observed.

Keywords: science, simulacrum, citation index, quality of research, pseudoscience.

Все вещи – в труде: не может человек перескзать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Библия, Книга Екклесиаста, или Проповедника, 1: 8–11

Исследование проблем симулякров научной деятельности – одна из актуальнейших тем научных исследований, затрагивающая интересы специалистов и теоретиков множества направлений и наук. Вопрос о том, что есть научный симулякр, тесно связан с вопросом о том, когда он возник, по какой причине и с какой целью люди симулируют научное творчество и творчество вообще. С одной стороны, в качестве примера, поясняющего суть происходящего, можно привести отношение к себе и миру так называемых поколений «цифровых туристов» и «цифровых аборигенов» на фоне отсутствия информационных границ и цензуры, нравственных и иных регуляторов жизнедеятельности. Эти поколения демонстрируют огромное стремление к «псевдотворчеству», бесконечным селфи-римейкам, не умножающим смыслы, а только их тиражирующим, как и образы самопредъявлений. В науке почва для такого отношения давно подготовлена: давняя дилемма «любить науку в себе или себя в науке» отражает выбор, стоящий перед человеком изначально. Этот выбор осуществляется в зависимости от того, что является для человека значимым, ценным, каковы мотивы его научной деятельности, реализующие эти ценности, стоит ли перед человеком задача постижения мира и самого себя – через мир или иная задача, в которой постижение мира более или менее важно, являясь «пропуском» в социальный успех и т. д. С другой стороны, начало научных исследований, философского постижения мира было связано с целым рядом примеров жизненных испытаний

и коллизий, которые ученый, философ переживал, утверждая свои открытия или занимаясь познанием тайн мира. К сожалению, такое познание, как показывает опыт человечества, также не всегда принималось, по-настоящему новые смыслы и знания с огромным трудом входят в науку и по сей день: открытия заменены «квалификационными требованиями», что ведет к бюрократизации и смысловому выхолащиванию научного творчества. Ученый, без сомнения, нуждается, в научных рамках, чтобы объяснить окружающим суть своих открытий, однако часто кроме этих рамок ничего объяснить не приходится.

«Игра в бисер» лженауки («псевдонауки» или «квазинауки», «unscience and pseudoscience», фальсификация научных данных в политических, религиозных, экономических или личных целях) пронизывает все здание современного научного творчества, в котором, с одной стороны, представления лжеученого, утверждающего открытия там, где их нет и не может быть, даже в силу того, что фонд научных знаний в изучаемой им области огромен, но лжеученый с ним не знаком, с другой стороны, представления научного сообщества, интересующегося не столько тем, что открыто ученым и открыто ли, сколько тем, в какую рамку его «открытие» помещено и как. Возвращение к науке, к реальности – ожидаемый, но сложный процесс, в котором поддерживающие симулякры представления всего человечества о себе и мире должны пройти стадии более или менее тотального разоблачения [1–3].

Особенно наглядно проследить этапы разрушения и деформации научной деятельности можно на примере научных школ. Обычно выделяют ряд этапов их существования:

1) исследовательская программа или интерес к одной и той же теме объединяет ряд ученых: в настоящее время уже на этом этапе множатся исследования псевдопроблем, что предполагает переименование уже изученной области и переписывание уже написанного на новый лад (ярким примером являются, в частности, исследования в педагогической психологии, например, инклюзии и т. д.);

2) исследовательский коллектив превращается в школу со своей методологией, ценностями и миссией, лидерами

и учениками. Этот этап привлекает как руководство вузов и НИИ, так и самих современных «ученых» возможностью лоббировать свои венаучные интересы (ярким примером являются многие так называемые общественные академии наук);

3) происходит зарождение нового научного направления, раздела или дисциплины. На этом этапе ведущими в случае симуляции являются мотивы обогащения и власти (ярким примером являются любители создания новых «психотерапевтических школ», «нео-» «анти-» направлений), и, поскольку творческие способности симулирующих невелики, они, как правило, образуют «творческие» или «критические» пересмотры старых школ и теорий;

4) возникает «научно-образовательная» школа для новых поколений ученых, магистрантов, аспирантов и т. д. (при поддержке «общественных академий», негосударственных, а часто и государственных структур организуются магистратуры, аспирантуры, стажировки и факультет повышения квалификации, как правило, исключительно платные);

5) возникновение новых школ из предшествующих. Среди учеников выделяются лидеры, с которыми связаны новые ветви и «расколы» внутри старой школы (власть и экономическое благополучие накапливаются, начинается «дележка»);

6) конкуренция и вытеснение одних школ и методологий другими в развитых науках (как естественное последствие предшествующей «дележки»);

7) исчерпание исследовательских программ, затухание и распад школы (общество и государство осознают, что так необходимые им симулякры типа «инклюзивного образования», «болонской системы» «ФГОС» и т. д. служат лишь развалу науки и образования, а также обогащению частных лиц, которые, однако, после своего «развенчания» остракизму и критике подвергаются редко).

Выврождение научных школ (их угасание) происходит, таким образом, в двух основных формах: бюрократизации и коммерциализации. Обе эти формы, активно поддерживаемые в настоящее время, связаны с модернизацией и модификацией уже имеющихся результатов, сводятся к управлению проектами вместо научного поиска, что убивает творчество и, следовательно, саму научную школу. Гибель научных школ связана с «железным законом меритократии»: неравенство, рожденное меритократической системой, приводит к тому, что меритократические «лифты» отказывают, а творческие субъекты оказываются подавленными «учителями» и их приближенными. Меритократия как принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения, во многом противоположна как аристократии, так и демократии [4; 5]. Она предполагает создание начальных условий для социального продвижения («лифтинга») одаренных и трудолюбивых людей, чтобы они в будущем имели шанс занять высокое общественное положение в условиях свободной конкуренции [6; 7]. Надежды на меритократию, связанные с тем, что она может устранить бюрократию как систему, препятствующую социальным изменениям, изменить социальную структуру общества в целом, продвинуть науку вперед в обществе социальной аномии и потребления, не подтверж-

даются [8–11]: вне серьезной нравственно-идеологической перестройки, наука, как и любая другая сфера деятельности, в которой есть фрагменты бюрократического управления, изживает себя: бюрократов, работающих на благо бюрократической «системы», становится все больше, а ведущих реальные научные исследования ученых и руководителей, поддерживающих эти научные исследования, – все меньше. А. Гротендик [12] пишет, например, что научные сообщества в современном мире, начиная с «содружества гениев», заканчивают разделением этого «содружества» на две касты: жестокосердых «высших» и живущего в страхе «болота». Неравенство, рожденное меритократической системой, со временем подавляет механизмы вертикальной мобильности: согласно «железному закону» бюрократии в бюрократической системе работающие на ее благо захватывают власть, начиная создавать правила работы организации, а те, кто выполняет задачи, ради которых бюрократия создается, делают все меньше и меньше работы. Отчуждение и самоуправление вытесняют творчество, а манкирование наукой (симулякры) со стороны «элиты», наряду с принудительным уничтожением или самопожертвованием людей, вытесняют реальные, не-фиктивные процессы [3; 4; 13]. Не спасает и «противостоящая», сражающаяся с этой «системой» другая «система» («антиплагиат» и т. д.): люди не стремятся ощутить свое единство, найти точки соприкосновения «со-значений», не стремятся они заняться своей собственной наукой – «истиной», а занимаются полностью отстроенной от научного поиска критикой «науки» других. Люди ищут «правды»: судебный дискурс разворачивает всю мощь неприятия, неискренности и неуважения людей к себе и друг другу.

Современная наука шагнула так далеко, что существуют целые симулякры научных школ, множатся попытки создания собственных школ на основе имеющихся простым «переименованием» изучаемых концепций, а сами научные исследования (их симулякры) используются для легального «освоения» государственных и общественных средств (различные конкурсы и премии, различные гранты и т. д., судьба которых решена задолго до того как невключенные в работающую только на себя бюрократическую «систему» ученые решают принять в них участие).

Однако этим дело не завершается: создаются «научные обоснования» неизбежности симуляций. Так, в популярной на Западе школе ситуативных знаний отмечается, что в эпоху постмодерна человек живет в мире «ситуативных» знаний и «дигитальной нравственности», он состоит с другими людьми и обществом скорее в отношениях «технического родства» и «проверки контакта», заменившего связи с семьей и родом и непосредственное интимно-личностное и деловое общение [7; 14; 15]. Согласно концепции ситуативных знаний, все знание, включая и научное, является частичным, сконструированным конкретными группами и людьми в определенных целях и ситуациях (контекстах), поэтому претензии на объективность необоснованы: каждое конкретное знание не есть «взгляд ниоткуда», объективное знание – фикция. Признание ситуативности приводит к большему плюрализму и толерантности в отношении Другого (знания или субъекта), что является ограничением универсализма и объективистской «западной» эпистемологии. По сути, это

означает, что проникающие в науку симулякры превращают ее основные идеи и саму науку в фикции. Помимо отдельных позитивных моментов, связанных с демистификацией всемогущества и «бесспорности» научных знаний, это приносит в сознание и жизнь людей, лишенных развитых навыков рефлексии общения, познания и отношений, многие негативные аспекты, еще более ослабляя ценностное осмысление процессов и результатов конструирования как «ситуативных», так и «вне ситуативных» знаний. Традиционная модель коммуникации в рамках современной культуры, связанных с нею дискретных или «лоскутных» («patchwork Frankenstein») пониманий себя и мира, подвергается выраженным трансформациям. Киберэпоха разрушает смысл традиционного научного познания и общения, научный и обыденный диалог становится «проверкой связи», а познание – бесконечными «селфи» псевдотворческих измышлений. Замена собеседников как участников дискурса на два «терминала» разрушает диалог, замена исследователей на «авторов-копирайтеров» – научное творчество, познание человеком мира. Дуальность, дискурсивная полярность как амбивалентность сменяется «информационной дигитальностью», «тотальным самомнением сетей» как множественностью, в которой нравственные и иные императивы науки «приписаны» к отдельным ситуациям и людям и корректируются по мере того, как их реализация удовлетворяет инстинкты человека в защищенности и комфорте, а также в продолжении рода и самоумножении – репликации. Сведение человека к животному и далее – предмету – ставит точку в научном поиске [15; 16].

Одно из ведущих понятий современной лженауки – плагиат. С точки зрения правовой понятие плагиата связано с заимствованием, с причинением крупного ущерба, с обогащением на особо крупную сумму. Однако есть и бытовое понятие плагиата, которое просто фиксирует некорректные заимствования. В этом, последнем, значении понятие плагиата и используется чаще всего. При этом обычно не выделяются, но очень важны две формы некорректных заимствований:

1) заимствование текстов, с которым также тесно связаны подлоги и имитации научных исследований, – «формальный плагиат»;

2) заимствование научных идей и их комплексов – «содержательный плагиат».

Проверка на «формальный плагиат» (некорректные заимствования) и вычисление еще более формального «индекса цитирования» как «показателя оценки научной продуктивности» ученого или группы становятся новыми богами научных исследований, симулякров, создаваемых с единственной целью – личного продвижения: наука исчезает, остается самореклама. Для науки это отношение равно, по сути, краху. Научное исследование, оцениваемое не по сути и значимости, а по «индексу цитируемости» и «проценту оригинальности», не прочитанное, а «процитированное», не понятое, а «соответствующее требованиям» (ВАК, РИНЦ, Scopus и т. д.) – скорее фикция, орудие псевдонаучной стратификации, в том числе орудие самопродвижения и унижения и уничтожения «конкурентов» отдельными учеными, «научными школами», институтами и т. д. Не случайно угроза обнаружения некорректных

заимствования в виде формального плагиата и сравнение «индексов Хирша» и т. д. превратились в способ более или менее повседневного соперничества и стратификации в отношениях преподавателей и научных работников. Не случайно отдельные граждане, журналы, НИИ и университеты, стремясь повысить индекс цитируемости, иные показатели «востребованности» своей научной деятельности проводят конференции и иные акции, не имеющие никакой иной цели кроме «редакторских правок» в списки литературы и тексты статей. Не случайно обсуждение проблем содержательного плагиата – заимствования идей – не производится: общество и наука даже в XXI веке с трудом могут позволить себе признать, что «все уже когда-то было»: все создаваемое вновь и вновь уже было когда-то кем-то изобретено и открыто, и лишь по прихоти судеб и собственному упрямству люди игнорируют это «уже было». Лишь люди искусства позволяют себе «обмолвиться» о «навеянных идеях» и вдохновении, привнесенном в их жизнь и творчество «чем-то высшим». Однако, тема «не-высшей», а человеческой помощи по-прежнему остается болезненной и для них: талант соотносят с самим собой, практически полностью игнорируя как со-творцов ту среду, в которой жил и живет ученый или человек искусства.

Вместе с тем значительная доля «открытий» – прямой результат диалога человека с другими людьми, с миром. В этом диалоге, а точнее после него, многие «первооткрыватели» назначают себя таковыми сами. На материалах работ многочисленных научных школ и научно-исследовательских коллективов как НИИ, так и практических, производственных учреждений хорошо виден этот процесс творчества: видна реальная человеческая жизнь, из которой лишь позднее в интересах тех или иных групп выхолщивается содержание, связанное с тем, что люди способны вдохновлять и одаривать друг друга идеями, творить вместе – для других людей. Продукты их деятельности нужны миру уже потому, что сама деятельность была осмысленной и ценной для них – социальных существ, чья внутренняя жизнь имманентно обращена на жизни других. Благодарность соратников, современников и потомков тем, кто творит и творил науку – гораздо лучшая позиция, чем та, что связана с «поименным перечислением» заимствовавших и «пофразовым вычислением» заимствований: увлечение формальной стороной дела полностью разрушает внутреннюю. Ученые перестают читать кого-то, кроме самих себя и узкого круга «знакомых»: научный диалог превращается в симулякр и разрушается.

Модное веяние – опираться только «на литературу последних» 5–10 лет – также говорит само за себя: даже беглый анализ «индексов цитируемости» публикаций 10–25 летней и т. д. давности в электронных библиотеках и базах показывает:

1) огромная часть публикаций «прошла мимо» многих современных ученых просто потому, что электронные и традиционные библиотеки обладают ограниченными ресурсами и в ближайшие лет 25 дисбаланс и неполнота баз данных библиотек будут сохраняться;

2) данные «старых исследований» подчас намного актуальнее новых, помимо отмеченной неполноты и дисбаланса библиотек.

Это связано с тем, что эпоха интернет-коммуникаций спровоцировала рост симуляций чтения, множество текстов остались непрочитанными потому, что к моменту их выхода культура чтения и научного анализа была в значительной мере в массовой науке разрушена. Первыми в эту нишу «ринулись» студенты, не желающие тратить время и усилия на обучение «школяры». Однако школярство как повсеместное, независящее от статуса и возраста явление, продолжает интенсивно распространяться не только в молодежной, но и «взрослой» науке.

Помимо того, как показывает анализ баз (библиотек) диссертационных исследований, существуют целые «фабрики» липовых диссертаций, статей и монографий, сотрудничающие с рядом научных журналов, публикующих сомнительные по качеству работы. Такие журналы могут открыто обслуживать эти «фабрики» и публиковать формальный и содержательный плагиат, непроверенные и явно выдуманные данные, статьи низкого и крайне низкого качества. Однако содержательный плагиат – более интересная проблема – встречается повсеместно: люди нуждаются в том, чтобы признать не просто «вторичность» современной культуры, но наличие тотальных пересечений смыслов и идей, научиться правильно относиться к нему. В этом смысле «формальный плагиат» – лишь подспорье: ученый не только должен, он нуждается в том, чтобы обладать культурой научного исследования. Эта культура вместе с тем не должна ставиться выше культуры человеческих отношений и нравственности как таковых. Там, где человек забывает о человеке, там, где нравственность ставится ниже права, где люди используют ошибки и несовершенства друг друга как орудие войны, – наука исчезает: научное познание возможно лишь там, где «око светло»: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло» [Мф 6:19, 22].

Там же, где симулякры и отсутствие нравственности, рекламирующие сами себя и облаченные в кибертехнологии, подчиняют человеческую жизнь, поиски человеком истины, там вступает в права «безжизненность», доведенный до абсурда, игнорирующий субъектов взаимодействия, их деятельность, ее гуманитарную значимость, внешний, формальный контроль, смысл которого, по выражению М. Фуко – «итог недоброжелательства» [17]. Наука превращается во «всеобщегласный» паноптикум, приравнивающий ученого к заключенному и тюремщику, ни тому, ни другому при этом заниматься наукой времени и пространства не остается. Все поглощает контроль окружающих и страх контроля со стороны окружающих. Контроль этот нацелен на что угодно, кроме истинности и качества научных исследований и знаний как таковых.

Не случайно так остро стоят и проблемы «коммерциализации», «популяризации» и рекламы научных школ и исследований. В мире ситуативных знаний побеждает не научное творчество, а научная реклама, средством которой и становятся множасьщиеся «научные школы», их симулякры. Поэтому вне осознания процессов и ценностных оснований понимания себя и мира, своей ответственности за «деконструируемые» и вновь создаваемые «смысловые вселенные» человек остается один на один с огромным количеством «смысловых лакун» и ошибок,

заполнить которые может помочь только другой человек, чье отношение к знаниям, а также к жизни, людям, себе самому ценностно определено и человечно, модели общения соответствуют ценностям, понимание себя и другого находятся на достаточно высоком уровне сформированной рефлексивной культуры и осознанных метакогнитивных процессов.

Сражение идеологий перерастает в сражение людей и сообществ, научных школ, которые, «оттолкнувшись» от идей научной объективности, истины, гуманности, приходят к идеям социального использования, потребления и поднятым из глубин иррациональных страхов смерти, бессмысленности и бессилия. По мере все продолжающегося на фоне десакрализации и отказа от развития распада (коллапса) науки и цивилизации как сложных систем формируются «внутренний научный пролетариат», создающий «всеобщую церковь» как идеологию, обслуживающую «всеобщее государство» науки (церковь коммерциализации и бюрократизации), а также «внешний пролетариат», создающий «стаю варварских банд», сражающихся за «место в истории науки», «ученые звания» и «научные степени», а также против тех, кто занят наукой как поиском истины ради служения человечеству. Эти последние, автономные субъекты, отказывающиеся играть в «управление», «потребление» и «защищенность», как правило, включенные в число подлежащих более или менее активному уничтожению «больных, преступников и оппонентов», в период наиболее активного социального распада трансцендируют в поисках новых решений, приводят к рождению новой идеологии или «церкви», вокруг которой может организоваться последующая цивилизация [11]. В последнее время на такую идеологию претендует идеология социального служения и социального партнерства, которая обеспечивает, кроме стабильности развития и функционирования государства и науки, социально-политическую мобильность и лояльность общества и правящей «элиты», гармонизацию интересов науки и практики.

Научная школа даже в условиях, активно разрушающих научное творчество, помогает исследователям сохранить и увеличить их потенциал как личностей, как ученых, как субъектов социального развития [18–22]. Ключ к решению проблем правового нигилизма – в решении проблем нигилизма нравственного, возвращении науке нравственных основ, в возвращении людей к способности видеть друг в друге людей: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [1 Кор 13:4–7]. Здание науки, построенное на этом принципе, будет намного устойчивее здания взаимных обвинений и препирательств: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» [1 Кор 6:19].

1. Johnson Jr., Bowie R. *Outing the Moronocracy: Ending the Rule of the Blind, the Stupid, and the Disgraceful in American Society*. Solving Light Books, 2012. 208 с.

2. Pigliucci M., Boudry M. *Philosophy of Pseudoscience: Reconsidering the Demarcation Problem*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 469 p.
3. Shermer M., Gould St. J. *Why People Believe Weird Things: Pseudoscience, Superstition, and Other Confusions of Our Time*. New York: Holt Paperbacks, 2002. 384 p.
4. Арпентьева М. Р. Научные школы в истории научного творчества // Научные коммуникации. Научная этика. Инженерная этика. Материалы Первой региональной науч. конф. 29–30 сентября 2015 г., Омск. Омск: ОмГТУ, 2015. С. 3–10.
5. Arendt H. *The crisis of education* // Arendt H., Kohn J. *Between Past and Future*. N.-Y.: Penguin Classics, 1961, 2006. P. 190–195.
6. Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 317–347.
7. Hayes C. *Twilight of the elites* N.-Y.: Crown Publishing, 2012. 292 p.
8. Артюхович Ю. В. Моральная дискретность личности в современном обществе // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 10 т. Тамбов: КК «ЮКом», 2015. Т. 1. С. 8–9.
9. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. М.: Академия, 1999. 949 с.
10. Бжезинский Зб. *Выбор*. М.: Наука, 2010. 264 с.
11. Де Токвиль А. *Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
12. Гротендик А. *Урожай и посевы*. Ижевск: РХД, 2001. 288 с.
13. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
14. Haraway D. *Situated Knowledges // Simians, Cyborgs and Women* / ed. by D. J. Haraway. N.-Y.; L.: Routledge, 1991. P. 183–201.
15. Hayles N. K. *My Mother was a computer*. Chicago: UCP, 2005. 288 p.
16. *Reload* / eds. by M. Flanagan, A. Booth. N.-Y.: MIT, 2002. 595 p.
17. Fuko M. *L'oeil du pouvoir* // Bentham J. *Le Panoptique*. Paris: Belfond, 1977. P. 9–31.
18. Грезнева О. *Научные школы // Высшее образование в России*. 2004. № 5. С. 42–43.
19. Лебедев С. А. *Философия науки*. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.
20. Логинова Н. А. *Феномен ученичества* // Психологический журнал. 2000. № 5. Т. 21. С. 106–111.
21. *Научная школа как структурная единица научной деятельности* / Е. В. Устюжанина, С. Г. Евсюков, А. Г. Петров и др. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 72–73.
22. *Школы в науке* / под ред. С. Р. Микулинского, др. М.: Наука, 1977. 523 с.

© Арпентьева М. Р., 2016

УДК 123.1

А. А. Ковалевский
A. A. Kovalevsky

НЕГАТИВНАЯ ПРИРОДА СВОБОДЫ

Тотальность бытия предполагает, что все его элементы подчинены общим принципам. В таком случае вопрос свободы человека является проблематичным, свобода становится возможной только как субъективное отрицание тотальности бытия, привнесения в него небытия.

Ключевые слова: свобода, отрицание, небытие, самоубийство, риск, возможность, деятельность.

NEGATIVE NATURE OF FREEDOM

The totality of being implies that all of its elements are subordinated to the general principles. In this case, the matter of human freedom is problematic and freedom becomes possible only as a subjective negation of the totality of being by introducing nothingness into it.

Keywords: freedom, negation, nothingness, suicide, risk, possibility, activity.

Тотальность бытия предполагает, что свойственные ему закономерности распространяются на все бытийствующее, т. е. каждое частное в бытии подчинено его общим принципам. А подчинение всего частного общему предписанию ставит под вопрос возможность свободы для человека. Ведь человек как элемент бытия, и при этом изначально материального бытия, обусловлен материальной субстанцией, это закреплено в его общей организации, родовых физиологических особенностях, инстинктах. Все это делает крайне затруднительным проявление его свободной воли.

Результатом философских размышлений стоиков, частично средневековых теологов, Б. Спинозы, Г. В. Ф. Гегеля, французских материалистов стало понимание того, что

человек является частью чего-то большего и подчиняется ему. А максимум его свободы может заключаться лишь в том, чтобы осознать это подчинение и свободно ему следовать. При этом образ общего меняется, приобретая в сознании людей формы судьбы, богов, Бога, природы, Духа, материи, но принцип их соотношения с человеком всегда оставался сходным в общих чертах. Подкрепление этой точки зрения содержится также в естественных науках, в основе которых лежит познание причин и следствий, обоснование каждого акта человеческого поведения материальной объективной причиной, не зависящей от человека и не осознаваемой им.

Противоречит этой линии рассуждений о невозможности свободы альтернативная, пример таких рассуждений мы

можем найти в немецкой классической философии, в которой было укоренено мнение, что если животное имеет только чувственные стремления, которые все ведут к сохранению и продолжению его жизни и оно не может избежать этого принуждения жизнью, то человек может. Он обладает выбором между жизнью и смертью [1, с. 324]. Сама смерть также считалась свободным выбором, так как представлялась проявлением воли и разума человека не в обусловленном материальными причинами мире, а в мире разумном, т. е., сконструированном разумом и ему подчиняющимся. Однако, с точки зрения материализма, смерть не может быть свободной, пока, как и любой другой акт, не будет осуществлена осознанно и активно, со стремлением изменить окружающее. Таким образом, представив смерть как свободный, осознанный и активный выбор, мы приходим к понятию самоубийства. И сам выбор между жизнью и смертью может находиться лишь в области возможности ограничения своей жизни. Но именно этот фундаментальный выбор, который способен совершить индивид и формирует его свободное поведение: от всеохватывающе онтологического свободного выбора к частному.

Самоубийство как «решение умереть есть самое чистое представление верховного господства понятия над природой. В природе лежит лишь побуждение сохранять себя; и решение умереть есть как раз противоположность этого побуждения. Каждое совершенное с холодной осмысленностью самоубийство... есть исполнение этого верховного господства, доказательство душевной силы» [2, с. 265]. Это «господство понятия» становится противоположностью судьбы в способности ее самостоятельного проектирования в виде максимально негативной свободы по отношению к позитивности этой судьбы [3, с. 117]. Подобное возможно только при таком уровне сознательного абстрагирования, когда сама жизнь становится частностью вместе с ее целями по отношению к самости субъекта [4, с. 71].

Само слово «самоубийство» этимологически обозначает свободу в «сам» и активность в «убийство», в то время как смерть пассивна. Свобода самоубийства подчеркивается тем, что для него нет объективно достаточного мотива. Мотив сам определяется таковым, он остается загадкой, ведь для одних он достаточен, а для других – нет, что лишает его бихевиористской обусловленности. От этого причинно-следственная связь поступков приобретает полностью другой формат, свободный. И в полном отрицании бытия через самоубийство в виде экзистенции сохраняется точечный остаток суверенного Нет. Ведь если основой самоубийства является бессубстанциальность всего (отсутствие осознания наличия субстанции, волящей быть ее частью или подчиненным), то единственной силой во вселенной остается решимость, т. е. подтверждается наличие самости, имеющей решимость и становящейся единственной автономной субстанцией в пространстве бытия [5, с. 306–312].

Но очевидно, что хоть самоубийство и избавляет от предзаданной ситуации, к которой человек биологически адаптирован, оно в своем обнаружении свободы не может ее реализовать, так как субъект свободы перестает быть [3, с. 112]. Тогда избежать внешнего принуждения смерти можно пытаться через ее присвоение, но не в виде акта,

а в виде возможности [6]. Смерть из единственно конкретной становится постоянно возможной и зависимой в своей возможности от воли человека. Не само самоубийство, но его перспектива освобождает человека, предоставляя возможность выбора бытия или небытия.

Само бытие становится свободным только при возможности своего отрицания, а до него жизнь не является свободным выбором именно потому, что воля к жизни заложена в сущности всего живого. Только при наличии свободного желания умереть и желание жить может стать свободным и осознанным, настоящим выбором. Без возможности выбора альтернативы ничто не может быть свободным, даже жизнь, бытие. Таким образом, «воля к жизни» не есть «воля» в подлинном смысле, а является лишь стремлением, в то время как настоящая воля должна иметь дуалистическую направленность: и к бытию, и к небытию.

Воплощение воли к ничто со всегда потенциально имеющейся возможностью самоубийства способно формализоваться в определенные феномены человеческой жизни для сохранения действительности свободы в бытии. Таким, например, является риск. Рискуя жизнью, субъект проявляет себя как чисто абстрактное, необусловленное самосознание через негацию своего предметного модуса, отрицание какой-либо связи с единичным наличным бытием, с жизнью. Риск как такая негация подтверждает свободу тем, что для субъекта не бытие есть сущность, «а то, что в нем не имеется ничего, что не было бы для него исчезающим моментом, – то, что оно есть только чистое для-себя-бытие» [7, с. 100]. Ведь волевая свобода риска также в том, что он биологически бесполезен, не имеет витального мотива и объективно существующей цели. Зачастую он вызван стремлениями вроде славы и чести, которые присущи только человеку [3, с. 56].

Риск подчеркивает возможность смерти тем, что он одновременно по сути стремится к ней, но как можно сильнее старается ее избежать. Риск – это добровольное свободное желание идти на смерть, но не умирать [3, с. 124]. Но поэтому в риске самоубийство все же приобретает форму случайности, где вопрос бытия становится не столько решаемым самостоятельно, сколько передается опять бытию. Риск становится присвоением свободы и ее потерей, неудачным (недосвершенным) самоубийством.

Другую форму перманентного самоубийства можно увидеть в виде отрицания воли к жизни в процессе самой жизни, что представляет собой возможность негативности самоубийства без устранения субъекта свободы [8, с. 315–328]. Аскетизм, отказ от еды, деторождения, благ являются тем же преодолением в себе животного стремления к существованию, но с гораздо меньшей степенью негативности. Именно в них свобода действительна и не прекращается, их отрицание воли к жизни является микросамоубийством. Этим и дополняется, и подтверждается связь свободы и отрицания жизни, возникшая еще с античности и проявляющаяся в различных формах отрицания благ и культурных ценностей для достижения определенного освобождения в философских практиках киников и стоиков, деформированного в средневековье в аскетическое умерщвление плоти.

Как в случае с актом самоубийства и с его возможностью, в отрицании воли к жизни в виде фундаментального преодоления физической необходимости мы можем увидеть установление связи между свободой и небытием. Свободная воля к небытию есть скорее воля, данная небытием, отчего свобода человека представляется частично отрицательной в своей сути. Основываясь изначально на отрицании бытия, любой акт проявления свободы негативен в том, что имеет в себе какое-либо конкретное отрицание.

Если предположить, что чистое бытие детерминировано в своей позитивности, то чистое небытие было бы тотально свободным, так как не детерминировано ничем. И так как даже сама «свобода по смыслу своей сущности онтологически предшествует совершаемым свободно актам, ибо свобода первичнее своих проявлений. Свобода предшествует бытию. В этом смысле свобода есть не бытие, а «безосновная основа бытия». Свобода – в сущем, а не в бытии. Бытие свободно, поскольку оно «может быть иным», то есть поскольку оно не всецело «есть». Выражаясь в духе Гегеля, можно было бы сказать, что в бытии постольку есть свобода, поскольку в нем есть небытие» [9, с. 133].

Наиболее четко эту связь свободы с небытием показывает Н. А. Бердяев, для которого свобода первичнее бытия [10, с. 56]. Он утверждает, что поиск источника свободы в Боге, природе, субстанции, человеке и бытии вообще может привести только к детерминизму. Свободе не оказывается места в бытии без создания внутри нее противоречащей ей необходимости. Тогда мы вынуждены признать, что свобода происходит из ничто, которое добытийственно. Она бездонна и безосновна, связана с потенцией, которая глубже любого бытия. Это та же ничтожная и бесконечная сфера потенциальности, из которой Бог создал мир согласно одной из средневековых космогонических версий. В таком случае и духовный мир человека является небытийным (внеприродным) в том плане, что воспринимает и использует свободу из ничто.

В представлении о человеке как о синтезе бытия и ничто Н. А. Бердяев выделяет уникальную способность человека к творчеству. Творчество есть свобода, которая переходит от ничтожности потенциальностей к развитию в плоскости бытия. Всякое развитие предполагает творчество, творчество предполагает свободу, свобода – бездну потенци, а последняя – ничто. Наш конкретный мир в его творческом развитии является соединением этих вечностей потенциальности и актуальности [11]. В свободе человек разрывает природную детерминацию, воплощая в мире для создания нового ничто, которое он берет из себя. Но свобода становится творчеством только если у нее есть цель, а без цели свобода остается пустой, просто небытием [12, с. 369].

Все это подтверждает тезис, что свобода исходит из небытия. Но если у небытия нет сущности, то ему свобода не может быть присуща, они могут быть только равны. А равенство небытия и свободы ведет либо к тому, что свободы нет, либо к тому, что свобода может быть присуща чему-либо только в меру его небытия, т. е. в его негативности. И человек распознает это бытие, которого нет. В таком случае свобода проявляется как осуществление возможности в виде перехода небытия, как того чего нет, в бытие. При этом объективация одной возможности обозначает нево-

плотение другой, т. е. любая возможность равняется и своей невозможности, а возможность бытия невозможности бытия (небытию). Так свобода необходимо воплощает возможность быть другим, возможность инобытия [9, с. 132] не только для бытия, но и для субъекта.

Без наличия субъекта и существование возможностей в бытии было бы недопустимо, потому что человек скорее создает возможности, чем видит их. Ведь в позитивности бытия нельзя выделить одну возможность вместо другой, все настолько возможно, насколько и действительно. В таком мире тождественности возможности и действительности свобода изначально опирается на осознание пустоты беспредпосылочности субъективной активности. Эта пустота и состоит из возможностей, реальность которых только подтверждает воплощение ничто посредством человека. Возможность, выполняемая человеком, обнуляет последовательность, сама становится ничем посреди ничто. Она становится действительностью через ничтожащий разрыв причин, прошлого и будущего, бытия в целом [13, с. 194]. Ничтожит возможность в своей реализации в свободном акте и другие возможности, которые стали несовместимы с уже реализованной возможностью [3, с. 118]. Тогда свобода может существовать только в условиях реализации некоторых возможностей и невозможности реализовать их все, а значит, свобода отрицательна даже к своему внешнему ничто, отрицая его для реализации лишь одного.

Объективация возможностей переводит свободу и ее негативность из абстрактного интеллигибельного состояния в действительное материальное. Так свободная воля приобретает практическое внешнее выражение [14, с. 340]. Свобода не может существовать без спецификации, т. е. свободы делать то или иное [15, с. 600]. Практическая спецификация свободы доказывает ее действительность через акт действия. Как свобода внешне проявляется в действии, так и действие выражает ее в реальном мире объектов. И исходит действие из желаемого, т. е. из объективного недостатка. Желаемое представляется целью, которая формируется в свободном и осознанном акте. Деятельность закована в мотив и намерение до себя и цель после себя, но мотив становится мотивом только при осознанности какого-либо элемента бытия как мотива, а цель образуется в акте свободного проектирования будущего и себя в нем. Без осознания цели действие является просто физическим актом. И так как цели нет объективно, и она онтологически отрицательна, то в замысле действия сознание исходит из небытия настолько же, насколько исходит и из бытия. Таким образом, действие – это проекция для-себя к тому, чего нет. Чистая позитивность в своем бытии не смогла бы быть определена небытием, но человек в своей негативности может. Негативность свободы, направленная на себя, ведет к отрицанию человеком своей сущности и стремлению к становлению другим путем ничтожения себя. Негативность приобретает форму свободы в возможности выбора того, чем ему становиться. Ведь осознание мотивов и самостоятельное творение ценностей и целей делает путь ничтожения индивидуальным, опосредованным свободой, а не общим. Под свободной волей тогда понимается акт воплощенного ничтожения по отношению к миру; она является воплощением цели [16, с. 445–454].

По-настоящему деятельность становится свободной, когда становится осознанной как таковая. Достижением человека становится то, что «животное не отделяет себя от своей деятельности, оно и есть своя деятельность, в то время как человек свою деятельность осознано (в том числе и как отличную от себя) и подчиняет воле» [17, с. 93].

Посредством этого свободное действие перестает быть автоматическим повторением действительности, но необходимо противопоставляется, что возможно только в отрицании уже данной действительности. Но для осуществления ее необходимо сначала отрицать самого себя, так как без отрицания своей изначальной животной природы и желания невозможно прийти к труду с его отчужденным продуктом и вытесненным в будущее удовлетворением желания. Нахождение в мире готовых вещей подчиняет субъекта этому миру, а создание мира вещей освобождает субъекта, но изначальным мотивом к созданию мира вещей служит страх смерти. Он возникает вследствие природных условий и усиливается в ходе социального расслоения с угрозой смерти в случае неподчинения и невыполнения трудовой функции, а в современном мире приобретает форму добавочной репрессивности. Страх связывает человека с небытием и заставляет творчески менять бытие, вынося в него это небытие. Небытие в человеческом поведении приобретает форму отрицания, но отрицается преимущественно природа как нечто изначальное данное. При этом она не может полностью исчезнуть и просто меняет свои формы, что делает ее отрицание позитивным, а труд делает творчеством.

Отрицание есть и в сфере мышления и желания, но, раскрываясь в деятельности, человек продуцирует свою свободу в объективный мир в виде действия, т. е. для мира свобода, действие и отрицание равны. Действие реализует и обнаруживает негативность через порождаемую ей способность к отличию от природы. В действии свобода находится не в выборе между двумя данностями, а в негации действительности, как в его самости, так и в его ином. Негативность деятельности обусловлена и негацией самости, в которой изменение себя изменяет мир, так как системность бытия должна будет адаптироваться под новый элемент [3, с. 46–118].

Но негативная свобода не является чистым произволом и бесконечным отрицанием. Так как свобода есть синтез бытия и небытия как данной позитивности и возможности негативности в ней, то отрицание мира для действительности свободы возможно только при наличии той позитивности, которая отрицается. Тогда любой свободный акт все равно определяется средой, так как предмет отрицания определяет свободу. Но отрицание меняет отрицаемый предмет и создается новая позитивная сфера возможности свободы. Отрицание также зависит от позитивности, как бытие от свободы.

1. Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 323–426.

2. Фихте И. Г. Система учения о нравах согласно принципам наукоучения // Фихте И. Г. Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2006. 619 с.

3. Кожев А. Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля // Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос, 1998. С. 7–130.

4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

5. Ясперс К. Философия. Кн. 2: Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2012. 448 с.

6. Аванесов С. С. Философская суицидология: курс лекций. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Avan/ (Дата обращения: 08.02.16)

7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА, Республика, 1999. Т. 1. 496 с.

9. Левицкий С. А. Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. 512 с.

10. Бердяев Н. А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.

11. Бердяев Н. А. Метафизическая проблема свободы // Путь № 9. Париж: Путь, 1928. С. 46–49.

12. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 251–580.

13. Гаспарян Д. Э. Практика онтологизации негативного в современной философии // Онтология негативности: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М.: Канон+, 2015. 376 с.

14. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / под. ред. Яковлева А. А. М.: Ид-во полит. лит., 1990. С. 319–344.

15. Гоббс Т. О свободе и необходимости // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 574–611.

16. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1976. Т. 42. 569 с.

© Ковалевский А. А., 2016

ПАРАДОКСЫ ЧАНЬ-БУДДИЗМА И СВЯЗЬ С КИНИЗМОМ

В статье сравниваются самые радикальные философские системы Востока и Запада. Выдвигается предположение, что именно кинизм как цинизм наиболее ярко выражает парадоксальность западной цивилизации, а чань-буддизм как смесь буддизма и даосизма – восточной. Также выдвигается гипотеза, что коаны дзэнских мастеров и высказывания наставников киников в своей сущности представляют парадоксы действий.

Ключевые слова: парадоксы действий, чань-буддизм, дзэн, гуньянь, кинизм.

Интерес к чань-буддизму (дзэн-буддизму) и кинизму вызван все более усиливающейся тенденцией к взаимопроникновению восточной и западной цивилизаций. Чань-буддизм и кинизм представляют собой полюсы обеих культур. Нам в таком сопоставлении видится уникальная возможность обнаружить новые черты их сходства, которые привели бы к более глубокому и тесному взаимодействию культур.

Сущность чань-буддизма передается в следующих принципах: «Первый принцип, завещанный учителями Ланкаватары и самим Бодхидхармой: «Учение не передается вовне и не опирается на письмена (цзяо бу вай чуань, бу ли взнь цзы)» [1, с. 103]. И далее раскрывается подробнее: «Чаньская традиция достаточно коротко определяет изначальную суть учения Бодхидхармы, сформулированную им в четырех базовых постулатах: непосредственно указывать на сердце человека (чжи чжи жэнь синь), взирая на собственную природу, становиться Буддой (цзянь син чэн фо), не опираться на письмена (бу ли взнь цзы), не передавать учение вовне (цзяо вай бе чуань). Это и есть четыре основных действия – «сы син» [1, с. 105–106]. Здесь для нас особенно важно, что сущность самого чань-буддизма описывается именно в качестве четверякого действия. Генрих Дюмулен это же описывает следующим образом: «Существует приписываемое Бодхидхарме четверостишие:

Не зависящее от догм учение,
Не нуждающееся в словах и литерях,
Направленное непосредственно в душу человека,
Созерцающее его истинную природу
и ведущее к достижению Состояния Будды»

[2, с. 74–75].

Другими словами, суть чань-буддизма заключается в четырех действиях: 1) избегать устойчивых принципов, загоняющих последователя в ловушку; 2) воздерживаться от использования письменных источников, ограничивающих занятия практикующего; 3) обращаться напрямую к Сердцу (Уму) ученика; 4) прозревать свою истинную природу, представляющую собой чистое сознание.

PARADOXES OF CHAN BUDDHISM AND ITS CONNECTION WITH CYNICISM

The article compares the most radical philosophical systems of East and West. The author suggests that Cynicism being cynical most clearly expresses the paradoxes of Western civilization, and Chan Buddhism as a mixture of Buddhism and Taoism – of Eastern one. The author also hypothesizes that the koans of Zen masters and statements of mentors of Cynicism are the paradoxes of action in their essence.

Keywords: paradoxes of action, Chan Buddhism, Zen, Gong-An, Cynicism.

Далее сравним эти положения с киническими. Б. Рассел в «Истории западной философии» пишет об Антисфене следующее: «Всю утонченную философию он считал никчемной, все, что можно познать, может быть познано простым человеком» [3, с. 293]. Там же: «Он верил в «возврат к природе» и с большим упорством проводил это верование в жизнь» [3, с. 293]. И продолжает, что Диоген по-иному понял ремесло своего отца: «Он хотел бы портить всю «монету», имевшуюся в мире. Любой принятый штамп фальшив, ложен» [3, с. 294]. «Он искал добродетель и моральную свободу в освобождении от желания: будьте безразличными к благам, которыми одарила вас фортуна, и вы освободитесь от страха» [3, с. 294].

Схожесть этих положений очевидна, но также явно их различие. Возникает вопрос: является ли близость чань-буддизма и кинизма только лишь внешней или эти два учения действительно родственны по своему духу?

И киники, и чань-буддисты видят проблемы обыденного сознания в отсутствии самостоятельности мышления и следовании заданным нормам. Однако киники были все же революционерами и социальными реформаторами, эпатажирующими людей с целью радикального изменения их образа мысли и жизни. Чань-буддисты видели свою задачу в одухотворении жизни каждого человека. Общее этих двух учений также в том, что они оказывают воздействие с помощью парадоксальных деяний.

Под природой киники подразумевали естественность как антитезу искусственности, у последователей дзэн важным моментом считалась спонтанность в поведении. Если допустить, что под природой киники понимают сущность человека, то все равно у них она соответствует животной, но точно никак не природе Будды. Киники считали себя равными всем созданиям природы, а дзэн-буддисты полагают природу Будды присущей каждому живому существу. Любопытно, что киники проповедовали простую жизнь, лишённую изощренного интеллектуализма и последователи чань также отрицают значимость теоретических построений. Еще киники признавали ценностью только лишь добродетель и отсутствие желаний, что очевидным образом пересекается с учением чань. Добродетель умереннос-

ти и есть тот «срединный путь» – основа буддизма. Однозначно, самое главное, что их объединяет, так это общая цель – свобода!

Мы должны здесь определиться с самим концептуальным понятием дзэн, которое в общеупотребительном смысле является синонимом дзэн-буддизма.

Кристоф Хамфиз пишет так: «Слово «дзэн» имеет, по меньшей мере, три значения. Во-первых, оно обозначает японский извод китайского чань, который, в свою очередь, восходит к санскритскому слову «дхьяна», означающему «глубокое сосредоточение», «созерцание». Отсюда название – «дзэн» – в буддизме, иногда в ранних трудах именуемый школой созерцания. Это простейшее значение данного понятия. Высшее же значение указывает на безымянное то, конечный абсолют, превосходящий все имена. Лежащее между ними значение характеризует мистический опыт переживания того, проблеск сознания, находящегося вне времени и пределов собственного сознания, Конечного, откуда произошел весь известный нам мир. Именно в этом смысле мы говорим о прикосновении к дзэн, или переживании дзэн» [4, с. 17–18]. Для нас дзэн представляет собой состояние полной осознанности и собранности просветляющее повседневность. Обладают ли киники дзэн? Определенно да, но конкретно в указанном смысле.

Вон Кью-Кит в своей «Энциклопедии дзэн» приводит пример коанов, которые сам называет «странными историями»: «Как-то раз Линьцзи спал на скамье в монастырской обители. Его учитель Хуанбо, чтобы разбудить Линьцзи, постучал по лавке. Открыв глаза, ученик лишь взглянул на учителя и снова уснул. Хуанбо решил разыскать старшего монаха и нашел его созерцающим в предназначенном для этой цели зале. Учитель приблизился к монаху и сказал: «Тот парень на скамье действительно практикует чань; а вот о каких пустяках размышляешь ты?»

Некий монах обратился к Чжаочжоу с такими словами: «Я только что пришел в эту обитель. Дайте мне наставление». Чжаочжоу спросил: «Ты уже ел сегодня похлебку?» Монах ответил: «Да, ел». Чжаочжоу сказал: «Тогда пойди и вымой свою чашку». В этот момент монах прозрел.

Однажды Четвертый чаньский патриарх Даосинь отправился на гору Ньютоушань нанести визит чаньскому учителю Фажуну. Фажун достиг такой святости, что его хижину охраняли тигры и волки, а птицы каждый день приносили ему цветы. Даосинь, увидев следы волков и тигров вокруг хижины, испугался, подняв руки. Чаньский учитель Фажун увидел это и сказал: «Вам еще знакомо это чувство страха?» «Что вы имеете в виду?» – спросил в ответ Четвертый патриарх. Фажун не знал, что ответить. Позже, когда Фажун вошел в хижину приготовить чай, Даосинь написал иероглиф «Фо» («Будда»). Рассудив, что сидеть на «Будде» неблагочестиво и непочтительно, он так и не присел. Четвертый же патриарх, смеясь, сказал: «Так вам тоже знакомо это чувство страха!» И в то же мгновение Фажун пробудился и достиг просветления. После этого он уже не видел, чтобы к нему приходили дикие звери охранять его хижину, прилетали птицы, принося ему цветы» [5, с. 5–6]. Затем он дает ценный комментарий: «Многих людей, интересующихся дзэн, ставят в тупик подобные истории. И все же следует заметить, что это вовсе не бессмысленные шарады, не игра слов. Хотя

самому дзэн и свойственно здоровое чувство юмора, все персонажи поведанных историй говорят совершенно серьезно» [5, с. 6]. «Поведанные выше истории по дзэн (кит. чань), иначе именуемые гуньянь (яп. коан) – записи случаев пробуждения наставников дзэн» [5, с. 7]. Это значит, что в своем самом простом смысле гуньянь представляет собой притчу, пересказывающую эпизод освобождения мастера, обретаемого парадоксальными средствами в абсурдных условиях. Приводит свое определение коана: «Коан (кит. гуньянь) – это дзэнская история, эзотерически высветляющая космическую истину, обычно описывающая опыт просветления самого наставника, всегда основывающаяся на внешне нелепой ситуации» [5, с. 188]. Значит, коан – это парадокс действия!

В энциклопедии «Философия буддизма» читаем о гуньянях (коанах): «В чань-буддизме этим словом стали обозначать специальные «вопросы-загадки», которые буддийский учитель ставил перед своим учеником» [6, с. 246]. «Смысл и решение гуньяней находится вне рамок обыденной логики. Они представляют собой своеобразные, парадоксальные тексты, сознательно нелепые, бессмысленные, алогичные сочетания слов, целью которых является разрушение мыслительных стереотипов, переструктурирование сознания, подталкивание его к интуитивному восприятию» [6, с. 246–247].

«Сю-фэнь пошел в лес со своим учеником Чжан-шэном рубить деревья. «Не останавливайся до тех пор, пока твой топор не срубит самую середину дерева», – предупредил Учитель. «Я срубил ее», – ответил ученик. «Старые мастера передавали учение из сердца в сердце, а как с тобой насчет этого?» – продолжал Сю-фэнь. Чжан-шэн бросил на землю топор, сказав: «Передано». Учитель поднял посох и ударил им своего любимого ученика» [7, с. 26].

«Однажды – было это зимой – Хуэй-ке подошел к любимой пещере Путидамо и попросил учителя, который медитировал внутри, успокоить свое сознание. Словно в ответ снег пошел сильнее и совсем занес монаха, которому почтение к учителю не позволяло войти в пещеру. Тот же оставался внутри и никак не реагировал на его просьбу. Тогда искатель истины в знак своей величайшей решимости отрубил себе левую руку и, преодолевая боль, протянул ее ему со словами: «В моем сознании нет покоя. Прошу вас, Учитель, успокойте его!». И тогда, наконец, тот молвил: «Давай мне твое сознание, и я его успокою». Он отвечал: «В том-то и дело, что всякий раз, когда я его ищу, то никак не могу ухватить». «Ну, вот, я и успокоил твое сознание!» – сказал Путидамо, и после этих слов Хуэй-ке испытал просветление» [8, с. 52–53].

Продолжим сопоставление. Б. Рассел об отношениях основателя кинизма и его главного и самого известного ученика рассказывает следующее: «Антисфен гнал юношу прочь, но тот не обратил на это внимания. Антисфен побил его палкой, но тот не сдвинулся с места. Ему нужна была «мудрость», и он считал, что Антисфен должен ему ее дать» [3, с. 293]. Ситуация похожа на учение дзэн.

Про Антисфена так же делал интересные заметки и Диоген Лаэртский. Посмотрим: «Один мальчик с понта собирался слушать его и спросил, что для этого нужно приготовить; Антисфен ответил: «Приготовить книжку, да с умом,

и перо, да с умом, и дощечку, да с умом» [9, с. 215–216]. Мы видим здесь параллель с практикой дзэн, которую описывает Тит Нат Хан в своей работе «Ключи дзэн»: «Когда зажигается светильник осознанности, все наше естество вспыхивает, и тогда освещается каждая проходящая мимо нас идея и эмоция. Мы выполняем обыденные дела, но теперь осознаем свои поступки, слова и мысли» [10, с. 7]. Определенно, Антисфен, осуждая современное ему общество как испорченное, ожидал хотя бы от своих питомцев по-настоящему осмысленного отношения к жизни. Показательны еще два его высказывания: «На вопрос, почему у него так мало учеников, он ответил: «Потому что я гоню их серебряной (может быть, *agriai* – свирепой?) палкой» [9, с. 216]. Речь идет, скорее всего, о том, что, считая себя серьезным наставником, Антисфен, в свою очередь, искал для себя таких же воспитанников. Примерно также ведут себя мастера дзэн. И следующее: «На вопрос, почему он так суров с учениками, он ответил: «Врачи тоже суровы с больными» [9, с. 216]. Здесь великий воспитатель представляется уже как целитель. Он, возможно, одним из первых применяет к себе этот мощный образ, впоследствии широко распространенный в западной культуре.

Пересечение кинизма с чань-буддизмом касается также положения об искаженном восприятии мира у обычного «непросветленного» человека по причине «больного ума». Далее: «Однажды ученик пожаловался ему, что потерял свои записи: «Надо было хранить их в душе», – сказал Антисфен» [9, с. 216]. Возможно, что этот первый киник хотел добиться от своих учеников выработки особого отношения к способу передачи знания, чтобы понимание оставалось, как говорится, «в сердце». «Умер он от чахотки, как раз тогда, когда к нему пришел Диоген и спросил: «Не нужен ли тебе друг?». А однажды Диоген принес с собой кинжал, и когда Антисфен воскликнул: «Ах, кто избавит меня от страданий!», он показал ему кинжал и произнес: «Вот кто». – «Я сказал: от страданий, а не от жизни!» – возразил Антисфен» [9, с. 220]. Это ситуация выглядит трагично ввиду того обстоятельства, что философ считал себя нравственно здоровым и способным излечивать других от пороков. Что же это? Ирония судьбы или испытание на обретение абсолютной свободы? Можно сказать, что Антисфен – мастер дзэн.

Про Диогена рассказывали такие истории: «Некоторые из любопытства хотели поближе познакомиться с Диогеном, но когда он начинал их обличать, они сразу же обращались в бегство, они радовались, когда он бранил других, но сами боялись этого и убегали подальше. Когда Диоген по своему обыкновению шутил и высмеивал других, они забавлялись сверх всякой меры, но его свободную речь, полную серьезного смысла и угроз, не выносили» [11, с. 129]. Мы видим, что самый известный киник был остер на язык и стремился использовать эту свою способность на исправление нравов окружающих его людей. Юмор также часто пускается в ход и учителями дзэн из-за его поразительной доходчивости и вдохновляющей силы. Еще фрагмент: «Диоген говорил, что если его труп растерзают псы, то погребение состоится на гирканский манер, если же сожрут коршуны, то на индийский, если никто не притронется к телу, то самое прекрасное погребение совершит время при помощи

замечательных вещей – солнца и дождей» [11, с. 136]. Об этом же из другого источника: «Некоторые рассказывают, что, умирая, он приказал оставить свое тело без погребения, чтобы оно стало добычей зверей, или же сбросить в канаву и лишь слегка присыпать песком; а по другим рассказам – бросить его в Илисс, чтобы он принес пользу своим меньшим братьям» [9, с. 239]. Нужно пояснить, что под «индийским» здесь подразумевается именно буддийский способ ухода из жизни посредством оставления своего тела на съедение животным как полное завершённое воплощение принципа принесения блага всем живым существам.

Б. Рассел пишет об образе жизни Диогена: «Он жил, как индийский факир, подаянием» [3, с. 294]. Нам всем понятно, что в данном контексте это арабское слово, означающее буквально «бедняк» было употреблено в смысле индийского бродячего нищего, йога, заклинателя змей и т. д. Действительно можно предположить, что Диоген мог бы приручать различных животных. Существуют разные буддийские истории, рассказывающие о служении животных мастерам дзэн. По поводу же подаяний общеизвестно, что дзэнские монахи регулярно ходят по селениям со специальными чашами для милостыни. Вместо йоги они занимаются ушу. И заканчивая рассуждениями А. Н. Чанышева: «В кинизме мы видим греческий аналог учений Будды и «Бхагавадгиты» с их проповедью универсальной отрешенности, свободы как преодоления всяких привязанностей в жизни» [12, с. 233], согласимся, но только лишь в отношении чань-буддизма. Там же: «Своим выходящим за всякие рамки дозволенного поведением Диоген подчеркивал превосходство мудреца над обыкновенными людьми, которые заслуживают лишь презрения. Однако было бы неправильно видеть в Диогене лишь нигилиста, античного хиппи» [12, с. 234]. Стоит отметить, что подобное поведение вписывается в эстетику или «антиэстетику» панка (англ. *punk* – перен. разг. «нехороший», «дрянной» или «грязь», «гниль», «отбросы» – что-либо ненужное), т. е. человека, критически относящегося к культуре, и в особенности к политике. Интересно, что существовало такое духовное течение в западной культуре, как хиппи-дзэн. Олдос Хаксли, писатель и философ, – один из самых ярких его представителей. Восточные последователи дзэн осуждают западных хиппи-дзэн за использование наркотиков. Но Диоген вполне мог бы быть хиппи, разделив их стремление уйти, отстраниться от социальной системы.

Таким образом, к признакам, общим для чань-буддизма и кинизма можно отнести: серьезность, ироничность, глубину, искренность, требовательность, честность, эпатажность, точность, эмпатичность.

Любое переживание бытия есть парадоксально описываемое событие внутренней жизни. Пожалуй, как раз чань-буддизм и кинизм наиболее резко и четко показали нам, что истина постигается наилучшим образом именно в правильном действии. Благодаря им мы теперь можем смело избавляться от «мусора в голове» и делать свою жизнь более осмысленной.

1. Маслов А. А. Афоризмы и тайные речения Бодхидхармы. Ростов н/Д: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2008. 252 с.

2. Дюмулен Г. История дзэн-буддизма. М.: ЗАО «Центр-полиграф», 2003. 317 с.
3. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: в 3 кн. Изд. 5-е, стер. Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 2007. 992 с.
4. Хамфриз К. Дзэн-буддизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 320 с.
5. Вон К.-К. Энциклопедия дзэн. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 400 с.
6. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит., 2011. 1045 с.
7. Железная флейта. Сто коанов дзэн. М.: Центр духовной культуры «Единство», 1993. 112 с.

8. Чань-буддийские притчи / сост. С. Ю. Хольнов. М.: Эксмо, 2009. 224 с.
9. Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1998. 572 с.
10. Хан Т. Х. Ключи дзэн. Преображение и целительство. М.: Нирвана, 2004. 256 с.
11. Антология кинизма: Философия неприятия и протеста. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.
12. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высш. шк., 1981. 374 с.

© Кучковский П. В., 2016

УДК 165.19

Н. И. Мартишина
N. I. Martishina

КОНЦЕПЦИЯ МНОГООБРАЗИЯ ВИДОВ ПОЗНАНИЯ: О НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВИЯХ ПАРАДИГМЫ

Рассматривается концепция многообразия видов познания, показано, что в современной эпистемологии она имеет статус парадигмы. Раскрыто содержание теоретического ядра данной парадигмы и продемонстрировано, какие выводные концепции относительно датировки возникновения науки и статуса критериев научности из него могут быть получены. Выявлен разрыв между декларируемым принятием этой парадигмы и реальным следованием ей в конкретных исследованиях в рамках теории познания. Предложено объяснение этого разрыва. По мнению автора статьи, он обусловлен противоречием между имманентно сциентистской организацией техногенной цивилизации и социальной потребностью в поддержке различных типов знания. Концепция многообразия видов познания в чистом виде оценена как крайняя, абсолютизированная точка зрения; ее значение – в смещении философских представлений о познании в направлении гносеологического плюрализма.

Ключевые слова: виды познания, наука и вненаучное знание, неклассическая эпистемология.

THEORY OF KNOWLEDGE DIVERSITY: SOME IMPLICATIONS OF PARADIGM

The article considers the theory of knowledge diversity. This theory is presented as a paradigm of modern epistemology. The article describes the content of the theoretical core of this paradigm and demonstrates its implications: ideas about the dating of the science emergence and status of the scientific criteria. The article reveals a gap between the declared acceptance of this paradigm and the real adherence to it in the epistemological case studies. An explanation for this gap is offered. According to the author of the article, it is caused by the contradiction between scientism in the immanent organization of technological civilization and social need for support of different types of knowledge. The theory of knowledge diversity is considered as a purely extreme view point. Its value lies in the change of philosophical visions of knowledge in the direction of epistemological pluralism.

Keywords: types of knowledge, science and non-scientific knowledge, non-classical epistemology.

Одним из наиболее существенных изменений в развитии философской теории познания второй половины XX в. стало утверждение концепции многообразия видов познания. Идея «горизонтального структурирования» пространства познания противопоставлялась существовавшему «вертикальному», иерархическому его структурированию, в котором эталонным видом познания представлялась наука, а остальные формы познания оценивались с точки зрения соответствия ей и перспектив достижения научного уровня. Концепция многообразия видов познания говорила о самостоятельном значении вненаучного знания, о том, что каждый вид познания имеет свои функции и свою «когни-

тивную нишу», о необходимости рассматривать виды вненаучного знания не в качестве неполноценной науки, а на собственной основе, как востребованные (иначе бы они не воспроизводились так устойчиво в культуре) стратегии познания, способные открывать недоступное иным подходам. Для отечественной философии точкой отсчета, знаменующей появление этой концепции в ее тематическом пространстве, следует, по-видимому, считать программные сборники [1; 2], подготовленные Институтом философии РАН и изданные в 1990 г.

Появление концепции многообразия видов познания определило перевод исследований вненаучного знания

в принципиально иной ракурс. Новый подход позволял обсуждать обыденное познание не как примитивное, несистематизированное и скользкое по поверхности явлений, а как важнейший для жизни опыт, выкованный в «плавильном тигле повседневности. Он определял мифологию не как «форму ложного сознания», а как внутренне логичную систему представлений о мире. Он обнаруживал в религии не «продукт невежества и обмана», а мировоззрение с инвариантными по отношению к конкретному вероисповеданию принципами. Он выводил дискуссии о статусе философии из дихотомических рамок «наука – недонаука», демонстрируя, что выход философии за горизонт науки является естественной формой преодоления ограниченности последней. Иными словами, был создан контекст *содержательного* рассмотрения различных форм познания, в котором их отличия от науки трактовались не как недостатки, а как особенности и, более того, сопоставление с наукой не являлось ключевым для их осмысления, поскольку рефлексия была призвана обнаружить не то, чего в них недостает в сравнении с другими формами, а то, что в них присутствует и в чем проявляется их когнитивная сила.

В 1990-е гг. с новых позиций были рассмотрены и описаны наиболее фундаментальные виды вненаучного познания: мифологическое, религиозное, художественное, философское; в следующие десятилетия к продолжающемуся их осмыслению добавились работы, посвященные изучению более локальных форм, например магии [3] или рекламы [4], также рассматриваемых в качестве когнитивных феноменов; кроме того, обсуждались вопросы о возможности выделения других общих видов познания – технического, предметно-практического.

Существенно, что концепция ориентировала исследователей на изучение логико-гносеологических средств построения рассуждений, основываясь на допущении наличия в рамках каждого из них специфических процедур получения, обработки и представления информации. Соответственно религия, мифология, искусство, магия, реклама и т. д. рассматривались не в привычном статусе социокультурных явлений, а как специфические системы производства знания особых типов, и фиксировались их «гносеологические маркеры». По-видимому, такой подход действительно способствовал адекватному пониманию того, как строятся и как работают эти системы, позволив разграничить содержательную сторону (представления о мире, которые обращаются внутри каждого вида познания) и своеобразную логику, составляющую сущность каждого вида. Только на этой основе оказалось возможным, например, адекватно обсуждать феномен современной мифологии, в которой может отсутствовать традиционный мифологический декор, но действуют присущие классическому мифу процедуры построения и трансформации образов, или обнаруживать элементы религиозного мышления в идеологических и паранаучных концепциях. Точно так же, как в свое время К. Леви-Стросс, начав изучение мифологического мышления с предположения: «В мифе все может случиться; кажется, что развитие событий в нем не подчинено никаким правилам логики. Любой субъект может иметь какой угодно предикат; возможна любая мыслимая связь» [5, с. 153], пришел к выводу: «Логика мифологического мышления кажется нам столь

же взыскательной, как и логика, на которой основывается позитивное мышление... различие в меньшей степени касается интеллектуальных операций, чем природы вещей, над которыми производятся эти операции» [5, с. 164]. Гносеологический анализ рекламы обнаруживает, что лишь на первый взгляд «рекламный стиль мышления не является стилем собственно мышления» [4, с. 34]: у него есть вполне определенный набор логических средств, на котором он базируется, и именно этот набор задает рамки рекламного дискурса (см.: [6]). Иными словами, анализ мифологии, рекламы и т. д. как стратегий мышления оказался возможным и, более того, значительно обогащающим привычные представления о них.

Концепция многообразия видов познания была, безусловно, идеей парадигмального уровня при вполне ортодоксальном понимании парадигмы как выработанной концептуальной основы научного достижения, которое «в течение некоторого времени признается научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» [7, с. 28]. В этой связи примечательно, что Т. Кун характеризовал момент утверждения новой парадигмы как «переключение гештальта». Ученый должен научиться видеть мир в определенном ракурсе, как человек, надевший очки с эффектом переворачивания изображения. Знаменитая метафора Т. Куна, описывающая положение дел до и после научной революции – совокупность линий, в которой раньше мы видели утку, а теперь видим кролика: каждый штрих остается на том же месте, но приобретает совсем иное значение, и данную область реальности в целом мы воспринимаем по-другому. «Переключение гештальта» – новый способ восприятия – сложен и требует от ученого определенного интеллектуального и волевого усилия; не случайно возникает сравнение еще и с религиозным обращением.

Насколько сегодня, по истечении четверти века активного присутствия концепции в отечественной философии, можно говорить о произошедшем переключении на видение поля познания через очки новой парадигмы? Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание на некоторые «жесткие» моменты в ее содержании, которые логически следуют из общей установки на признание многообразия, но сравнительно редко озвучиваются в качестве таковых. Нередко это, по существу, просто по-другому сформулированные положения концепции, которые, однако, выглядят менее приемлемыми, чем привычные формулировки.

Если мы соглашаемся с тем, что религия или искусство могут производить полноценное знание, то тем самым мы утверждаем, что производство такого знания не является прерогативой науки. Наука перестает быть синонимом «настоящего», «правильного» познания. В результате немедленно оказываются как минимум терминологически неточными все историко-научные работы (включая учебники), в которых описание развития конкретных наук начинается с появления первых правильных представлений в данной области – например, классический фундаментальный труд Дж. Бернала, отсчитывающий историю науки от «рацио-

нальной механики рычага, лука, бумеранга», «гидростатики лодки и плота» [8, с. 50]. Приходится признать, что наличие реальных достижений познания не дает никаких оснований для утверждений о существовании науки на данном уровне развития культуры. Если в древнеиндийской культуре Земля считалась шарообразной, это не значит, что там присутствовало научное представление о ее форме – возможно, просто таким было мифологическое представление. И хотя на общем уровне мы склонны согласиться, что «научное мировоззрение не является синонимом истины точно так, как не являются ею религиозные или философские системы» [9, с. 43], нам не так-то легко признать, что тогда и истина не является синонимом науки: на уровне знакомства с конкретной историей жертвы, которых требует от нас пересмотр парадигмы, выглядят достаточно существенными. И учебники продолжают строиться на традиционном подходе.

Если мы считаем правильным различать виды познания, нам необходимы достаточно четкие наборы признаков, которые идентифицировали бы каждый из видов и позволяли бы провести демаркацию. Мы не можем просто согласиться с тем, что все различия относительны и четкие границы провести невозможно: концепция многообразия видов познания предполагает дифференциацию, а не тотальное однообразие. Для того чтобы говорить, что все виды познания по-своему значимы, надо сначала увидеть их как различные. Необходимо принять, что у каждого есть своя специфика, и достаточно строго подойти к определению специфики каждого вида. В частности, с этих позиций мы не можем принять за основу любые признаки, определяющие науку, по собственному выбору – мы обязаны ориентироваться на весь спектр критериев, прошедших горнило дискуссий о критериях научности. Соответственно становятся неправомерными высказывания типа: «Наука – термин, используемый в самом широком смысле для обозначения обобщаемого и систематизируемого знания в любой области» [10, с. 20] или, кстати, «Крещение Руси: факты против мифов»: в рамках данной парадигмы «наука», «миф» «религия» – это термины, предполагающие конструктивные определения и строгое, а не расширительное употребление.

Если мы рассматриваем виды познания как различные стратегии общей – познавательной – деятельности, то должны исходить из предположения о существовании родовых признаков этой деятельности, не связанных строго с какими-то определенными видами познания. К таким признакам, в частности, относится рациональность, заложенная в самой природе познания; но это означает, что из рациональности некоторой концепции точно так же не следует ее научность, как она не следует из истинности этой концепции. К ним же относится необходимость некоторых положений, которые в рамках данного взгляда на мир не могут быть обоснованы и принимаются как базовые постулаты; строго следующий парадигме философ сделает из этого вывод о существовании разных видов веры (как религиозной, так и нерелигиозной) [11], а философ, безотчетно связывающий веру исключительно с религией, – об элементах религиозного в мирском сознании [12].

Рассмотрим с этой точки зрения такую довольно распространенную логическую схему. Анализируя познание

в рамках богословия, эпистемолог справедливо отмечает, что «религиозный исследователь пользуется гипотетико-дедуктивным методом, конструктивно-генетическим методом, логикой» [13, с. 71], из чего заключает: «Это позволяет говорить о научности методологии в процессе богословского познания» [13, с. 74]. С позиций рассматриваемой парадигмы заключение примерно так же обосновано, как суждение: «Тот факт, что у женщин по пять пальцев на каждой руке, как и у мужчин, позволяет говорить о мужественности женщин». Речь идет о путях, которыми движется человеческая мысль вообще; разумеется, ими пользуются различные виды познания, и монополией на логику ни один из них не обладает. Но тогда и апелляция от логики к какому-то из них неправомерна.

Тенденция оценить и обозначить знание, которое нам представляется ценным как научное, пускай и с оговорками, – это с точки зрения парадигмы многообразия проявление неявной сциентистской установки, которой данная парадигма противопоставляется. А безотчетность такого стремления свидетельствует как раз о незавершенности переключения гештальта. Впрочем, это касается не только науки. Такие же сомнения при точном следовании парадигме вызывают суждения, основанные на неявной убежденности в безусловном приоритете любого другого вида познания, например: «Дать точное определение религиозной веры и правильно воспринять его может только верующий человек» [13, с. 35]. Если все виды познания равны в своей гносеологической оправданности, никакие из них не могут быть более равны, чем другие.

Таким образом, на мой взгляд, в современной отечественной теории познания возник определенный разрыв. На уровне определения базовых принципов декларация концепции многообразия видов познания уже стала общим местом и, когда она обсуждается напрямую, все более или менее с ней солидарны. Но там, где под ее эгидой вроде бы должны выстраиваться выводные концепции, обнаруживается, что разворота всего массива гносеологического знания к новому видению не произошло. Традиционные установки все время прорываются, как только мы утрачиваем бдительность. И для этого, по-видимому, есть более серьезная причина, чем простая инерция мышления.

Концепция многообразия видов познания – одна из «философских крайностей», которые необходимы для требуемого культурной перспективой смещения общественной мысли в каком-то направлении. Возможно, это как раз тот случай, когда философия выдвинула «сумасшедшую» идею, которая, не являясь «дословно» правильной в своем предельном выражении, призвана была изменить интеллектуальный климат, расшатывая глобальные сциентистские установки. И, вероятно, здесь имеет место как раз та миссия философии в культуре, о которой говорит Д. М. Федяев: «В ходе развертывания философской мысли реально существующее доводится до предела, до чистой теоретической формы... При этом выявляются эвристические возможности идеи, а ее слабые стороны становятся очевидными и уязвимыми для содержательной критики» [14, с. 32]. Диоген уподобил философа наставнику, который нарочно берет ноту на октаву выше, чтобы ученик понял, как надо; ученик не сможет так спеть, но он тоже возьмет

выше. Концепция многообразия видов познания предлагает доведенный до логического предела, крайний взгляд на вещи. В техногенной цивилизации вряд ли возможно на самом деле уравнивать в правах науку и другие виды познания, утверждая, что ни у одного из них нет никаких когнитивных преимуществ. И когда это провозглашает, например, П. Фейерабенд, он стремится скорее сломать стереотип, согласно которому позитивным знанием является только наука, а все остальное вообще не является знанием. «Обличение в буквальном смысле» [14, с. 32] концепции многообразия видов познания действительно делает явными те ее моменты, которые мы принять не готовы. Полный переход на позицию радикального гносеологического плюрализма не реализуется потому, что весь уклад современной культуры, в силу той роли, которую в действительности играет в ней наука, сопротивляется этому. Отсюда и традиционалистские «оговорки» в философской риторике.

Тем не менее позиция, выраженная концепцией многообразия видов познания, появилась не на пустом месте: она возникла как реакция на крайности сциентизма, из реальной недостаточности научных средств и методов для понимания некоторых сторон человеческого бытия. Увидеть вариативность норм познания, обнаружить границы научной формы рациональности, расширить пространство допустимого – одна из важнейших потребностей современной теории познания, заставляющая нас все-таки предоставить «аванс доверия» данной парадигме. Того же требуют и совершенно практические потребности. Так, склонность наивного сциентизма считать и называть научным любой ценный познавательный результат породила в современном обществе практику проведения самых различных познавательных достижений через научную систему оценки и признания квалификации (т. е. через выполнение и защиту диссертационных исследований). Но если реально такие достижения лежат в сфере других видов познания (например, религиозного или предметно-практического знания), возникают противоречия. Квалифицированная богословская работа или обобщение практического опыта ведущего специалиста по связям с общественностью, обладая безусловной познавательной ценностью, с большим трудом оцениваются по классическим критериям качественной научной работы просто потому, что данные критерии изначально для их оценки не приспособлены. Четкое проведение принципа многообразия видов познания в социальной практике позволило бы поставить вопрос о разработке альтернативных систем и процедур признания квалификации, потребность в которых, безусловно, существует.

Таким образом, концепция многообразия видов познания, даже если в современных условиях невозможна ее полная реализация, содержит в себе идею, необходимую в общем спектре философского осмысления познания и практического поиска адекватных форм его социального бытия. Именно поэтому представляется столь важным, обращаясь к ней, видеть ее в полном объеме и целенаправленно следовать ее логике. П. Фейерабенд, размышляя о возможности быть

«гносеологическим плюралистом», говорил о необходимости поддерживать теории, которые у тебя самого вызывают сомнение, «делать слабое более сильным», потому что только благодаря этому можно «поддерживать движение целого» [15, с. 162]. На мой взгляд, концепция многообразия видов познания – это как раз та пока еще «слабая» идея, которая сегодня нуждается в пролиферации, в первую очередь через развитие на ее основе конкретных исследований, в надежде, что в перспективе на этой основе станет возможным новый виток развития философии познания.

1. Заблуждающийся разум? Многообразие внеучного знания / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во полит. лит., 1990. 464 с.

2. Знание за пределами науки / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: Изд-во ИФ РАН, 1990. 199 с.

3. Касавин И. Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные исследования. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.

4. Ильин А. Н. Реклама как дискурсивная практика потребительского общества // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 25–35.

5. Леви-Стросс К. Структура мифа // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152–164.

6. Мартишина Н. И. Эпистемология рекламы: к постановке проблемы // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2015. № 4. С. 69–75.

7. Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 296 с.

8. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 736 с.

9. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.

10. Бабушкин А. Н. Современная картина мира: проблема единства наук // История и философия науки: учеб.-метод. материалы по Федеральной программе переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 20–22.

11. Пивоваров Д. В. Вера и знание в религии и науке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. 100 с.

12. Бубнов Е. С. Диалектика религиозного и мирского в познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2013. 22 с.

13. Федосеева Е. Ю. Познавательная специфика богословского сообщества: дис. ... канд. филос. наук. Новгород: ННГУ, 2016. 205 с.

14. Федяев Д. М. Философия против очевидного // Вестник Омского государственного педагогического университета: гуманитарные исследования. 2015. № 5 (9). С. 29–32.

15. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.

© Мартишина Н. И., 2016

ИММАНЕНТНОЕ И КОНТИНУАЛЬНОЕ КАК ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье раскрывается репрезентативный потенциал художественной литературы, позволяющий осмыслить онтологию детства в гуманитарном знании. Определяется возможный подход к философскому осмыслению литературной репрезентации детства. В качестве оснований конструирования феномена детства автор видит категории имманентного и континуального, применение которых на основе идеи Ф. Шеллинга о конструировании искусства как универсума, проясняет и бытийную эмпирику феномена детства. Литература при этом определяется как неспецифическая форма философствования. Позиция автора основывается на анализе трудов ряда русских и западных философов.

Ключевые слова: детство, художественная литература, имманентное, континуальное, репрезентация, формы философствования.

IMMANENT AND CONTINUOUS AS THE PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF CONSTRUCTING IMAGES OF CHILDHOOD IN FICTION

The article reveals the representative capacity of fiction to reflect the ontology of childhood in the Humanities. A possible approach to philosophical reflection on literary representation of childhood is defined. The author considers the categories of immanent and continuous as the basis of design of the phenomenon of childhood. Based on the ideas of F. Schelling of constructing art as the universe, the application of these categories also clarifies the existential empirics of the phenomenon of childhood. Thus, literature is determined as the non-specific form of philosophizing. The author's position is based on the analysis of the works of a number of Russian and Western philosophers.

Keywords: childhood, fiction, immanent, continuous, representation, forms of philosophizing.

Художественная литература во все времена имела антропологическую направленность, исследуя природу и возможности человека, сущее и должное в нем, репрезентируя в имплицитной форме теорию личности, характерную для той или иной эпохи. Художественная литература осмысляет не только взрослого человека, но и «нормативный образ ребенка и неразрывно связанные с ним цели, задачи и методы воспитания, <...> которые всегда зависят и во многом производны от присущей культуре имплицитной теории человека» [1, с. 110]. Значимость литературной репрезентации детства признана не только в литературоведении, фольклористике, но и в сфере педагогики, психологии, психиатрии, этнографии. Так, И. С. Кон обращался к художественной литературе, определяя методологические основы этнографии детства, полагая, что чистая этнография, социология или история детства практически невозможны, так как сравнительно-историческое изучение детства не может не быть междисциплинарным. Действительно, именно художественная литература выявляет акупунктуру представлений о детстве в качестве общей основы для дальнейших обращений к истории и теории детства в гуманитарных исследованиях в различные исторические периоды в разных типах культуры. К образам детства в словесном творчестве обращается и философия на всем протяжении своего существования от Античности до наших дней: от Гераклита до Ж. Батая в западной философии, от русской сказки и Поучения Владимира Мономаха до Н. Федорова в русской философии.

К началу XX века детство как бытийный факт было осмыслено прежде всего именно художественной литературой, которая ставила и решала не только собственно эстетические задачи, связанные с развитием художествен-

ной формы, но и непосредственно раскрывала содержание феномена детства. Литература пластически зримо представила протяженность и протекание возрастного периода детства, его социальные и национальные детерминанты, семантику оппозиций: дети-взрослые, дети-дети, ребенок-взрослый, ребенок-дети, дети-общество, ребенок-общество, ребенок-универсум. Литература раскрывает и внутренний мир ребенка, картины непосредственного проживания им своей жизни, и отношение к ребенку, к детству со стороны взрослых. Будучи искусством слова, литература оперирует как образом, так и понятием. Опыт детства и его художественное рациональное осмысление – все это накапливалось в литературе и определяло направление гуманитарных исследований. Так, например, тема детства в творчестве В. Гюго имплицитно определила направления развития этнографии, психологии и педагогики детства в континентальной Европе. Осмысление детства в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, В. Г. Короленко обусловило характер развития русской семейной и школьной педагогики. В американской литературе середины XX века раскрывался аспект детства в гендерном дискурсе. Тем не менее в гуманитарном знании звучит весьма спорная, на наш взгляд, мысль о позднем открытии детства и ребенка в художественной литературе [2, с. 10–14]. Сторонники этой позиции полагают, что проявление интереса к детству в истории культуры говорит о достаточно высоком уровне социального развития, о сформированном социальном самосознании и указывают, что Античность и Средневековье сохранили мало свидетельств о детстве [2, с. 10–14]. Однако Ф. Арьес не считал отсутствие свидетельств результатом явного пренебрежения к детству: «Это не значит, что детьми вообще пренебрегали и не заботились о них. Поня-

тие «детство» не следует смешивать с любовью к детям: оно означает осознание специфической природы детства, того, что отличает ребенка от взрослого и даже молодого» [3, с. 13]. Таким образом, вопрос об «открытии» детства и об отнесении открытия детства к строго определенному историческому периоду представляется весьма спорным. Полагаем, что говорить об «открытии» детства все равно, что говорить об открытии человека как такового. На наш взгляд, значение имеет характер представлений о детстве и ребенке, соотношение имплицитного и проявленного как в содержании самих представлений, так и в формах их репрезентации, в частности, имеет значение мера образного и понятийного в понимании и выражении понимания феномена детства в литературе и в философии. Иными словами, возникает вопрос о философских основаниях репрезентации феномена детства в художественной литературе. Такими мы определили имманентное и континуальное начала в самом детстве и ребенке.

Имманентное и континуальное как философские основания конструирования феномена детства представляют собой форму понимания процессов объективации содержания феномена детства в литературе и имеют непосредственную прагматическую значимость как аналитический инструментальный не только в философском, но и в культурологическом и филологическом анализе. Основания имманентное/континуальное вытекают из самого *состава феномена детства*, который представлен в литературе в образе ребенка (субъект детства), в образах поколенческих генераций, в образах экзистенциальных состояний детства. Формы литературного выражения здесь могут быть чрезвычайно разнообразны: целостный образ, символ, знак, интеллектуальная метафора, экзистенциальный поток существования, емкая пластическая картина мира, раскрывающая онтологический смысл детства в целом. Смысл детства может раскрываться через образ отдельного ребенка и совокупную множественность детей как возраст и состояние души, акцентированные в качестве духовной ипостаси детства в мироощущении взрослого человека. Литература в отличие от других видов искусства, философии и гуманитарных наук располагает наиболее широким спектром возможностей всесторонней репрезентации феномена детства, обращаясь в равной мере к явлению и сущности, внешнему и внутреннему, имманентному и трансцендентному в детстве. Рефлексия детства в литературе возможна с позиций субъекта и объекта с акцентами на историческом и социальном, психологическом и физиологическом, духовном и телесном содержании.

Литература отражает не только содержание феномена детства, но процесс его познания: «наше познавательное отношение к этому миру (детству) внутренне противоречиво. Интерес к детству, как и к историческому прошлому, возникает лишь на определенном этапе индивидуального и социального развития <...> общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства, и не может познать мир детства, не зная истории и особенностей взрослой культуры» [1, с. 6].

Подчеркнем, что обращение к проблеме философских оснований конструирования феномена детства в литературе актуализирует вопрос о взаимосвязи литературы и фи-

лософии, поскольку исследование литературной репрезентации предполагает применение опосредованных методов анализа, отражающих понимание феномена детства как бытийного факта и как факта иной, уже художественной, словесной реальности [4, с. 114–117].

Философскую значимость непосредственного содержания литературы, способность литературы первой нащупывать и актуализировать художественными средствами ту или иную идеологию, значимую также и для философской рефлексии, отмечал М. М. Бахтин. «Познавательные и иные содержания литература берет не из системы познания и этоса, не из отстоявшихся идеологических систем <...> но непосредственно из самого процесса живого становления познания, этоса и других идеологий. Поэтому литература так часто предвосхищала философские и этические идеологии, – правда, в незрелом, необоснованном, интуитивном виде» [5, с. 199].

Действительно, «интеллектуальное созерцание должно быть направлено единственно на сокровенную для чувственного взора и открытую лишь духу истину» [6, с. 44], а именно литературный текст, более чем какой-либо иной, является носителем истины детства и ребенка, а литература выступает в качестве неспецифической формы философствования [7].

М. М. Бахтин в качестве существенной особенности литературы полагал, что «литература входит в окружающую идеологическую действительность как самостоятельная часть ее, занимая в ней место в виде определенно организованных словесных произведений со специфической, им лишь свойственной структурой. Эта структура преломляет становящееся социально-экономическое бытие и преломляет его по-своему. Но в то же время литература в своем «содержании» отражает и преломляет отражения и преломления других идеологических сфер (этики, познания, политических учений, религии и пр.), т.е. литература отражает тот идеологический кругозор в его целом, частью которого она сама является» [5, с. 199].

Мы не склонны рассматривать литературу как «замкнутое, ограниченное целое» [6, с. 51], этого не позволяет уже сама исследуемая нами тема детства, имеющая сложную конфигурацию пересечений множества гуманитарных дисциплин, социальной практики и художественного творчества. В предметном полифонизме проблемы детства мы руководствуемся позицией Ф. В. Й. Шеллинга: «формы искусства суть формы вещей в себе, вещей, каковы они в первообразах» [6, с. 47], позволяющей обнаружить истину детства в художественной литературе.

Таким образом, обоснование имманентной природы детского бытия – чистого бытия, абсолютного бытия в себе [8] детства и его континуальности как способа укоренения в наличном бытии для всех как оснований его репрезентации в художественной литературе подтверждается исторически сложившейся рефлексией коррелята литературы и философии. Имманентное и континуальное определяют представление феномена детства в художественной литературе в целом, независимо от исторической эпохи создания литературных произведений, от жанровой литературной формы, в которой они представлены, от национальной специфики, обусловившей развитие той или иной литера-

туры, а также от индивидуального авторского мировидения. Имманентное и континуальное являются наиболее общими качествами, определяющими сам факт детства в действительности. Детство *имманентно*; внутреннее в нем, определяющее его диалектику, остается скрытым, неявным для любых рациональных научных исследований. Детерминированность детства историко-культурными, социальными, психологическими и иными факторами, а также результат любого воспитательно-образовательного воздействия на ребенка и на период детства в целом никогда не остается полностью в сфере рационального, обусловленного явными причинами. Проникновение в глубины состояния детства, в психику ребенка непременно актуализирует метафизическую проблематику. Так, Л. Н. Толстой, решая для себя вопрос о сущности детства, выяснял, возраст оно или состояние души? Вопрос о метафизической части детской души возникал у В. В. Зеньковского. «Детская душа так медленно развивается, так постепенно выявляет различные силы, ей присущие, черты своеобразия личности определяются в столь сложном процессе <...> Детская личность еще лишь задана, <...> закрыта, не оформлена, как бы окутана каким-то туманом» [9, с. 312]. Детская личность имеет метафизический корень, она «не только дана, но и задана» [9, с. 307].

Детство – *континуально*; оно имеет вполне определенные проявления в историческом, социальном, индивидуальном как процесс вполне очевидного взросления, осуществляемый в пространстве и времени. Ребенок нуждается во возвращении, которое помогло бы имманентному началу укорениться и осуществиться в бытии. «Становясь личностью, дитя медленно раскрывается» [9, с. 312]. «Человек никогда не бывает только дан, он никогда не закончен, он всегда и «задан», перед ним всегда раскрыта бесконечная перспектива духовного развития <...> из глубины души его поднимаются все новые и новые движения» по его укоренению в бытии [9, с. 311].

Итак, *имманентное* мы полагаем как начало, определяющее детство само из себя, а континуальное – как начало, определяющее укоренение детства в бытии.

Имманентное и *континуальное* мы полагаем как фундаментальные положения, конституирующие конструирование феномена детства в художественной литературе. В их обосновании мы обращаемся к рефлексии категорий *возможность/действительность, внешнее/внутреннее, сущность/явление, имманентное/трансцендентное*, а также *основание* и *обоснованное* в трудах Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Д. В. Пивоварова, В. В. Чешева, А. Н. Книгина. Придерживаясь устоявшихся и определенных в современном философском знании позиций, мы исходим из детерминизма парных категорий и, вслед за Д. В. Пивоваровым, рассматриваем данные парные категории как «определяющее условие и его воздействие на определяемую реальность» [10, с. 612].

Примеры детерминизма парных категорий как инструмента философского анализа явления широко известны: причина и следствие, сущность и явление, общее и единичное, необходимое и случайное, внутреннее и внешнее. «Каждая такая пара категорий характерным для нее образом преломляет в себе содержание связи основания и обос-

нованного. Например, основание может обернуться изнутри самораскрывающимся бытием, а обоснованное станет тогда внешним, предметным бытием» [10, с. 619].

Однако прежде, чем рассматривать детерминированность категорий *имманентного/континуального*, следует обосновать сам отбор данных категорий в качестве адекватного инструментария в исследовании оснований репрезентации феномена детства в художественной литературе и их соотношение с иными близкими им категориями. Категории *имманентного/континуального* представляют собой категории-дериваты, производные от категорий *сущность/явление, внутреннее/внешнее, имманентное/трансцендентное*.

Категории имманентного и континуального в применении к духовно-телесному становлению человека явно и имплицитно употребляются в трудах Сенеки, Августина, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, И. Г. Фихте, Ж.-П. Сартра, Ж. Батая. При этом непосредственно в качестве парных категорий они не рассматривались. Категория «имманентное» рассматривается в философии как парная категории «трансцендентное». Сложилась убедительная рефлексия данных категорий, выявляющая их универсальный характер [11, с. 333–334]. Однако в исследовании оснований репрезентации феномена детства в художественной литературе аппарат категорий *имманентное/трансцендентное* представляется слишком общим и потому недостаточным, хотя и позволяет на уровне чистой абстракции рассматривать детство как трансцендентное самому себе в преодолении имманентного и с его сохранением.

Полагаем, что данный универсальный уровень абстрагирования оснований конструирования феномена детства в литературе, хотя и акцентирует основной логический механизм проявления детства, не раскрывает онтологической специфики живого явления – детства человека, сводя его к механистическому пониманию.

К тому же, *имманентное* в детстве и ребенке является не просто основой *трансцендентного* как проявления сущности детства и ребенка и выхода этой сущности за границы внутреннего, во вне. Абстракция трансцендентного в случае осуществления ее в человеческом детстве как возрасте и духовно-телесном состоянии конкретизируется направленностью пространственно-временного континуума детства во взрослость. Трансцендентность детства осуществляется специфически континуально как процесс укоренения в бытии, а имманентное в детстве определяет эту континуальность. Укоренение ребенка в бытии имеет специфику. Континуум взросления не линейен, а концентричен, при этом в континуальных конфигурациях большое значение имеет не только универсальное, но индивидуальное, единичное.

В смысл категорий *имманентное/континуальное* интегрирован смысл категорий *внутреннее/внешнее*, которые также входят в инструментальный философского анализа репрезентации феномена детства в художественной литературе. Названные категории являются дериватами [12, с. 218–226] по отношению к категориям *сущность/явление*. При рассмотрении онтологических оснований репрезентации феномена детства данные категории позволяют актуализировать состояние детства, переживаемое субъектом

изнутри, суверенно и отражение этого состояния как объективной реальности автором.

В осмыслении оснований репрезентации детства в художественной литературе имеют значение и категории *сущность/явление*. Однако и они в чистом виде являются слишком общими, а потому недостаточными для исследования философских оснований репрезентации феномена детства. Их универсальное содержание также отчасти интегрировано в содержание категорий *имманентное/континуальное*. Таким образом, выявление категорий *имманентного/континуального* как оснований репрезентации феномена детства представляется нам целесообразным, поскольку философское исследование конструирования феномена детства в литературе неизбежно предполагает не просто логико-философский анализ, но опосредованные методы анализа, а также синтез и взаимопроникновение методов. Соответственно и категориальный аппарат предполагает определенную доводку и тонкую настройку в соответствии с исследуемым предметом, диктующим выбор путей его постижения и анализа; содержание рассматриваемого нами предмета – репрезентации феномена детства в художественной литературе – равным образом принадлежит философии, художественному творчеству, гуманитарным наукам и непосредственно отражает реальную практику детства в жизни [13, с. 11].

Обращение к категориям *имманентного/континуального* как основаниям образно-понятийного конструирования детства в литературе позволяет определить содержание феномена как самораскрывающееся детское бытие, в котором предполагается нечто первоосновное, абсолютное. «Одна из важнейших задач всякой философии заключается в поиске абсолюта, первоосновы всего сущего, предельных оснований (принципов) бытия и мышления. Будучи основанием всех оснований, абсолют <...> не требует для себя какого-либо обоснования, его бытие безусловно» [11, с. 620]. В качестве такой первоосновы, абсолютного детского бытия мы определили имманентность и континуальность субъекта детства и детства как духовно-телесного состояния, возраста, фазы развития. В связи с этим предлагается следующая экспликация категорий *имманентное/континуальное*.

Имманентная природа детства и ребенка определяется как абсолютность начала, его тождественность Единому, нераздельность с Божественной самостью, а следовательно, и тождественность Божественной самости; имманентное в детстве мыслится нами как тождественное Первоединому. Континуальность детства (ребенка) определяется его развитием и укоренением в бытии и проявляется в том, что, определяясь в себе самом, детство определяет свой бытийный континуум. Смысл имманентного начала детства есть абсолют, единое, самость. Смысл *континуального* начала детства есть укоренение самости в бытии, различие и осуществление ее. Младенец, представляя чистую нераздельность, сохраняя в своей самости божественность и единство с абсолютным, укореняясь в бытии, осуществляет различие внутри самости, единого, дифференцируясь, что и определяет континуальность. В понимании имманентного как основания репрезентации феномена детства в литературе мы опираемся на понимание категории «имманентное» Г. В. Ф. Гегелем, И. Г. Фихте, А. Шопенгауэром, Д. В. Пиво-

варовым, которые рассматривали имманентное как «пребывающее в чем-либо, свойственное чему-либо, то, что атрибутивно предмету, внутренне присуще вещи или процессу» [11, с. 333–334].

Континуальное мы понимаем как атрибут континуума – непрерывное, сплошное, совокупность всех точек прямой или какого-нибудь отрезка [14, с. 357]. В нашем случае континуальность является дихотомичным, парным понятием по отношению к понятию «имманентное». Еще раз подчеркнем, что мы не можем воспользоваться устоявшейся дихотомией имманентное – трансцендентное, поскольку понятие «трансцендентное» в настоящее время получило достаточно развернутую и филигранную экспликацию, в которой актуализован специфический смысл вкладываемого в понятие значения выхода из внутреннего, за его пределы. Понятие «трансцендентное» употребляется в контексте с виртуальным, онтическим [15], с когитарным и экзистенциальным [16, с. 199–201]. При этом «понимание трансцендентного только как выхода за пределы чего-либо является предельно широким <...> Понимание трансцендирования только как перехода границы приводит к ряду абсурдных положений» [16, с. 201]. В связи с предельной широтой понимания трансцендентного мы и обращаемся к понятию-деривату «континуальное».

Данные основания взаимообусловлены и определяют друг друга. Они представляют внешнее и внутреннее рассматриваемого нами феномена детства, объективированы во всех образах детства в художественном творчестве, следовательно, позволяют определить онтологическую специфику детства. Таким образом, обозначенные основания *имманентное/континуальное* «в логическом (и в некотором онтологическом) смысле первичны по отношению к обоснованному» [11, с. 620].

1. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.

2. Кон И. С. Этнография детства. Историкографический очерк // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. С. 9–50.

3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999. 416 с.

4. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 6–296.

5. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику // Бахтин М. М. (под маской) Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт. 2000. С. 185–348.

6. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1999. 608.

7. Трубина Е. Г. Философия литературы // Современный философский словарь / под общей ред. д-ра филос. наук проф. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ. 1998. С. 965–970.

8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 5. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 814 с.

9. Зеньковский В. В. Психология детства. М.: Академия, 1996. 346 с.

10. Пивоваров Д. В. Основание и обоснованное // Современный философский словарь / под общей ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ. 1998. 1064 с.

11. Пивоваров Д. В. Имманентное и трансцендентное // Современный философский словарь / под общей ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: ПАНПРИНТ. 1998. 1064 с.

12. Книгин А. Н. Учение о категориях. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2002. 292 с.

13. Кислов А. Г. Оправдание детства: От нравов к праву. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. 165 с.

14. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1954. 856 с.

15. Хоружий С. С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 38–54.

16. Денисов С. Ф. Библейские и философские стратегии спасения: Антропологические этюды. Омск: Изд-во ОмГПУ. 2004. 216 с.

© Нефёдова Л. К., 2016

УДК 115

Д. В. Пивоваров
D. V. Pivovarov

О ВЕЧНОСТИ

Автор кратко обсуждает различные аспекты религиозно-философского понятия вечности и сопоставляет альтернативные воззрения на природу вечности. В статье рассмотрены главные учения о вечной жизни и вечной смерти. Также автор анализирует две конкурирующие концепции (пантеистическую и монотеистическую) соотношения вечности и времени. В заключение он перечисляет различные виды эсхатологии.

Ключевые слова: вечность, время, вечное существо, вечная жизнь, вечная смерть, эсхатология.

ABOUT ETERNITY

The author briefly discusses different aspects of the religious and philosophical concept of eternity and compares alternative views on the nature of eternity. The article considers the main doctrines of eternal life and eternal death. The author also analyzes two competing concepts (pantheistic and monotheistic) of relationship between eternity and time. Finally, he lists the different types of eschatology.

Keywords: eternity, time, eternal being, eternal life, eternal death, eschatology.

1. Понятие вечности.

Вечность (лат. *aetas, aeternitas, aeternum*) – 1) вневременность абсолютного существа, содержащего в себе сразу, нераздельно и постоянно всю полноту своего бытия; 2) «абсолютное настоящее» (Гегель); 3) бесконечная длительность, продолженность или повторяемость некоторого бытия во времени, не имеющего ни начала, ни конца; 4) всегдашнее и непреходящее бытие; 5) неопределенно долгий и бессрочный период времени; 6) бессмертие, будущая загробная духовная жизнь. Максимальная противоположность вечности – мгновение, т. е. точка «сейчас» между прошлым и будущим [1].

Начиная с Платона, хроносу (аморфному времени) противопоставляют понятие эона (греч. *век, вечность*), «вечно сущего», целостного и самозамкнутого жизненного века. Эон – в поздних античных мифах, возникших под влиянием иранских мифов, повелитель времени (Зерван), старец с головой льва, обвитый змеей. По этим мифам, вся история и судьба всего человечества – это один эон. В гностицизме эон – это силы, исходящие от божества, а в астрономии – это период времени, в течение которого точка равноденствия проходит весь зодиак, т. е. ровно 26 тыс. лет. В монотеизме вечность таинственно многомерна, в отличие от одномерного времени. Напротив, в пантеизме (скажем, у Николая Кузанского) вечность — это

свернутый свиток времени, а время — развернутый свиток вечности.

В индуизме нет понятия вечности: «День Браммы» (бытие мира как торжество майи и Мары) исчисляется в годах, а «Ночь Браммы» (полное исчезновение космоса в темных глубинах Абсолюта) численно неизмерима. Христиане веруют, что вечность — это раскрытие полноты истинной жизни в присутствии Бога. Напротив, для буддистов нирвана — отсутствие бытия, пустота, ничто как «темный негатив вечности».

Одни мыслители постулируют, что мир возник «из ничего» после ничто; другие утверждают, что мир возник во времени после вечности и из вечности; третьи полагают, что любое начало мира помыслить совершенно невозможно. Так, согласно Платону, «первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно» [2, с. 440]. Этот первообраз (*aion*) пребывает в потустороннем мире неподвижных идей. Аристотель, напротив, полагал вечность посюсторонней и понижающей вещи. По его мнению, время безначально и бесконечно, а физический мир вечен. Время не может возникнуть или уничтожиться: «ведь если нет времени, то не может быть и “раньше” и “после»» [3, с. 327]. Материалисты обычно фокусируют внимание на материальной временности, а идеалисты стремятся отыскать вечное в эпохах,

эрах, отношениях между переходящими вещами и в логических связях суждений.

В обсуждении проблемы спасения всегда конкурируют две точки зрения: 1) все временное исходит из вечности и должно в нее возвратиться (*apokatastasispanton* – восстановление всех вещей, по Оригену); 2) смерть «изъята» из вечности, отсюда неуверенность в возможности своего спасения.

Классическую формулировку вечности приписывают А. М. С. Бозцию, средневековому христианскому философу и римскому государственному деятелю: «Вечность есть совершенное обладание безграничной жизнью в целом и одновременно» [4, с. 286]. Развивая представления Плотина о вечности, Бозций истолковал вечное существование как беспредельную длительность, атемпоральность и внепространственность. Вечное существование не имеет ни начала, ни конца и является живым. В этом смысле предикат вечный не надо приписывать ни числам, ни истинам, ни миру. Иная форма объективной реальности – время. Время и вечность не сводимы друг к другу, хотя и как-то совместимы.

Наиболее уязвимо ядро концепции Бозция о вечности – сближение им понятий длительности и атемпоральности. Под длительностью, во-первых, обычно понимают пребывание во времени, но бессмысленно «пребывать во времени вне времени»; во-вторых, длительность сопряжена с представлением о делимости ее на части, что противоречит понятию атемпоральности как «пребывания всего сразу вместе и одновременно».

Против идеи вечности Бога-Творца иногда возражают: как вечное существо может что-либо созидать в земном мире, где властвует время? Понятие *деятельность атемпоральной личности* нелогично. Бог, если Он пребывает вне времени, не мог бы изменять прошлое или предвидеть будущее. Логически не совмещаются, например, события молитвенной просьбы и последующего ответа Бога с дефиницией вечности как вневременной одновременности. Если Бог вне времени, а люди живут во времени, то невозможно помыслить непосредственную связь Бога с людьми, а также уяснить соотношение идей божественного предопределения и человеческой свободы. Чтобы не впасть в подобные логические противоречия мыслители Нового времени чаще предпочитали дефиницию вечности как «бесконечно длящегося времени» (Дж. Локк).

Представления о вечности возникли в глубокой древности в результате сравнения между собой постоянных и изменяющихся объектов, а также круговоротов природных и социальных ритмов. Одни вещи со временем разрушаются, другие же продолжают существовать неопределенно долго. Например, люди никогда не видели исчезновения земли, неба, океана; большинство же окружающих нас существ и предметов непременно когда-то исчезает. Древние считали богов хотя и рожденными, но бессмертными.

Отсюда вывод, что некоторые вещи и существа уникальны – они способны сопротивляться сокрушающей силе времени, побеждать ее, не подлежа ее воздействию. Впоследствии это рассуждение выразилось в метафизическом понятии вечности как признаке трансцендентного бытия – самодостаточного, невидимого, непостижимого, сверхвре-

менного, статичного, но вместе с тем творящего мир и время. Фалес Милетский говорил: «Бог древнее всего, ибо Он не сотворен», а «прекраснее всего – мир, ибо он творение Бога». Наиболее распространенные геометрические символы вечности – кольцо, спираль либо змея, которая кусает свой хвост. Вечность Бога изображается кругом с центральной точкой.

Трансцендентная вечность противоположна времени, не составлена им и не пребывает в нем. В ней нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего – никаких промежутков времени. Она не была и не будет, но только есть раз и навсегда (св. Августин). В отличие от времени, вечность нельзя измерить в каких-либо единицах, она не подвержена ни прибыли, ни убыли. Читаем у С. Л. Франка: «Вечность не есть бесконечная длительность во времени, которую нужно было бы пройти всю от начала до конца (хотя здесь нет ни начала, ни конца), чтобы в ней удостовериться; вечность есть качество бытия, которое узнается сразу – примерно подобно тому, как я сразу и в любой момент знаю, что всякая математическая истина имеет вечную силу, ибо по существу не затрагивается временем, лежит вне его, выходит за его пределы» [5, с. 61].

Видимый и неизменный порядок небесных тел поражает воображение. Небо, Солнце, Луна, звезды являют собой образы вечности. Многие мифы повествуют о ничтожности земного времени в сравнении с вечностью. Как известно, К. Леви-Стросс назвал миф «машиной для уничтожения времени». В Ригведе вечность, по сути, совпадает с бытием. Кальпа (закон, порядок) – в древнеиндусских мифах божественное исчисление времени, «сутки», которые живет Брахма, или время жизни вселенной. Причем, 1 кальпа = 24 тыс. «божественных лет» = 8 640 млн. обычных лет (где 1000 человеческих обычных лет = 1 дню богов). Первая половина кальпы («день Брахмы») делится на 1 тыс. махая (в каждом 8 640 тыс. лет), в конце этого «дня» произойдет уничтожение материального мира и сонма богов, затем наступит «ночь Брахмы». Брахма проживет 100 собственных лет (сейчас он живет свой 51-й год), когда истечет еще 49 «брахманских» лет, то произойдет «махапралая» (гибель вселенной, смерть главных богов, торжество хаоса). Еще через такое же время родится новый Брахма и цикл времени кальп повторится вновь.

По китайской мифологии, наш мир и время сотворены единым и вечным законом – Дао. Зороастрийцы древней Персии верили, что возраст нашего мира – 12 тыс. лет, мировое время делится на четыре периода по 3 тыс. лет каждый, а в конце времен бог добра Ормузд победит бога зла и разрушения Ангро-Маньюса. В книге пророка Даниила в Ветхом Завете упоминаются четыре царства – золота, серебра, бронзы и смеси железа с глиной; в конце всех времен Бог установит Вечное Царство. Иудаизм говорит о тысячелетнем периоде (миллениуме) между четырьмя мировыми временами и Вечным Царством. Древние мексиканцы были убеждены, что после конца нашего мира будут еще четыре мира.

В индуизме и буддизме описывается наиболее сложная система мировых периодов и миров, возникающих и умирающих. В них также важно число «4» – четыре сворачивающиеся юги, сопровождающиеся увеличением в мире

количества зла. Время – другое имя бога смерти Ямы, а состояние нирваны тождественно вечности. Во многих древних текстах численно отражены астрономические наблюдения за движением небесных тел. Мифологические описания возрождения миров после их разрушения есть также у орфиков и стоиков.

2. Вечная жизнь.

В древней религии тотемизма есть представление о странствующих по земле «вечных людях». Оно связано с верой в бессмертие рода. Жизнь христианина называется в Никейском кредо вечной жизнью в темпоральном смысле. В личной вечной жизни завершается сущность человека, сотворенного по образу Божьему. В загробном мире душа может пребывать нескончаемо долго. Длительность этого пребывания соответствует вечности Царствия Божия. Понятие «вечная жизнь» в евангельском значении не тождественно понятию бессмертия души и мыслится в связи с ожиданием воскрешения. За воскрешением мертвых следует суд, который не только оправдывает, но также может приговорить к вечному наказанию. Антитезис вечной жизни – не земная жизнь, а вечная смерть. Воскрешенные различаются в вечной жизни по их «славе». Для верующего потерять связь с Богом – значит утратить в себе вечность.

Существуют два христианских учения о судьбе индивида в период между его смертью и воскрешением. Согласно первому учению, душа умершего сразу же предстает перед предварительным судом, который отправляет ее в рай или ад. Это воззрение принижает ценность Последнего суда и не оставляет душе возможность искупить свою вину. Согласно второму учению, умерший впадает в особое сонное состояние, длящееся до всеобщего Страшного суда. Во время такого сна души личность неопределенно долго находится в промежуточном состоянии, а затем награждается за земные добрые дела либо наказывается за ранее совершенные грехи.

Римские католики культивируют идею чистилища – первого суда над умершими. Индугенции и пожертвования позволяют сократить заключение в чистилище. Православная церковь не признает чистилища, но и она верует в незримую связь живых и мертвых: поминовением усопшего можно облегчить приговор его душе на Последнем суде. Христианская теософия допускает возможность продолжения посмертного развития человеческих душ.

В сравнении с трансцендентной вечностью время в нашем сознании минимизируется, если вообще не мыслится иллюзорным. Когда, например, неоплатоники ведут речь о числах и о вечных истинах, то имеют в виду, что эти особые качества и отношения имеют вневременной характер, не возникают и не исчезают. В православной иконе золото символизирует вечное и противопоставлено земному свету.

И все-таки идея вечности подразумевает идею времени, снимает ее в себе. Прокл ввел два понятия вечности – вечность вечную (Бог) и вечность временную (мир). «...Вечность двояка: одна вечная, другая становящаяся, – пишет Прокл; – и одна имеет собранное бытие и все вместе; другая же разлита и развернута во временной длительности» [6, с. 48]. Временная вечность имеет разные уровни, составлена циклами разных порядков. О ней можно сказать, что

в ней все в одном отношении вечно, а в другом – временно. *Кайросом* иногда называют такой момент времени, когда вечность проникает во временное существование и преобразует его.

В. С. Соловьев отличал от реальной вечности призрачную вечность памяти о героях и великих людях. Н. А. Бердяев доказывал, что исторический процесс – это целостное и неразрывное единство прошлого, настоящего и будущего, в котором не только нечто истребляется, но и постоянно сохраняется. Феноменальное время прошлого и настоящего реально входит в ноуменальное время, присутствует в вечном зоне мировой действительности. Если человеческая культура хранит в себе вечные идеалы, то, как полагал В. М. Бехтерев, творя культуру, люди тем самым создают вечное. Заметим, что некоторые мыслители вообще не усматривают качественной специфики вечности и редуцируют ее к «дурной бесконечности» времени, к однообразной повторяемости одних и тех же темпоральных интервалов (Демокрит, Локк, Гассенди, Ньютон). Но вряд ли иррациональная вечность делится на мгновения времени без остатка.

3. Вечность и время.

В истории теологии и философии сложились две конкурирующие концепции соотношения вечности и времени – монотеистическая и пантеистическая.

1. Согласно строгому монотеизму, трансцендентный и вечный Бог из ничего творит преходящий физический мир и конечное феноменальное время, так что в сотворенной природе нет ничего вечного, а абсолютная реальность не имеет ничего общего со временем, не соприкасается с ним. В ней ничего не происходит, она покоится. А история природы и человечества обновляется, имеет начало и конец, предзаданное направление и потаенный смысл. В христианском сознании время выпрямляется, летит в будущее стрелой. Его начало – сотворение мира, потом пришествие Христа; его конец – второе пришествие Христа, Страшный суд, спасение, вечная жизнь. Время имеет меньшую степень реальности, чем вечность.

2. Напротив, пантеизм основывается на представлении о вечном и реальном времени: имманентный Абсолют непрестанно эманурует из себя временной космической порядок; вечность безусловного бытия всегда пронизывает и пропитывает творимое время, сохраняется во всех моментах физической длительности. Мир так же вечен, как и Абсолют, а абсолютная вечность деятельна. Вечность есть преодоление времени. Мир бесконечно стар и всегда молод, у него нет начала и конца.

Вместе с тем в пантеистической модели время движется по кругу и ничего подлинно нового в нем не происходит. Изменения в течение «мирового года» в конечном итоге оборачиваются покоем. В Книге Экклезиаста о кругах времени написано так: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”, но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» [Еккл 1:9-11].

Идея вечного возвращения сформулирована в раннегреческой и восточной космологии. Заимствуя ее и отказываясь от гегелевской схемы исторического прогресса,

Ф. Ницше (1844–1900) заявляет: все вещи возвращаются, и мы вместе с ними, мы повторялись бесконечное множество раз, и все вместе с нами; и эта тонкая паутина, и блик луны среди деревьев, и даже этот миг и я в нем – все будет снова. История – скучная репродукция прошлого, каждый ее миг без инноваций отражает вечность.

Материалистический пантеизм признает, что материальный мир вечен в количественном и качественном смысле. Так, диалектические материалисты убеждены, что в количественном отношении вечность включает в себя актуальную бесконечность последовательно сменяющихся друг друга временных интервалов существования материальных объектов (столетий, тысячелетий), а в качественном отношении вечность складывается из бесконечных превращений форм и законов движения многообразных пространственно-временных структур. К миру в целом (в отличие от конечных вещей и процессов) неприменимы понятия возраста, начала и конца. Цепь событий неразрывна и нескончаема, любое из них предваряется неисчерпаемым множеством иных.

Следует уточнить, что ни одна реальная религия не сводится ни к строгому теизму, ни к чистому пантеизму или панентеизму. Христиане и мусульмане хотя и именуют Бога вечным и потусторонним, но тем не менее совмещают этот взгляд с верой в то, что Он имеет высшую форму темпоральности. Его вечность заключает в себя все времена. В физическом мире время течет, а в Боге оно завершено. «Вера в вечного Бога – основа того мужества, которое преодолевает негативности временного процесса» (П. Тиллих).

4. Эсхатология.

Особый аспект вопроса соотношения вечности и времени освещается в эсхатологии (от греч. *eshatos* – последний, конечный) – учении о конечных судьбах мира и человека, «исходе» мировой истории. Предмет индивидуальной эсхатологии – загробная жизнь единичной человеческой души, а предмет всемирной эсхатологии – цели космоса, истории и их конец. В мифологии и религиозных текстах представлены сюжетно-образные, символические варианты эсхатологии (многочисленные варианты мифов о борьбе космоса и хаоса, потопе, откровение Иоанна, Рагнарек и т. п.).

«Вероятно, эсхатологическое предчувствие потенциально присуще каждому человеку, – пишет Ф. Н. Петров. – Оно непосредственным образом связано с человеческим восприятием смерти, с той повседневной борьбой, которую ведет человек с абсурдом в мироздании, в истории, в собственной жизни, и служит выражением человеческого стремления к обретению смысла» [7, с. 103–104].

Различают мифологическую и историческую эсхатологию. В мифологической эсхатологии подчеркивается идея вечного возвращения: мир после его гибели восстанавливается в прежнем виде. Из образовавшегося хаоса вновь складывается порядок, конец времени повторяется, судьба каждого человека неизбежна. Все события объясняются сквозь призму борьбы хаоса и космоса. Время испытывается людьми как распадающееся и виновное. Однако история вовсе не ужасна, хотя и зла, так как спасение неминуе-

мо и коренится в циклическом возрождении. Спасительное будущее – это возврат к исходному рождению. История всего лишь прославляет вечность космоса и повторение миророждения.

В культовых праздниках разыгрывают процесс вечной регенерации утерянного прошлого. Напротив, историческая эсхатология христиан основана на опыте фиксации и датирования событий в настоящем времени. Этим событиям приписывается свойство новизны и исторической значимости. Перспектива Царства Божия обозначается Евангелием в противоположность иудейским представлениям о царстве Мессии как Царстве внутреннем, духовно-нравственном, для вхождения в которое нужны покаяние и вера.

Согласно библейской эсхатологии, исторический опыт всегда специфичен, не универсален и неповторим; он зависит не столько от природных циклов, сколько от свободы выбора людей. У будущего больше возможностей, чем у первоначала. Историческое время когда-то завершится и более не возвратится. История непредсказуема, опасна, и тем не менее дает надежду на спасение, поскольку близится к своей финальной цели и в ней ощущается божественная Провиденция.

В библейской эсхатологии есть два подхода: пророческий и апокалиптический. В свете первого подхода времена кризисов и бедствий видятся как Божий суд, но при этом народу обещается светлое будущее, если он исправит свое поведение. Напротив, апокалиптическая эсхатология не придает значения человеческой энергии и все надежды возлагает на Бога, который уничтожит существующий мир и сотворит принципиально новый порядок. Философские учения, включающие эсхатологические мотивы, как правило, исходят из мифологической или религиозной эсхатологии.

В европейской культурной традиции сложились два основных типа философской эсхатологии: 1) эсхатология в рамках собственно религиозной и мистической философии; 2) эсхатологические мотивы в нерелигиозной теоретической философии, присутствующие прежде всего в исторических и культурологических концепциях (Н. Данилевский, К. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби).

1. См.: Пивоваров Д. В. Время и вечность // Известия Уральского университета. 42. Серия 3. Общественные науки. 2006. Вып. 1. С. 208–217.

2. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.

3. Аристотель. Метафизика, XII, 6. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 608 с.

4. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука. 1990. 414 с.

5. Франк С. Л. С нами Бог. Париж, 1964. 378 с.

6. Прокл. Первоосновы теологии. М.: Прогресс, 1993. 320 с.

7. Петров Ф. Н. Миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Челябинск, 2001. 108 с.

© Пивоваров Д. В., 2016

ФИЛОЛОГИЯ

Акифи О. И.

Мотив игры и его функции в фантастических повестях
А. Ф. Вельтмана

Батюшкина М. В.

Семантическое основание дефисного и слитного
написания сложных слов

Горюнова Ю. Н., Кураков В. И.

Лексическое значение соотносительных форм немецкого
артикла как количественная информация о речевом
содержании обозначенного существительным денотата

Козленко Э. С.

Метрика и ритмика английского стиха XX века

Лаптева Е. А.

Медицинская лексика в «Толковом словаре живого вели-
корусского языка» В. И. Даля

Михайлова А. И.

Лингвистические и экстралингвистические черты совре-
менного рок-текста

Никитина Л. Б.

Не тот город? (Негативный образ Омска по данным газеты
«Ваш Ореол»)

Петренко Н. А.

Особенности изображения образа главной героини в
романе П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя»

Просвинина Л. Г.

Социолингвистическое исследование истории отдельных
сокращенных английских экономических терминов

Уланов А. В.

Метафора как языковой феномен русского языка

Шестова А. А.

Особенности семантики словосочетания «деструктивная
личность» / «destructive person»
в русском и английском языках

МОТИВ ИГРЫ И ЕГО ФУНКЦИИ В ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ А. Ф. ВЕЛЬТМАНА

В статье показано, что мотив игры в русской фантастической повести, в частности в повестях А. Ф. Вельтмана, функционирует не только как сюжетный элемент, но и как художественный прием, что является отражением амбивалентности романтизма.

Ключевые слова: мотив игры, двоемирие, романтизм, фантастика, поэтика.

Особенность фантастических повестей А. Ф. Вельтмана среди прочего состоит в том, что финал его повестей часто неоднозначен, сюжет произведений зачастую двойок и допускает вмешательство читательского воображения. Это демонстрирует некоторый игровой элемент в художественном методе данного автора, поскольку состояние игры всегда амбивалентно, в нем есть сочетание веры и неверия, что мы и видим в повестях Вельтмана.

Игровое начало по-разному проявляется в искусстве как на уровне содержания, так и на уровне художественной формы. В статье мы рассмотрим только содержательный уровень воплощения игрового начала в фантастических повестях Вельтмана и других авторов, создававших фантастические произведения в начале XIX века.

Исследователь Й. Хейзинга отмечает генетическую связь между игрой и художественной фантазией. Безусловно, игровое действие можно рассматривать как творчество, поэтому вполне закономерно, что Хейзинга считает игру основой появления мифов и дальнейшего литературного творчества. Каждая игра имеет свой смысл, от которого и зависит настрой игрока, выбор игры всегда обусловлен личностными характеристиками играющих и особенностями окружающей действительности [1]. В фантастических повестях романтизма игра выступает на разных уровнях: и как отдельный мотив, и как доминанта художественного миромоделирования и поэтики произведения. Как отмечает Е. Г. Чернышева, «в фантастической литературе иррациональное и игровое, усиливая действие друг друга, создают особый эффект “голографического” воссоздания мира, предопределяют постановку не бытовых, но бытийных проблем» [2, с. 63].

Большие возможности для постижения психологии человека предоставляет изучение его игрового поведения, которое полноценно раскрывается в форме проведения им досуга. Как элемент художественного текста и даже особый образ в русских повестях XIX века часто выступает карточная игра. Этому явлению литературы посвящено множество исследований (К. Г. Исупова, В. И. Коровина, Ю. М. Лотмана, Е. Г. Чернышевой и др.), мы же рассмотрим карточную игру и ее роль в русских фантастических повестях.

На сюжетно-тематическом уровне выделяют игру-состяжание и игру-представление, и карточная игра становится основным воплощением первого типа.

THE MOTIVE OF THE GAME AND ITS FUNCTIONS IN A. F. VELTMAN'S SCIENCE FICTION NOVELS

This article shows that the motive of the game in Russian science fiction novels and A.F. Veltman's novels in particular functions not only as a plot element, but also as an artistic device, which is a reflection of Romanticism's ambivalence.

Keywords: game motive, two-worldness, Romanticism, fantastic fiction, poetics.

Мотив карточной игры пронизывает многие литературные произведения разных времен, как это отметил еще Ю. М. Лотман, и не только характеризует отдельные личности, но и демонстрирует целые социальные особенности. Каждая эпоха имеет свою моду на карточные игры, это становится даже особенным литературным образом.

Интересно отметить, что и мода также становится определенным игровым элементом. Можно рассматривать это на примере истории костюма, особенно женского, но в нашем исследовании мы остановимся на модном досуге, тем самым актуализировав два компонента воплощения игрового мотива в романтических повестях – досуг и моду.

Существует мнение, что карточная игра была своеобразным дурманом для дворянского общества XIX века. Отметим, что разнообразие азартных коммерческих игр прослеживалось именно в дворянской среде (неслучайны поэтому «Пиковая дама» А. Пушкина, где главной картежницей является графиня; «Штосс» М. Лермонтова и «Эротиды» А. Вельтмана, где активно играют представители дворянского общества «на водах»). Игра давала надежду кардинально и быстро изменить свою жизнь. Одурманивала, вводила людей в состояние некоторой ирреальности, что как нельзя лучше сопоставимо с установками романтизма – поиском идеального мира и нахождением на грани реального и нереального. В исследуемых повестях карточные игры не просто занимают досуг того или иного героя, но становятся определяющими при ирреальном решении глобальной личностной проблемы персонажа. Таким образом, можно отметить, что введение карточной игры в повести XIX века выполняет функцию отделения фантастики от фольклорной сказки, где человек еще не является родовым.

Отметим, что существовало ранжирование карточных игр, т. е. выделялись отдельные игры для достойных и низких людей («Переписка моды», 1791 г. Н. Стрехова), что давало возможность сразу понять суть человека по его предпочтению определенного вида карточной игры. И в то же время позволяло личности маневрировать среди нескольких социальных миров России XIX века, проявлять некоторую артистичность человека, пробуя себя в другой роли. Таким образом, мы можем сказать, что карточная игра моделирует и определенную театральность, т. е. еще один вид игры.

Карточная игра – это прежде всего *игра*, т. е. определенная модель конфликтной ситуации. Именно азартная игра становится игрой человека со Случаем, с чем-то заведомо неведомым и непредсказуемым. В конце XVIII века слово «карьер» часто употреблялось в мужском роде – по аналогии со словом «случай». Случай и удача оказывались важной составляющей в жизни русской аристократии конца XVIII – начала XIX веков. Значит, карточная игра не только модное явление социальной жизни того времени, но и характеристика всего жизненного устоя. Игра и неожиданность парадоксально утверждались как устойчивый механизм. И вот эта непредсказуемость и в то же время судьбоносность некоторых моментов в карточных играх получила определенный inferнальный характер.

Конфликт, спровоцированный карточной игрой, фантастичен по своей сути, так как сама игра со своими законами и правилами и ролью в обществе становится фантастичной без возможности раскрыть и предугадать ее.

Тема карточной игры вводит в механизм сюжета, в зенит, заключенное между побуждениями героя и результатами его действий, случай, непредсказуемый ход происходящего. Такой непредсказуемый ход событий разворачивается, например, в повести Вельтмана «Эротиды», где карточная дама приобретает определенную символику и становится предвестницей всего последующего.

Культуролог Й. Хейзинга, разрабатывая теорию игры, употреблял понятие «священная игра». Этот акцент весьма принципиален, поскольку элемент игры оказывается уже включенным в изначальное мифологическое сознание. Часто игра проецирует то, что находится в подсознании людей. В повести Вельтмана не говорится про гадание на картах, на что была ссылка в повести Пушкина, следовательно, нельзя, казалось бы, ожидать того, что карточная игра покажет будущее, но тут срабатывает как раз то мифологическое сознание, которое заложено в игре как священном акте. Взаимосвязь мифического и игрового действия демонстрирует попытку удержать мир в определенной колее, в необходимом участнику русле, так, как он видит мир и хочет его видеть, однако зачастую игра показывает реальность того, что скрыто. Романтическое двоемирие активно раскрывается в карточной игре как взаимодействию подсознательного – мифологического и реального – рационального. Столкновение в повести Вельтмана обычной карточной игры циника Г...ъ и романтической Эротиды и драматической развязки, предсказанной определенными событиями, идут параллельными линиями в сюжете.

Во второй части повести высшее общество находится в Карлсбаде, где для развлечения предложено множество разнообразных занятий: бильярд, шашки, трик-трак, кости, фортуна, различные виды оркестров. Однако герой повести выбирает исключительно карты и играет в штос. Отметим, что мистика карт начинает действовать на Германна, из повести Пушкина «Пиковая дама», когда он оказывается под воздействием алкоголя, тогда как ротмистр Г...ъ играет, забыв об алкоголе. Таким образом, можно сказать, что Германна преследует идея выигрыша, но внутренняя расчетливость иногда заставляет его сомневаться, поэтому он позволяет себе некоторый ритуал – употребление алкоголя. Ротмистр Г...ъ не делает из карточной игры отдых –

это его второй мир, куда он окунается полностью и вполне осознанно. Это как раз подчеркивает его потребность в игре как таковой, когда игра превосходит действительность уровнем подаренных игроку эмоциональных впечатлений. Он полностью уходит в мир игры, осознавая ее необходимость, ее большее, по сравнению с окружающим миром, эмоциональное богатство. У такого игрока уже возникает потребность жить в этом вымышленном мире, и тогда все явственнее мифическая символика карт демонстрирует ему жизненный путь, начинает своеобразно моделировать будущее. Тут уже Случай овладевает игроком, тогда как старая графиня все же в реальном мире смогла подчинить себе этот Случай.

Ротмистр на мгновение выходит из мира игры в реальный только тогда, когда слышит «Ва-банк!» и замечает молодого человека, который ставит все на даму. Волокита Г...ъ не обращает серьезного внимания ни на противника, ни на ставку, ему интересен сам процесс получения выигрыша. В этом проявляется вся его сущность, так он поступал и в жизни, «дама» интересует его только как элемент игры с возможностью последующего выигрыша. Поэтому он не обращает внимания на результат: «Дама убита», – вскрикивают все понтеры в один голос» [3, с. 37]. Примечательно, что все одновременно отмечают тот факт, что дама убита. Также стоит отметить использование глагола «убита», тогда как чаще всего картежники употребляют «бита». Таким образом автор обращает внимание читателя на то, что это не просто игра, а предзнаменование, отчасти даже ротмистр это понимает на каком-то подсознательном уровне, называя даму «решительной картой». Это прилагательное тут тоже имеет двойной смысл. Первое значение – «значимая» карта; второе – «способная принимать серьезные решения». Если рассматривать эту игральную карту как символизирующую Эротиду, то оба значения в большей или меньшей степени могут относиться к ней. Для женщины русского общества XIX века действия Эротиды действительно характеризуются как очень решительные, значимой же она когда-то была в жизни Г...ъ, он сам вспоминает об этом, когда получает от нее письмо.

Скептицизм в отношении игры невозможен. Каждый играющий должен верить в безусловность происходящего. Однако сами скептики могут быть самыми азартными игроками, как в случае с ротмистром. Интересно, что он сам связывает игру и любовь, ставя их в один ряд: «Несчастье в картах, счастье в любви!» [3, с. 38]. Эта фраза становится началом игры ротмистра с молодым человеком, но уже не в реальные карты. Смоделированный карточной игрой конфликт постепенно перерастает в реальное столкновение интересов. Ротмистр, как о карточной игре, рассуждает и о любви, говоря, что в чувствах он не ставит всего сердца на одну карту.

Таким образом, отличие карточной игры в данной повести от игры в «Пиковую даму» в том, что игра становится отдельным миром для играющего ротмистра. Это активизация мифологического сознания, оживленное священностью игры. Пребывая полностью в сознательном состоянии, ротмистр Г...ъ ищет в карточной игре отдельный мир и получает сигналы о будущем, тогда как Германн стремится придать карточной игре математические законы, укротить,

рассчитать все и получить конкретную выгоду. Карточная игра в этих повестях выполняет различную роль в построении сюжета: если в «Пиковой даме» – это сюжетобразующий фактор, то в «Эротиде» карточная игра в своем роковом значении появляется только во второй части и идет параллельной линией, которая не кажется основной в формировании сюжета, но подспудно предсказывает ход действий и раскрывает подсознательные желания и психологические особенности героев.

Как мы отмечали ранее, особенность повествования Вельтмана еще и в том, что он старается рассмотреть ситуацию с «трех точек», поэтому и в повести «Эротиде» карточная игра дает возможность для еще одного ракурса рассмотрения характеров и ситуаций. Этот мотив проходит как простой жизненный атрибут, проведение досуга, однако можно заметить, что все происходящее при игре в карты находит свое отражение в реальной жизни героев произведения. Фантастичность этого как раз в мифологичности и способности действовать миру потустороннему через привычные реалии. Сакральные функции игры состоят в состязании со всем тем, что может прервать жизнь, остановить ее. Так и партия Г...ь с молодым человеком в штос становится своеобразным состязанием, которое фантастическим образом переходит в жизнь реальную, перевоплощая карточного валета в даму.

Интересно, что представленная картами ситуация разыгрывается не сразу. Ротмистр Г...ь знакомится с Эмилией Горевой и, кажется, влюбляется в нее, именно тогда еще раз он слышит «Ва-банк!», уже после того, как меняется кольцами с Эмилией, ждет свидания с ней и уверен в своей победе над сердцем красавицы. Снова карточная партия и снова возглас всех играющих, что дама убита. Интересно, что данная карточная партия привлекает внимание всех играющих, несмотря на то, что до этого описано довольно шумное гуляние, где все заняты своими карточными делами.

Итак, после второй игры и второй убитой дамы происходит вызов на дуэль, одной из причин которого становится обмен кольцами (заметим, тоже безусловным игровым предметом). Кольца можно считать своеобразной миромоделью Эротиды и основой сюжета. Своей кульминации это сюжетное построение достигает при помощи мотива карточной игры.

Русские авторы начала XIX века оказываются сами вовлечены в своеобразную игру с литературой, литература начинает вбирать в себя искусство, постигать мистичность и таинственность, отсюда и неизбежность использования игрового элемента, которому сопутствует не просто новое видение мира, но и отсутствие сформированной программы, разработанной теории, четких правил, которые приходится формировать непосредственно с читателем, поскольку

в фантастике последний должен быть активно действующим. Впоследствии наиболее удачные эксперименты в литературе сами вырастают в норму, обогащают уже имеющиеся средства выражения.

Одним из способов активного вовлечения читателя в действие является самоустранение автора. В повести А. Ф. Вельтмана «Эротиде» мы как раз и видим историю, рассказанную действующим лицом кругу слушателей. Здесь нет авторской оценки происходящего, автор оставляет на суд читателя определение степени достоверности описанного.

Повести А. Ф. Вельтмана являются оригинальной частью русской фантастики, позволяющей читателю учиться складывать из отдельных смысловых элементов общую картину мира. Постижению этого процесса активно способствует и разнообразное использование автором игрового метода, потому как игра являлась очень важным инструментом в раскрытии внутренних стремлений героев, она была тем художественным приемом, который позволял читателю активно проникать в фантастическое полотно повестей русского романтизма первой половины XIX века.

Демонстрацией амбивалентности окружающей действительности является и введение в фантастические повести элемента игры, как формы проведения досуга и приема выстраивания сюжетной линии. Игра становится и формой моделирования конфликта, и психологической характеристикой участников самой игры.

Вовлечение читателя в действие при помощи игрового элемента и временное самоустранение автора являются особенностью фантастических повестей первой половины XIX века. В литературе эпохи романтизма именно фантастическая повесть являлась наиболее удачным жанром для выражения идей самопознания, выражения столкновения двух миров, двойственности человеческой сущности и балансировки на грани реальности и ирреальности.

1. Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. / пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.

2. Чернышева Е. Г. «Мир преображенья...»: Мифологические и игровые мотивы в русской фантастической прозе 20–40-х годов XIX века. М.: Изд-во МПГУ им. В. И. Ленина; Благовещенск: Изд-во БГПИ им. М. И. Калинина, 1996. 103 с.

3. Вельтман А. Ф. Повести и рассказы / [подготовка текста, сост., вступит. ст. и прим. Ю. М. Акутина]. М.: Советская Россия, 1979. 384 с.

© Акифи О., 2016

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЕФИСНОГО И СЛИТНОГО НАПИСАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Статья посвящена анализу слитного и дефисного написания сложных слов как модели отражения семантики слова. На конкретных примерах написания сложных слов показано принципиальное различие сочинительных и подчинительных отношений между компонентами сложного слова. Формулируются условия использования семантического основания написания сложных слов при обучении орфографии.

Ключевые слова: семантика, словообразование, сложное слово, написание сложных слов.

Сложные слова, т. е. слова, образованные от других слов и содержащие несколько корней, но одну основу, пишутся либо слитно, либо через дефис (*государственный, правовой* – два простых слова, *государственно-правовой* – одно сложное слово; *газ, вода, нефть, насыщение* – ряд простых слов, *газоводонефтенасыщение* – одно сложное слово).

В написании сложных слов часто возникают затруднения, которые обусловлены следующими основными причинами. Во-первых, пишутся по-разному слова с одинаковыми начальными частями (*блокпост* (слитно) – *блок-пункт* (через дефис); *экономгеография* (слитно) – *эконом-класс* (через дефис)). Во-вторых, некоторые сложные слова можно спутать со словосочетаниями, которые пишутся раздельно (*глубокоуважаемый* (сложное слово) – *глубокоаргументированный* (сочетание слов); *брюки-галифе, брюки-слаксы* (сложные слова) – *брюки дудочки, брюки клеш* (сочетания слов); *Москва-река* (слово с приложением) – *река Москва* (сочетание имени нарицательного, обозначающего родовое понятие, со следующим за ним именем собственным, обозначающим видовое понятие). В-третьих, в разных источниках, в том числе и словарях, можно встретить различное написание одного и того же слова (*блок-аппарат* и *блокаппарат, рыба-треска* и *рыба треска, шкаф-купе* и *шкаф купе*).

Эти и другие причины в какой-то степени являются следствием несовершенства положений о написании сложных слов, предусмотренных в Правилах русской орфографии и пунктуации 1956 года [1]. Между тем проблема слитного или дефисного написания сложных слов является одной из самых сложных, существуют переходные явления, вариативность, влияние лингвистической аналогии. В связи с этим считаем немаловажным обсуждение вопроса о написании сложных слов в рамках дискуссии о несовершенстве орфографической системы русского языка и необходимости продолжения работы над правилами орфографии в плане их усовершенствования [2].

Общая тенденция слитного и дефисного написания сложных слов должна, на наш взгляд, получить семантичес-

SPELLING COMPOUND WORDS WITH HYPHENS OR AS ONE WORD: SEMANTIC PRINCIPLE

The article is devoted to the analysis of spelling of compound words with hyphens or as one word which is represented as a model of reflection of semantics of the words. The author demonstrates the fundamental difference of coordination and subordination between the components of the compound words through the specific examples of spelling of compound words. The conditions of use of the semantic principle of spelling of compound words during spelling lessons are formulated.

Keywords: semantics, word formation, compound word, spelling of compound words.

кое обоснование, при этом следует отметить, что семантические особенности сложных слов частично были отражены и в Правилах русской орфографии 1956 года. Определенная новизна рассматриваемого в настоящей статье семантического критерия заключается в дедуктивном способе изложения материала и направленностью на создание ориентационной основы учебной деятельности, а также на формирование языковой и речевой компетенций в их теоретическом и практическом аспектах.

С точки зрения семантики в основе соотношения компонентов сложного слова лежат два типа отношений: сочинение и подчинение. Сочинительные отношения образуются между равноправными по значимости понятиями; сложные слова, образованные на основе сочинительных отношений, пишутся через дефис, компоненты таких слов равноправны. Подчинительные отношения возникают между неравнозначными понятиями, одно из которых обуславливает другое. Подчинительные отношения при образовании сложного слова могут быть выражены двумя грамматическими способами: согласованием и управлением. В сложных словах, образованных на основе подчинительных отношений, одна часть является доминирующей, а другая – зависимой. Сложные слова, образованные на основе подчинительных отношений, пишутся слитно.

Рассмотрим примеры сложных слов, образованных на основе сочинительных отношений. В лингвистике такие слова называются сложносоставными. Компоненты сложносоставных слов равноправны и независимы друг от друга, обозначают разнородные либо однородные понятия, обладают самостоятельными ударениями. Примеры: *англо-русский словарь* (т. е. словарь, содержащий и английскую, и русскую лексику); *серо-голубой* (одновременно содержащий и серый, и голубой цвета), *мясо-молочный* (и мясной, и молочный), *государственно-правовой* (одновременно основанный на понятиях теории государства и теории права).

К сложносоставным могут быть отнесены следующие типы сложных слов:

– слова, обозначающие оттенки цветов, качество с дополнительным оттенком: *сине-белый, сине-бело-красный, ярко-*

зеленый, лимонно-желтый, атласно-розовый, горьковато-вяжущий, горько-соленый;

– слова, обозначающие промежуточные страны света, географические имена собственные: *юго-запад, северо-западный, Западно-Сибирская равнина, Индо-Малайская область;*

– составные наименования должностей, званий, профессий: *генерал-лейтенант, инженер-механик, физик-атомщик, генерал-лейтенант-инженер*, в том числе составные наименования с начальными частями, выражающими определительные значения (премьер – «первый», вице- «вместо, взамен», экс- «бывший» и т. п.): *премьер-министр, вице-мэр, вице-адмирал, вице-губернатор, вице-премьер-министр, экс-депутат, экс-мэр, экс-директор, экс-вице-премьер;*

– научные, технические понятия, сложные единицы измерения: *альфа-волны, альфа-распад, вакуум-костюм, вакуум-герметический генно-инженерно-модифицированный, авто-тонно-час, человеко-день, тонна-километр, киловатт-час;*

– слова с приложениями (определениями, выраженными существительными): *автор-исполнитель, акт-извещение, женщина-космонавт, дом-музей, диван-кровать, задача-максимум.*

Пишутся через дефис сложносоставные слова, образованные повторением двух и более слов или основ [3, с. 78]. Примеры повторов одного и того же слова: *едва-едва, быстро-быстро, только-только*; слов с одинаковой основой: *мало-помалу, крепко-накрепко, давным-давно*. Повтор слова придает ему экспрессивное, усилительное значение. От сложных слов, образованных на основе повтора, следует отличать сочетания слов, образованные на основе подчинительных отношений. В частности, сочетания существительных в разных падежах (*друг друга, лицом к лицу, день в день, раз за разом*), а также сочетания существительных и постпозитивных прилагательных (например, в поэтической речи: *диво дивное, чудо чудное, воля вольная*).

Через дефис пишутся сложносоставные слова, образованные на основе сочинительной связи слов-синонимов (*нежданно-негаданно, грусть-тоска, друзья-товарищи, жив-здоров*); слов-антонимов (*вверх-вниз, вдох-выдох, туда-сюда, купля-продажа*); слов, относящихся к общему понятию (*овощи-фрукты* (растительная пища), *ложки-вилки* (столовые приборы), *весенне-летний* (календарный период), *причинно-следственный* (логические отношения)); слов со значением приблизительности (*день-два, семь-восемь, двадцати-тридцатилетний*). От сложносоставных слов данного типа необходимо отличать осложненные союдами сочетания слов, которые обладают сходными грамматическими формами. Примеры: *верой и правдой* – связь по единственному числу и Т.п.; *купля и продажа* связь по единственному числу и И.п.; *ложки и вилки* связь по множественному числу.

Еще раз подчеркнем, что в отличие от сложных слов, компоненты которых связаны сочинительной связью, в сложных словах, образованных на основе подчинительной связи (т. е. на базе подчинительных словосочетаний, образованных на основе согласования или управления), всегда могут быть выделены доминирующая и зависимая части. Слож-

ные слова, образованные на основе подчинительных отношений, пишутся слитно и имеют либо два ударения: главное (стоящее ближе к концу слова) и второстепенное (стоящее ближе к началу слова), либо одно. При этом в зависимости от способа образования могут быть выделены:

– сложные слова, образованные при помощи соединительных гласных;

– сложносокращенные слова;

– сложные слова, образованные на основе семантического слияния главного и зависимого слова.

В сложных словах, образованных при помощи соединительных гласных (гласной *о* после основ на твердый согласный; гласной *е* после основ на мягкий согласный, шипящий или согласный *ц*; гласной *и*), обычно первые части – существительные или прилагательные, реже – числительные: *водопровод, водопроводный* (от проведение воды), *железнодорожный* (от железная дорога), *длинношеее* животное (от длинная шея), *миропорядок* (от порядок (т. е. устройство) мира), *первопричина* (от первая причина), *металлорежущий* (от режущий металл), *второсортный* (от второй сорт), *острослов* (от острое слово), *русскоязычный* (от русский язык), *главнокомандующий* (от главный командующий), *земледелие, земледельческий* (от возделывание земли), *кареглазый* (от карие глаза), *мореплаватель* (от плавать по морю), *пятэтажный* (от пятый этаж).

Сложносокращенные слова, как правило, образуются на основе сочетания усеченной формы прилагательного и существительного, в которых грамматическая форма прилагательного зависит от грамматической формы существительного: *главрач* (от главный врач), *спортклуб* (от спортивный клуб), *зарплата, зарплатный* (от заработная плата), *профсоюз* (от профессиональный союз), *турпоход* (от туристический поход), *артгруппа, артудар* (от артиллерийская группа, артиллерийский удар), *бортинженер* (от бортовой инженер). Сложносокращенные слова *завотделом* (от заведующий отделом), *завкафедрой* (от заведующий кафедрой), *завпроизводством* (от заведующий производством) образованы на основе сочетания двух существительных. В таких словосочетаниях главное слово – существительное *заведующий* (образовано в процессе перехода причастия в разряд существительного) представлено в исходной форме, а зависимое слово употребляется в форме Д.п. (чем? *отделом, кафедрой, производством*). Грамматическая падежная форма зависимого слова определяется главным словом.

В группе сложных слов, образованных на основе слияния главного и зависимого слова, могут быть выделены две подгруппы.

К первой подгруппе относятся сложные слова, начальные части которых соотносимы с приставками или корнями, имеющими латинское или греческое происхождение: *авто, аква, анти, антропо, астро, аудио, аэро, библио, био, бое, броня, вело, видео, вне, газо, гипер, гелио, гео, гидро, гило, интер, кино, контр, моно, мульти* и др. Данные части в составе сложного слова могут быть выделены слабым ударением. Примеры: *аудио* (*аудиоальбом, аудиозапись, аудиокурс, аудиотекст*); *видео* (*видеоадаптер, видеоигра, видеоверсия, видеодосье*); *вне* (*вневедомственный, внепарламентский, внештатный*); *интер* (*интерактивный*,

интердвижение, интербригада); контр (*контрагент, контрвизит, контрмарш*); ретро (*ретроавтомобиль, ретрокино, ретростиль*).

Следует отметить, что если первая часть, соотносимая с приставкой или корнем, присоединяется к слову, которое пишется через дефис, то после первой части ставится дефис, например: *анти-социал-демократ, видео-пресс-конференция, видео-конференц-связь*. Кроме того, в § 76 Правил русской орфографии содержится положение о том, что если часть слова, соотносимая с приставкой, присоединяется к имени собственному, нормативным считается дефисное написание, например: *Анти-Дюринг* [1].

Ко второй подгруппе относятся сложные прилагательные, образованные на основе слияния наречия и прилагательного (или причастия). Первые части таких сложных слов также могут иметь слабое ударение. Примеры: *малоупотребительный, давнопрошедший, свежеспеченный, ясновидящий, сильнодействующий, дикорастущий, вечнозеленый, гладкокрашенный, близлежащий, свежеспеченный, глубокоуважаемый, вышеизложенный, вышеназванный, вышеперечисленный*.

Написание сложных прилагательных часто вызывает затруднение, поскольку данные слова соотносятся с подчинительными словосочетаниями, которые пишутся раздельно. В таких сочетаниях главное слово также выступает в форме прилагательного или причастия, а зависимое слово – в форме наречия. Оба слова в подчинительном словосочетании выражают различные, но соотносимые понятия. Примеры: *глубоко аргументированный, блестяще выполненный, социально обусловленный, социально опасный*.

Семантический критерий, индивидуальная семантическая интерпретация являются основанием для различения сложных прилагательных и сочетаний наречий с прилагательными (причастиями). Например, в данных словосочетаниях можно заменить зависимое слово синонимом или антонимом: *глубоко аргументированный* (достаточно полно аргументированный, недостаточно аргументированный), *блестяще выполненный* (отлично выполненный, плохо выполненный), *социально обусловленный* (общественно обусловленный, обусловленный с точки зрения общественной необходимости). Кроме того, словосочетание данного типа может быть трансформировано в словосочетание с прямым управлением, например: *социально опасный* – опасный для чего? для общества. Такие трансформации неприменимы для сложных слов, выражающих единое понятие, несмотря на то что сложные слова образованы на основе подчинительных отношений и соотносятся с подчинительными словосочетаниями.

Резюмируем сказанное. В основе дефисного или слитного написания сложных слов – семантика сочинения либо подчинения. Через дефис пишутся сложные составные слова, представляющие собой соположение равноправных понятий (слова, обозначающие оттенки цветов, качества с дополнительными оттенками, географические понятия, научные и технические понятия, слова с приложениями, слова, образованные на основе повторения). Слитно пишутся сложные слова, образованные на основе подчинительных отношений. Здесь возможны три способа словообразования: с помощью соединительных гласных, на основе сокращения зависимого слова (сложносокращенные слова) и на основе слияния самостоятельных слов.

Семантическое основание образования новых сложных слов по существующим образцам может служить материалом для исследования механизма лингвистической аналогии.

Особую важность семантический комментарий имеет при изучении или повторении правил дефисного и слитного написания сложных слов. С одной стороны, это важно для формирования лингвистической (коммуникативной) компетенции в ее языковом и речевом аспектах. С другой стороны, дедуктивный способ изложения информации о семантическом основании написания сложных слов определяет логическое построение учебного материала и в целом формирует умения реструктурирования предшествующих и дифференциации старых и новых представлений. На первый план выдвигается интеллектуальная деятельность, проблемное освоение информации, когда учебный материал осмысливается, понимается и может быть трансформирован.

1. Правила русской орфографии и пунктуации // Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/spravka/rules/> (дата обращения: 11.01.2016).

2. Осипов Б. И. Орфографический свод 1956 года как факт истории русской культуры // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 5–1. С. 140–142.

3. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Правила русской орфографии с комментариями: учеб. пособие. Тамбов: ТОГОАУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 187 с.

© Батюшкина М. В., 2016

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ФОРМ НЕМЕЦКОГО Артикля КАК КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РЕЧЕВОМ СОДЕРЖАНИИ ОБОЗНАЧЕННОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ ДЕНОТАТА

Статья посвящена исследованию лексического значения немецкого артикля. Выявлено, что традиционные значения определенности и неопределенности в семантике существительного, которые приписываются его соотносительным формам, являются весьма условными, так как основаны на субъективно-психологическом критерии. Предлагается такая интерпретация лексического значения артикля, в основе которой лежит принцип количественной характеристики информации о речевом содержании обозначенного существительным денотата.

Ключевые слова: артикль, лексическое значение, категория определенности/неопределенности, категория соотношенности, количественная информация, речевое содержание, денотат.

Лексическое значение и употребление немецкого артикля представляют наибольшие трудности для всех изучающих немецкий язык как иностранный. Это связано в основном с тем, что в традиционную трактовку значений определенности/неопределенности в семантике существительных ошибочно принято включать представление об известном и неизвестном, знакомом и незнакомом, новым и имевшим связь с прошлым [1, с. 12].

Определенный артикль традиционно считается показателем «известности», а неопределенный – «неизвестности». Соответственно, если предмет известен слушающему, то перед его названием употребляется определенный артикль, если неизвестен – неопределенный артикль. Однако «известность» и «неизвестность» являются лишь субъективно-психологическими критериями, которые не могут отражать объективную реальность, так как то, что известно одному, может быть неизвестно другому.

В этой связи еще В. Я. Пропп в своих трудах отмечал, что интерпретация категориальной сущности артикля с позиции определенности и неопределенности является не только «неудачной или условной, но и вредной, внушающей ложные представления» [2, с. 218]. С его точки зрения, в основе значения соотносительных форм немецкого артикля лежит абсолютно иной принцип, а именно количественный [2, с. 218–219]. Так, значение определенного артикля заключается в обозначении единственно возможного предмета в той или иной речевой ситуации. Что же касается неопределенного артикля, то его значение наиболее точно сформулировано О. Бехагелем, который говорит, что „der unbestimmte Artikel greift eine Grösse aus einer Mehrheit von gleichartigen heraus“ [3, с. 38], т. е. артикль

LEXICAL MEANING OF RELATIVE FORMS OF GERMAN ARTICLES AS THE QUANTITATIVE INFORMATION ABOUT THE SPEECH CONTENT OF THE SUBSTANTIVE- CODED DENOTATION

The article is devoted to the study of the lexical meaning of German articles. It is revealed that the traditional meanings of “definiteness” and “indefiniteness” in the substantive semantic, which are attributed to its relative forms, are quite conventional, because they are based on the subjective-psychological criterion. The authors offer such an interpretation of the lexical meaning of the articles that is based on the principle of the quantitative characteristic of the information of the speech content of the substantive-coded denotation.

Keywords: article, lexical meaning, category of definiteness/indefiniteness, category of correlation, quantitative information, speech content, denotation.

служит для обозначения одного из множества подобных ему предметов.

Похожей точки зрения придерживается и Н. Л. Огуречникова, по мнению которой, лексическое значение артиклей может быть определено как «количественная информация о содержании речевых единиц (слов в речи и синтагм), выделенных при помощи артикля; определенный артикль, указывая на наличие одного варианта содержания у слова или словосочетания в речи, характеризует соответствующий фрагмент текста как однозначный; неопределенный артикль указывает на потенциальную вариантность речевого содержания у слова или словосочетания, – как неоднозначный» [4, с. 7]. Иначе говоря, в отличие от интерпретации В. Я. Проппа и О. Бехагеля, которые считают, что значение артиклей характеризует денотаты слов и словосочетаний как единичные или множественные, автор данной концепции полагает, что лексическое значение артиклей характеризует именно возможную вариативность *речевого содержания* слов [5, с. 181]. Несмотря на некоторые расхождения данных версий, они совпадают в идее о том, что в основе трактовки лексического значения артиклей лежит именно количественный принцип возможных значений используемого имени.

Так, определенный артикль, входящий в состав словосочетания с той или иной лексико-синтаксической структурой, указывает на то, что слово в данном контексте имеет одно конкретное, единственно возможное значение и исключает возможность выбора из множественного ряда возможных толкований. Неопределенный артикль, напротив, указывает на неоднозначность речевого содержания соответствующего слова или словосочетания, а также на множественность вариантов его значения [5, с. 181–182].

Показательными в этой связи представляются ниже следующие примеры:

1. *Noch immer trommelte der Regen dumpf auf die Ziegel. Er öffnete das Mansardenfenster. Das Trommeln wurde lauter und heller* [6, s. 4] – *Дождь по-прежнему глухо барабанил по черепице. Он распахнул окно мансарды. Стук капель стал громче и звонче* (перевод Н. Федоровой).

2. *Hinter einem Schaufenster mit der gleichen Aufschrift brannte Licht, wie jeden Abend, seit Maurers Frau gestorben war. Und wie jeden Abend saß in einem Zimmer im ersten Stock desselben Hauses ein kahler Mann im Kegel einer Stehlampe und las. Reglos wie eine Wachfigur. Die übrigen Fenster waren dunkel, bis auf eine Dachluke neben dem Kamin* [6, s. 123] – *За стеклом вприсы с такой же надписью горел свет, как всякий вечер с тех пор, как Маурер схоронил жену. И, как всякий вечер, в одной из комнат на втором этаже сидел в круге света от торшера какой-то лысый мужчина, читал книгу. Неподвижный, словно восковая фигура. В остальных окнах было темно, за исключением чердачного окошка возле дымовой трубы* (перевод Н. Федоровой).

Анализ семантики употребления лексем *Mansardenfenster* и *Schaufenster* показывает, что при помощи артиклей сообщается количественная информация о речевом содержании данных единиц. В первом контексте существительное *Mansardenfenster* употребляется с определенным артиклем, что указывает на единичность или инвариантность содержания соответствующего слова. Однозначность толкования связана с отсутствием возможности выбора из множественного ряда (наличие в мансарде одного (=единственного) окна).

Во втором примере существительное *Schaufenster* сопровождается неопределенным артиклем, что обусловлено потенциальной вариативностью речевого содержания данного имени. Неопределенный артикль указывает на наличие у данного слова вариантов денотативной соотносительности, так как имеется в виду не конкретное окно, а одно из имеющихся в доме окон, что подтверждается следующим выражением (*Die übrigen Fenster waredunkel*).

Соглашаясь с вышесказанным, следует, однако, отметить, что авторы данных концепций применяют критерий единичности и множественности вариантов речевого содержания денотата только при описании лексической сущности артиклей в функции индивидуализации, оставляя без внимания случаи их использования в функции генерализации.

В этой связи, как мы полагаем, более четкую интерпретацию лексического значения немецких артиклей по количественному принципу можно представить в рамках теории категории соотносительности/несоотносительности, предложенной в свое время Л. Р. Зиндером и Т. В. Строевой [7, с. 219], принципы функционирования которой, однако, были нами расширены и переосмыслены (см. [8]).

Согласно нашей концепции, определенный артикль в функции индивидуализации соотносит имя с **одним единственно возможным объектом**, речевое содержание которого является инвариантным, например:

Der Brief war auf ein grobes Schulpapier geschrieben, aber sauber und mit einer gewissen Zierlichkeitzusammengelegt [9, s. 2] – *Письмо было написано на грубой бумаге, но сложено аккуратно и даже с некоторым изяществом.*

Тот же определенный артикль, но в функции генерализации соотносит имя уже **со всеми** представителями какого-то определенного **класса** объектов одновременно. Так, в высказывании *Der Mensch ist groß in seinen Vorsätzen, aber schwach in der Ausführung. Darin liegt unser Elend und unser Scharm* [10, s. 144] – *Человек велик в своих намерениях, но слаб их выполнении. В этом и заключается наше жалкое состояние и наш шарм* имеются в виду одновременно все представители класса людей.

Неопределенный артикль в функции индивидуализации соотносит имя с **одним из** возможных представителей какого-либо класса предметов. Вот почему его речевое содержание является вариативным. Иначе говоря, основное значение неопределенного артикля является указанием на классификацию, в соответствии с чем обозначаемый существительным объект представляется как один из данного класса. При этом степень конкретизации объекта может быть разной, но полная идентификация отсутствует. В высказывании *Neben ihm saß regungslos eine gefleckte Katze und sah ihm zu* [10, s. 93] – *Рядом неподвижно сидела пятнистая кошка и смотрела на него* подразумевается некая кошка как одна из многих представительниц рода кошачьих.

Тот же неопределенный артикль, но в функции генерализации, соотносит имя **со всеми представителями определенного подкласса** объектов, которым свойствен какой-то определенный, вневременной признак. Например: *Eine schöne Frau macht einen Mann schöner, eine kluge Frau macht einen Mann klüger. Eine schöne, kluge Frau machtihnabhängig* [11] – *Красивая женщина делает мужчину красивее, умная женщина делает мужчину умнее. Красивая и умная женщина делает его зависимым.* В данном контексте имеются в виду все представительницы класса женщин, которые являются красивыми и умными.

Что касается отсутствия артикля, то оно указывает на соотносительность существительного с каким-либо понятием в наиболее общем виде, вне классификации и индивидуализации, как бы обобщая это понятие, выражая абстрактное значение. Как отмечает в этой связи Л. И. Божно: «Нулевой артикль – это наивысшая степень обобщения в значении обозначенного понятия» [1, с. 58]. Например: *Und abends, als wir schon glaubten Ruhe zu haben und die Flasche aufmachten, kam Gas und quoll in dieUnterstände* [10, s. 6] – *А вечером, когда мы уже надеялись обрести покой и откупорили бутылку, началась газовая атака.*

В прагматическом плане отсутствие артикля может маркировать особый тип генерализации, когда используемое понятие возводится в ранг символа. Чаще всего синтаксическая структура переложений такой семантики представляет собой перечисление имен в единственном числе [12, с. 3]. Например: *Atmosphäre, Aura, Strahlung, Wärme, Geheimnis* – *das, was die Schönheit erst beseelt und lebendig macht...* [13, s. 61] – *Атмосфера, аура, излучение, тепло, тайна* – *это то, что одухотворяет и оживляет красоту...* В данном контексте автор подчеркивает, что все перечисленные понятия являются символом настоящей красоты.

В заключение отметим, что, характеризуя речевые единицы с точки зрения их денотативной соотносительности,

артикли не сообщают никакой конкретной информации об обозначенных ими объектах. Именно в этом и заключается специфика лексического значения артиклей как местоименных слов в сравнении с лексическим значением знаменательных слов.

Таким образом, мы полагаем, что лексическое значение немецких артиклей как в функции индивидуализации, так и в функции генерализации необходимо трактовать как количественную характеристику информации о речевом содержании обозначенного существительным денотата, так как именно этот принцип наиболее объективно отражает функциональную специфику артиклей в речи и позволяет сформировать навыки их правильного использования у изучающих немецкий язык как иностранный.

1. Божно Л. И. Артикли в современном немецком языке. М.: Учпедгиз, 1956. 120 с.
2. Пропп В. Я. Проблема артикля в современном немецком // Сборник статей памяти акад. Л. В. Щербы / ред. коллегия: Б. А. Ларин и др. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1951. С. 218–226.
3. Behagel O. Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Heidelberg: Winter, 1923. Bd. 1. 444 s.
4. Огуречникова Н. Л. Системный статус, значение и функции артиклей в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 53 с.
5. Огуречникова Н. Л. Лексическое и грамматическое содержание английских артиклей // Acta linguistica

Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2007. Т. III. Ч. 3. С. 178–188.

6. Suter M. Lila, Lila. Zürich: Diogenes Verlag, 2004. 345 s.
7. Строева Т. В., Зиндер Л. П. Грамматическая категория соотносительности имени существительного в немецком языке // Ученые записки ЛГУ. Сер. «Филологические науки». Л., 1961. Вып. 60. С. 218–232.
8. Горюнова Ю. Н. Специфика реализации категории соотносительности в современном немецком языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. Вып. 2 (21). С. 70–76.
9. Dumas A. Gabriel Lambert. Berlin: Verlag Neues Leben, 1991. 192 s.
10. Remarque E. M. Arc de Triomphe. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 729 s.
11. www.zitate.de. URL: <http://www.zitate.de/kategorie/mann> (дата обращения: 12.09.2015).
12. Попова В. Б. Значимое отсутствие артикля: нулевой знак как член оппозиции артиклевых форм // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. Вып. № 3(105). URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/znachimoe-otsutstvie-artiklyanulevoy-znak-kak-chlen-oppozitsii-artiklevyh-form> (дата обращения: 25.12.2015).
13. Remarque E. M. Drei Kameraden. СПб.: Изд-во «Каро», 2012. 352 с.

© Горюнова Ю. Н., Кураков В. И., 2016

УДК:801.6

Э. С. Козленко
E. S. Kozlenko

МЕТРИКА И РИТМИКА АНГЛИЙСКОГО СТИХА XX ВЕКА

В статье с языковых позиций анализируются метрика и ритмика английского стиха XX века. Доказывается, что в XX веке в английской поэзии были разработаны национальная форма свободного стиха, новые формы неклассического стиха. Пятистопный ямб утратил господствующее положение, усложнилась ритмика силлабо-тонического стиха.

Ключевые слова: метр, ритм, ямб, дольник, разностопный стих, свободный стих, икт.

METRICS AND RHYTHMICS OF ENGLISH VERSE OF THE 20th CENTURY

The article is devoted to the analyses of the metrics and rhythmics of English verse of the 20th century. The author proves that the national form of the free verse and new forms of the non-classical verse were worked out in the English poetry of the 20th century. Iambic pentameter lost its predominant position and the rhythmics of the accentual-syllabic verse became more complicated.

Keywords: metre, rhythm, iambus, accentual verse, anisometric verse, free verse, ictus.

В июле 2016 г. Эвелине Семеновне Козленко исполнилось бы 75 лет. Но 35 лет ее уже нет на свете. Она начала работать на кафедре английского языка нашего университета в 1963 г. после окончания Горьковского института иностранных языков. Сразу же обратила на себя внимание коллег и студентов блестящим знанием языка и произношением, которому могли бы позавидовать дикторы Би-Би-Си.

В 1970-е г. Эвелина Семеновна училась в аспирантуре МГПИИЯ им. Мориса Тореза (ныне Российский лингвистический университет), ведущего вуза страны в области обучения иностранным языкам. И здесь Эвелина Семеновна снискала признание выдающихся филологов того времени. Оппонентами на ее защите должны были быть доктора филологических наук М. Л. Гаспаров и Э. М. Медникова.

В. В. Левик приглашал ее в качестве ведущей на свои вечера-встречи с мастерами поэтического перевода.

Эвелина Семеновна не дожила до своей защиты. Она умерла 29 декабря 1981 г. Узнав о ее смерти, тогдашний проректор по науке МГПИИЯ им. Мориса Тореза профессор Л. С. Бархударов сказал: «Наша наука потеряла восходящую звезду». Написанная на высочайшем профессиональном уровне ее работа остается актуальной и поныне.

При анализе ритма силлабо-тонических размеров мы опирались на основные положения современной науки о метре и ритме.

Метр в современном стиховедении понимается как наиболее общая модель построения текста стиха, сумма ограничений, налагаемых национальной поэтической традицией на отбор и аранжировку языкового материала.

Термин «ритм» имеет в русском стиховедении более общее и более узкое значение. Ритм в более общем значении шире понятия «метр» (метр – его частный случай). Ритм в более узком значении – это конкретная реализация метра. Но и ритм – абстрактная модель, отвлеченная от конкретных текстов, поэтому ритм стихотворения следует отличать, например, от акцентной структуры конкретной стихотворной строки: для возникновения ритма необходима последовательность периодически повторяющихся соизмеримых речевых отрезков.

Подход к тексту стиха осуществлялся с языковых позиций. Стих – это текст особого рода. Он рассматривается как речевая совокупность языковых единиц, ритмопорождающие свойства которых заранее известны, например, степень ударности слогов многосложных слов, различные акцентные свойства значимых и служебных слов, их слоговой объем, слогаобразующие свойства различных звуков. Однако сочетаемость слов в стихе определяется не только общеязыковыми законами, но и дополнительными ограничениями, налагаемыми метром. Это и обусловило методику анализа: текст стиха анализируется лингвистически, но с учетом дополнительных особенностей, появляющихся в нем под действием метра.

Проведенное исследование показало, что характерное для английской метрики XX века расшатывание традиционных признаков формы стиха было менее неожиданным, чем может показаться на первый взгляд; это был результат эволюционного процесса, подготовленного более чем вековым развитием национальной метрики. Определяющая роль в этом процессе принадлежит разработанному в XIX в. литературному дольнику. Дольниковый стих, возрожденный в 1765 г. выходом в свет сборника баллад и поэм XIV–XVII вв. под редакцией Томаса Перси, повлиял на все последующее развитие английской метрики. Оно пошло по двум линиям: силлабо-тонической (традиционное направле-

*Диссертация Эвелины Семеновны состоит из трех глав. По материалам первой главы была опубликована статья «Метрика Роберта Фроста» в сборнике *Literature*, вып. XIX (3), Vilnius, 1977. Содержание второй главы нашло частичное выражение в статье «Ритмика классических размеров англоязычной поэзии XX века» в сборнике научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 116, 1977. Такие разделы диссертации, как «Метрический репертуар английской поэзии XVIII–XX вв.», «Слоговый и акцентный ритм английского стиха», «Ритмика неклассических размеров» не были отражены в опубликованных материалах. Им и посвящена данная статья, которая является данью памяти ее автору.*

А. Палий

ние) и дольниковой (новая тенденция), оттесняя пятистопный ямб с положения господствующего метра.

В первой половине XIX в. было разработано лишь два размера литературного дольника: сплошной 4-иктный и 4–3-иктный, имитирующий народный балладный стих из сборника Перси. К началу XIX в. наиболее употребительным английским метром был ямб, поэтому понятно, что литературный дольник развивался на двусложной основе (т. е. междуиктовые интервалы были чаще односложны, чем двусложны). Дальнейшее развитие дольник получил у Суинберна. Последний ввел в употребление новые размеры этого стиха: 3-иктный, 6-иктный и разностопный, 3–2-иктный. Эти размеры дольника уже не имели корней в народной балладной традиции, они появились литературным путем, развившись из трехсложного стиха со стяжениями (междуиктовые интервалы там были чаще двусложные, чем односложные). Во второй половине XIX в., таким образом, были разработаны не только новые размеры, но и новый ритмический подвид дольника – дольник на трехсложной основе.

В XX в. дольник становится одним из наиболее употребительных английских метров. Уже у Т. Харди и У. Ейтса группа дольниковых размеров пополнилась разнообразными сочетаниями разностопного и вольного дольника (в первом из них строки разной длины чередуются в определенной последовательности, упорядоченно, во втором – непредсказуемо). Т. Харди и У. Ейтс провели все ямбические размеры в дольник, утвердив его как второй по разнообразию и употребительности английский метр. У исследуемых авторов дольник имеет три ритмических подвида: 1) дольник на двусложной основе (традиционный тип); 2) дольник на трехсложной основе (новая тенденция); 3) дольник на дву- и трехсложной основе (отошедший как от «ямбических» строк, где все междуиктовые интервалы односложны, так и от «амфибрахических» строк, где все интервалы двусложны). Разработка новых размеров и новых ритмических подвидов дольника – одна из основных новаций английского метрического стиха XX века.

Другой характерной особенностью метрики исследуемого периода является то, что пятистопный ямб, господствующий метр английской поэзии XVII–XIX вв., теряет свое доминирующее положение. Наиболее употребительным английским метром становится разностопный ямб. Почти выравнивается с ним по употребительности разностопный дольник. Эта

метрическая тенденция также берет свое начало во второй половине XIX века. Уже у Уолтера Лэндора четырехстопный и разностопный ямбы преобладают в недраматическом стихе. Лэндор отметил и причину понижения интереса к пятистопному ямбу: закрепившаяся за этим стихом декламационная интонация уступила место прозаической (при изучении письменного текста интонацию можно определить как потенциальный вариант его устной реализации, являющийся функцией ритмико-синтаксической структуры текста).

На рубеже XIX–XX вв. и на протяжении XX в. употребительность разностопного ямба неуклонно возрастает, он становится одним из ведущих размеров метрического репертуара Т. Харди, У. Эйтса, О. Уайльда, А. Хаусмана, Д. Джойса, У. Оуэна, Д. Томаса. Развитие разностопного ямба шло в нескольких направлениях. У. Эйтс и А. Хаусман, вслед за Лэндором, разрабатывали преимущественно короткие размеры этого стиха, а Т. Харди – редкие сочетания длинных размеров. Возможно, в этом сказалась привычка Харди-прозаика к длинной строке: произошла экстраполяция признаков ритма прозаической строки на строку стиха. Отличительной особенностью разностопного стиха тех поэтов, в метрике которых господствует пятистопный ямб, является то, что пятистопный ямб количественно преобладает и в разностопном ямбе (Фрост, Оуэн).

Употребительность разностопного стиха резко возросла и в других группах размеров. У Т. Харди разностопный стих абсолютно преобладает не только в ямбе, но и в дольнике, трехсложном стихе, хорее, причем употребительность разностопного ямба и разностопного дольника почти выравнена (30 и 24,5 % всех строк): они составляют ядро его метрического репертуара.

Периоды наиболее интенсивной разработки разностопного стиха приходятся на начало и середину XX века. В первом случае рост его употребительности вызван стремлением к обновлению метрики, расшатыванию традиционных признаков формы стиха, во втором – обратным процессом – установкой на стабилизацию стиховой формы и возврату к метрически-упорядоченному стиху после свободного стиха 1930-х гг. (Томас, Дэй-Льюис).

Чередование строк контрастной длины, используемое в разностопном стихе, стало одним из основных источников ритмического разнообразия в английской поэзии XX в., получив дальнейшее развитие в вольном стихе. При этом вольный стих с константной анакрусой: вольный ямб, вольный хорей и вольный трехсложник, – относится к традиционным английским метрам, а вольный двусложник (стих на двусложной основе с переменной анакрусой), вольный дольник и свободный стих – новации английской метрики XX века.

Разработка вольного стиха шла в нескольких направлениях. Т. Харди и Д. Томас расшатывали его слоговой ритм – варьировали объем междуиктовых интервалов. Расшатанный таким образом вольный ямб переходил в дольник, образуя новую форму неклассического стиха – вольный дольник. У Д. Томаса вольный дольник усложнен элементами формы свободного стиха и значительно отличается от соответствующего стиха Т. Харди, но типологически это тот же метр, в пределах которого можно выделить различные ритмико-интонационные подвиды.

Иное развитие вольный стих получил у Эйтса, Джойса и Элиота. Альтернирующий стих Джойса (см., например, «A prayer») показывает, что вольный ямб может расшатываться не только в направлении вольного дольника. Сочетание в нем длинных и коротких стихов, перебои ритма, нарушающие альтернацию сильных и слабых мест в строке, позволяют классифицировать этот стих как переходный от вольного ямба к свободному стиху на двусложной основе. Именно с такого «ямбообразного» свободного стиха и начинал Т. Элиот. Размер, которым написан «Prufrock», уже не ямб, потому что: 1) строки разной длины чередуются непредсказуемо; 2) ямбическая альтернация сильных и слабых мест то проступает, то исчезает, так что ощущение «иктности» временами теряется совсем; 3) зачины неупорядоченно варьируют. Однако ямбичность не исчезает полностью, а просвечивает в тексте. Такой стих можно считать переходным от вольного ямба к альтернирующему свободному стиху.

При непосредственном рассмотрении стиха Элиота выделилось несколько форм неметрического стиха, имеющих различную ритмическую, слоговую и синтаксическую структуру и разную степень «свободы» от признаков и характеристик метрического стиха. В зависимости от доминирующего ритмического импульса и слогового объема междуударных интервалов мы различали альтернирующий, дольниковый, акцентный и т. д. свободный стих. (Классификация русского свободного стиха разработана В. С. Бавеским.)

Одним из ритмических признаков свободного стиха, на наш взгляд, является то, что заданный этому стиху ритм (альтернирующий, дольниковый и т. д.) не выдерживается на протяжении всего текста, а трансформируется, «ускользает». Однако он не исчезает полностью, а продолжает ощущаться как ритмический импульс, который проступает то более отчетливо, иногда проявляясь в чистый метр, то теряется в ритмических трансформах, как меняется тема в разработке музыкального произведения. Ритмический импульс становится как бы сигналом определенного типа метрического стиха, ритмической аллюзией и воспринимается в комплексе со всеми его трансформами. Свободный стих может строиться на одном ритмическом импульсе, например, «Prufrock», или на нескольких, например, «Four Quartets». Неметрический стих Т. Элиота представляет собой, таким образом, не один определенный тип с определенным набором признаков (моделью) как в метрическом стихе; свободный стих – это, по-видимому, собственная стиховая система, параллельная всем типам метрического стиха. Поэтому в общей типологии размеров место свободного стиха не обязательно после акцентного (как это традиционно полагают), так как мы обнаружили свободный стих на силлабо-тонической основе, и на дольниковой, и на акцентной. Традиционные формы стиха: силлабо-тоника, дольник и даже акцентный стих – системы более строгие, потому что схема даже акцентного стиха всегда налицо; свободный же стих – система более свободная именно потому, что схемы уже нет, признаки метра, от которого он отошел, только проступают. Как показало исследование, Т. Элиот разработал национальную форму свободного стиха, опирающегося на разговорную интонацию, неортодоксальный

синтаксис и пунктуацию и спорадическое варьирование признаков формы метрического стиха. Расцвет употребительности свободного стиха – 1930–1940-е гг.

В конце 1940-х гг. начинается реакция на свободный стих Элиота, происходит возврат к метрически-урегулированному стиху. В противоборстве с поэтикой и метрикой Т. Элиота формировался и стих Д. Томаса.

Стих Томаса прошел эволюцию от классических размеров со строго упорядоченной ритмикой и строфикой – к акцентной расшатанности силлабического стиха, с одной стороны, и к слоговой расшатанности вольного дольника – с другой.

Количественно доминирующий размер раннего Томаса – разностопный ямба. Акцентная, слоговая и строфическая структура стиха этого периода классически упорядочены. Тем не менее ранний Д. Томас все же метрист XX века по целому ряду признаков: 1) как и у большинства исследуемых авторов, количественно преобладающим метром у него является разностопный ямба; 2) пятистопный ямба уступает первенство не только в употребительности, но и в акцентной вариативности; 3) четырехстопный ямба приобретает большую акцентную свободу, чем пятистопный.

Но основные метрические новации Д. Томаса проявились в неклассическом стихе: он разработал большую группу разностопных и вольных размеров дольника – 2–7-иктных. Неклассический стих Д. Томаса, как показал количественный анализ его акцентно-слогового ритма, – это дольниковый стих, расшатанный до предельных возможностей его формообразующих признаков. Однако Томас, как и Элиот, не подавляет стих как таковой, компенсируя отсутствие одних формообразующих признаков другими. Для Элиота таким формообразующим стержнем является ритмический импульс, для Томаса – звуковые повторы, фоника стиха: аллитерация, ассонанс, звуковые зацепления служат для смыслового сближения фонетически родственных слов.

В развитии английского силлабо-тонического стиха можно выделить следующие ведущие тенденции. Продолжается разработка пятистопного ямба. Кроме Р. Фроста, основного новатора ритмики этого стиха в XX в., пятистопным ямбом активно пользовались Эйтс, Оуэн, Льюис, Томас. Развитие пятистопного ямба у этих поэтов шло по двум направлениям: 1) дальнейшего расшатывания его акцентной структуры (Фрост, Томас); 2) варьирование слогового ритма (Эйтс, Льюис), что исторически не было свойственно этому стиху. Последнее привело к возникновению пятистопного ямба с факультативными двусложными заполнениями междуиктовых интервалов как промежуточной формы между пятистопным ямбом и 5-иктным дольником, т. е. пятистопный ямба в конце прошлого века прошел тот же путь развития, что и четырехстопный ямба в начале XIX столетия.

Возросла употребительность коротких размеров ямба и хорей (Хаусман, Эйтс, Джойс), а трехсложный стих, напротив, перешел на положение редкого метра. По-видимому, Харди был последним из английских поэтов, широко пользовавшихся трехсложником, особенно его разностопными размерами. Подобное наблюдается и в русской поэзии: и здесь вторая половина XIX века – период наиболее интенсивной разработки трехсложного стиха, завершившийся возникновением дольника на трехсложной основе. Однако в отличие от английской поэзии, русский трехсложный стих в XX в.

получил дальнейшее развитие: он расширил свой жанровый диапазон, вобрал в себя городскую тематику и стал одним из наиболее емких метров современной русской поэзии.

Ядро метрического репертуара поэзии исследуемых авторов составляют: разностопный ямба (доминирующий метр), пятистопный ямба и разностопный дольник. В группу употребительных размеров входят также четырехстопный ямба, вольный дольник и свободный стих. Из них пятистопный, четырехстопный и разностопный ямбы – традиционные размеры национальной метрики, а разностопный дольник (за исключением 4–3-иктного), вольный дольник и свободный стих – новые формы стиха, разработанные в XX веке. Несмотря на то, что развитие английского стиха XX в. было направлено на увеличение употребительности неклассического и свободного стиха, у исследуемых авторов количественно преобладает метрический стих. Общая формообразующая тенденция современного английского стиха такова: набор канонизованных признаков формы стиха сокращается до минимума, необходимого и достаточного, чтобы не подавить стих. Факультативные признаки стиховой формы: метр, рифма, строфика и т. д. могут либо отсутствовать, либо использоваться спорадически, усиливая тем самым смысловые акценты.

Учитывая определенное соотношение между длиной произведения и его жанром, мы условно разделили произведения в зависимости от их длины на лирику, «удлиненные» стихотворения и эпос. Соответственно каждый тип стиха условно разделен на три группы: I-я группа включает стихотворения до 50 строк; II-я – от 50 до 100 строк; III-я – больше 100 строк. Такое условное количественное разделение сделано для того, чтобы получить представление о жанровой соотнесенности размеров, потому что определенные жанровые формы исторически соотносятся с вполне определенной длиной произведений в пределах вполне определенных метров. Так, эпические произведения английской поэзии в основном написаны пятистопным ямбом, поэтому эпос в сознании английского читателя привычно ассоциируется с ритмом этого размера. Анализ жанровой ориентации размеров позволил коснуться вопроса о соотнесенности между литературной традицией и писательской индивидуальностью в форме стиха и проследить, что сильнее влияет на последнюю: метрические традиции жанры или метрические новации автора.

Изменения жанровых ореолов и жанровых вариаций ритма традиционных размеров национальной метрики особенно интересно прослеживаются в пятистопном ямбе – универсальном размере всех жанров, особенно эпоса, английской поэзии XVII–XIX вв. Как выяснилось, в XX в. пятистопный ямба был заменен в эпосе: 1) новыми размерами дольника (главным образом смешанным и вольным дольником); 2) свободным стихом; 3) редкими в прошлом размерами традиционной метрики, например четырех-трехстопным ямбом (Уайльд), или трехстопным хореем (Фрост).

Значительно сократилась употребительность пятистопного ямба и в лирике: издавна отличаясь метрическим разнообразием, она легко вобрала в себя новые формы стиха. Появилась тенденция ограничивать область применения пятистопного ямба сугубо традиционными жанровыми формами, например сонетом (Т. Харди, Д. Томас, С. Дэй-Льюис).

Таким образом, в прошлом нейтральный размер всех жанров, пятистопный ямб, в XX в. приобретает признаки семантической маркированности: сам выбор метра указывает на классический канон, интонационный и стиховой, и противопоставляется новым размерам и новой поэтике.

При количественном анализе наиболее распространенной группы неклассических размеров – дольника – были определены: а) среднее количество двусложных междуиктовых интервалов; б) «профиль» двусложных интервалов (процент удвоений на каждом междуиктовом интервале, вычисленный от общего количества строк); в) слоговые типы строк (встречаемость строк с различным количеством удвоений на междуиктовых интервалах); г) типы анакрус; д) профиль ударности стиха (ударность иктов и неиктов).

Анализ слогового ритма традиционных и новых размеров дольника показал, что английский дольник в XX в. обособился как от двусложных размеров (расшатанного ямба и ямбически урегулированного дольника), так и от трехсложных, из которых он развился в XIX в., став разработанным метром. Все размеры дольника имеют у анализируемых авторов три ритмических подвида: 1) дольник на двусложной основе, в котором преобладают односложные заполнения междуиктовых интервалов; 2) дольник на трехсложной основе с преобладанием двусложных заполнений междуиктовых интервалов; 3) дольник на дву- и трехсложной основе, отошедший как от двусложного, так и от трехсложного ритма. Таким образом, ритмические подвиды новых размеров дольника (3-иктного и 5-иктного), и традиционных размеров (4-иктного и 4–3-иктного) в XX в. одинаковы, хотя их ритмические первоисточники разные: 4-иктный и 4–3-иктный стих развивались от двусложного ритма к трехсложному, а 3-иктный и 5-иктный, наоборот – от трехсложного к двусложному.

Анализ слоговых типов строк помог выявить индивидуальные особенности слогового ритма дольника у анализируемых авторов. Так, ритм дольника во многом зависит от распределения двусложных интервалов по строке и от количества «отклоняющихся» от модели дольника строк. У Льюиса и Элиота «отклоняющиеся» строки возникают обычно за счет трехсложных заполнений междуиктовых интервалов:

*He'sal ^{waysonth} e wrong side of every door, And
 as soon ^{as ogeta} he's at home then he'd like t ^{as ogeta} bout.*

Однако такой дольник звучит ровнее, метричнее, чем дольник Д. Томаса, допускающий нулевые неикты: *Th^{ough} lovers be lost love shall not*, – столкновение смежных ударений сближает такой стих с прозой. Возможно, Т. Элиот противопоставляет своему свободному стиху дольник как стих подчеркнуто метрический, тогда как Д. Томас именно на дольнике сосредоточил свои поиски, усложнив его элементами формы свободного стиха. Его стих выбивается из ритма дольника наиболее ощутимо, иногда приближаясь к свободному стиху на дольниковой основе.

Анализ акцентной структуры дольника показал, что у всех авторов сила ударности иктов находится в прямой зависимости от количества двусложных интервалов между иктами: чем больше слоговых удвоений на неиктах строки, тем меньше пропусков ударений на иктах, тем выше их

ударность, т. е. слоговая расшатанность обычно компенсируется в дольнике его акцентной урегулированностью.

Важно отметить, что развитие английского неклассического стиха в XX в. почти минует тактовик в отличие, например, от русской поэзии соответствующего периода, где расшатывание традиционной формы стиха пошло именно через тактовик (Маяковский, Асеев и др.). Возможно, тактовик не подходит для английской речи, а для русской подходит (русские слова длиннее). Английский же классический стих расшатывается у анализируемых авторов либо в дольник, либо непосредственно в свободный стих, который, возможно, поэтому и развился вначале как стих на двусложной основе (ранний Элиот). Возврат от свободного стиха 1930-х гг. к более урегулированному также проходил через дольник (Д. Томас). Английский стих XX в., таким образом, развивается в соответствии с ритмическими закономерностями английской синтагмы, поскольку, как показал анализ английской прозы, словосочетания, способные формировать строку двусложных размеров, примерно в три раза частотнее словосочетаний, пригодных для формирования строки трехсложных размеров, а самым емким английским метром является дольник: он вбирает наибольшее количество словосочетаний прозы. Но литературный узус не всегда идет навстречу языковым особенностям, иногда он противоречит им. До XX в., например, оппозиция стих – проза была более четкой, литературная традиция часто шла вразрез с языковыми тенденциями (тогда оппозиция стих – проза максимальна). Английская поэзия XX века, как выяснилось, развивается навстречу тенденциям языка; весь XX век – это сближение с нестихом.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Репертуар английской метрики пополнился в XX в. новыми формами метрического и неметрического стиха. Были разработаны:

1) национальная форма свободного стиха, в котором мы различаем (в зависимости от доминирующего ритмического импульса) свободный стих на силлабо-тонической основе (двусложной и трехсложной), на дольниковой, на акцентной;

2) новые формы неклассического стиха; среди них большая группа дольниковых размеров, из которых наиболее частотны 3-иктный, 5-иктный, разностопный и вольный стих;

3) промежуточные формы стиха от метрического к неметрическому: двусложник с переменной анакрусой; ямбообразный свободный стих; сочетания метрического стиха с неметрическим в пределах стихотворения, – такой стих в английском стиховедении получил название «гибридного», а в русском, вслед за П. А. Рудневым, – полиметрической структуры.

Ритмика силлабо-тонического стиха усложнилась настолько, что оказались сдвинутыми традиционные пороги этих метров (превышены предельно допустимые классической традицией показатели варьирования их акцентно-слогового ритма).

Изменились привычные пропорции размеров в пределах национального метрического репертуара: пятистопный ямб, канонический размер английской метрики последних трех столетий, утратил свое господствующее положение, уступив первенство в употребительности разностопному стиху, в первую очередь разностопному ямбу.

МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ

В статье представлен результат анализа русской лексики медицинского характера, представленной в «Толковом словаре» В. И. Даля. Осуществляется тематическая классификация лексики в соответствии с клинической терминологией, анатомической терминологией и общемедицинскими терминами. Учитывается распространенность медицинской лексики в различных регионах России.

Ключевые слова: «Толковый словарь», лексическая единица, медицинский термин, клиническая терминология, анатомическая терминология, общемедицинский термин.

MEDICAL VOCABULARY IN "THE EXPLANATORY DICTIONARY OF THE GREAT RUSSIAN LANGUAGE" BY V. I. DAL

The article represents the results of the study of the Russian vocabulary in the field of medicine, based on "The Explanatory Dictionary" by V.I. Dal. The subject classification of the vocabulary according to the clinical terminology, anatomical terminology and the terminology of General Medicine is given. The medical terms are also represented due to their spread in different regions of Russia.

Keywords: "The Explanatory Dictionary", lexical unit, medical term, clinical terminology, anatomical terminology, term of General Medicine.

К словам К. Г. Тарасова о том, что далеведение – «стремительно развивающаяся отрасль отечественного литературоведения» [1], мы могли бы добавить: не только литературоведения, но и отечественной филологии в целом. Так, В. М. Москалюк справедливо отмечает, что «...без «Толкового словаря» Даля сегодня немыслима ни одна славянская культура, которая основывается на культуре народного слова. Именно Даль одним из первых сумел проникнуть в природу народного слова, дать ему предельно ясное толкование. В созданном Далем Словаре, отразилась его безукоризненная осведомленность в быте и языке российских губерний – центра и окраин» [2].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» автор рассматривает лексику из разных языков, включая латинский, английский, французский, немецкий, итальянский, татарский, греческий, якутский и др. В отношении русского языка создатель словаря толкует лексические единицы, обращая внимание на частоту употребления на определенной территории. Так, В. И. Даль исследует лексику, учитывая ее распространенность по губерниям, уездам и краям. Кроме того, составитель словаря классифицирует изучаемый материал по наукам и ремеслам, по принадлежности того или иного слова к физике, химии, математике, военному и морскому делу, музыке, медицине и т. д.

Будучи приверженцем всего русского, В. И. Даль очень внимательно относился к иноязычной лексике, считая «долгом перевести каждое из принятых слов на свой язык и выставить тут же все равносильные, отвечающие или близкие ему выражения русского языка» [3, с. 5]. Однако создатель словаря также убежден, что «переводы буквальные, требующие сварки двух-трех слов, всегда почти бывают неудачны, потому что это противно духу нашего языка, и что способ этот дает слова неуклюжие, нередко еще более дикие, чем чужое слово, которое хотят им заменить» [3, с. 5].

Цель данной статьи – охарактеризовать представленную в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля медицинскую лексику.

При сборе и анализе медицинской лексики автор приводит большое количество греко-латинских терминов, признавая их интернационализм, но наряду с ними ученый рассматривает и местные выражения, которые «принадлежат народу, выросли на русском корне» [3, с. 5].

В настоящей статье мы рассматриваем 57 русских терминов в области медицины, приведенных в «Толковом словаре» В. И. Даля.

В ходе изучения обнаруженных лексических единиц мы распределили их по нескольким группам на основании объекта номинации – клинических и анатомических особенностей организма.

К первой группе мы относим медицинские термины, обозначающие разные клинические нарушения, выраженные русскими словами. Приведем примеры данного утверждения: *Антонов огонь – гангрена; балбука – подкожный нарост; безгласие – болезненное состояние, в котором человек лишен голоса; бельмо – помутнение хрусталика; бескровие – недостаток здоровой крови; беспокоя – тревога; бородавка – кожный нарост; вахлак – волдырь; высыпушка – сыпь на теле; глехтерь – глухой человек; гниляк – человек, покрытый язвами; гноец – чирей; горячка – лихорадка; грудница – воспаление молочной железы; кила – грыжа; короста – чесотка; круп – воспаление гортани, трахеи с замыканием горла; недуг – болезнь; осла – сыпная болезнь; проказа – лепра; рожа – воспаление кожи; слепец – слепой человек; сухотка – истощение; фуфлыга – прыщ; хворь – боль, болезнь; цветуха – сыпь; чахотка – болезнь с поражением легких; чревница – боль в животе; чирей – нарыв; чума – заразная болезнь; шаль – головокружение; падучая – эпилепсия; юродивость – безумие [3].*

Вторая группа исследуемой лексики представлена медицинскими названиями анатомических особенностей организма: *брюхо – живот; варга – рот, зев; выходник – сосудец в теле; вяя – шея; глузд – мозг; голяшка – часть ноги от колена до ступни; зенко – зрачок; ляга – верхняя половина нижней конечности; перси – грудь; перст – палец; плоть –*

тело; рамо – плечо; темя – верх головы; уста – губы; утроба – живот; хребет – спина; чело – лоб; чрево – живот; чреватость – беременность; чресла – поясница [3].

В третьей группе мы рассматриваем примеры русской лексики, имеющие отношение к медицине, а именно: *врачебник – книга, содержащая наставления для лечения болезней; врачебница – больница; вытяжка – экстракт* [3].

Анализируя собранный материал, следует отметить, что большая часть русской медицинской лексики, представленной в «Толковом словаре» В. И. Даля, употреблялась на всей территории России. Однако автор выделил несколько русских слов, которые были наиболее распространены в определенной области. Так, слово «балбука» относится к западному наречию, «варга», «кила» характерны – к пермскому, «вахлак» – вологодское наречие, «глузд» – южное и западное, «глохтерь» – псковское, «уста» – владимирское и нижегородское, «утроба» – орловское, «хворь» – южное, западное, ярославское, «цветуха» – новгородское, «шадь» – псковское и тверское.

Завершая краткий очерк русской медицинской лексики, заметим, что достаточное количество терминов сохранилось в русском языке до настоящего времени. Такие слова, как *бельмо, бородавка, вытяжка, горячка, короста, круп,*

недуг, осла, рожа, темя, утроба, хворь, хребет, чирей широко используются и сегодня. Многие лексические единицы, приведенные в «Словаре», встречаются в устойчивых выражениях и фразеологических оборотах, например, *бельмо в глазу, белая горячка, перст судьбы, плоть от плоти, сахарные уста, в утробе матери, сломать хребет, бить челом* и т. д.

Анализ русской медицинской лексики в «Толковом словаре» В. И. Даля в сопоставлении с данными современных словарей позволяет судить о динамике лексической группы, объединившей специальное знание и опыт народа.

1. Тарасов К. Г. Актуальные проблемы изучения творчества В. И. Даля. URL: http://www.wotherreferats.allbest.ru/culture/00276887_0.html (дата обращения: 30.01.2016).

2. Москалюк В. М. Философия слова в творческом наследии В. Даля. URL: http://www.snu.edu.ua/uploads/site_manager/onti/dal/14/024.pdf (дата обращения: 30.01.2016).

3. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2010. 704 с.

© Лаптева Е. А., 2016

УДК 81.42

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО РОК-ТЕКСТА

Статья кратко освещает предпосылки формирования современной рок-культуры и изменения, которые она претерпела в последние десятилетия, отражает существенные характеристики рок-текста как части культуры XXI века и одного из уникальных видов современной поэзии. Затрагиваются факторы противопоставления рок- и поп-музыки, приводятся примеры, демонстрирующие самобытность рок-текста и принципы, по которым он строится, дается краткий культурологический анализ концептуальных основ строения текста.

Ключевые слова: рок-музыка, рок-текст, интертекст, контр-культура, русский рок.

Музыка – сфера интересов ученых, представляющих различные области исследований. Наиболее интересной с социальной точки зрения можно назвать музыку популярную, границы которой между тем не все авторы представляют одинаково. Так, традиционно существует две точки зрения на трактовку понятия «популярная музыка»: в узком смысле – это то же, что и поп-музыка, а именно рафинированный коммерческий продукт эстрадного характера, в широком – вся сфера современной неакадемической музыки легкого жанра [1, с. 9]. Если придерживаться второй точки зрения, то рок-музыка также следует отнести к популярной

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC FEATURES OF THE MODERN ROCK TEXT

The article introduces the prerequisites for the formation of modern rock culture and its changes in recent decades, reflecting the essential characteristics of the rock text as a part of the culture of the 21st century and one of the unique varieties of modern poetry. The author discusses factors of opposition between rock and pop music, gives examples demonstrating the originality of the rock text and principles on which it is based and provides a brief cultural analysis of the conceptual foundations of the structure of the text.

Keywords: rock music, rock text, intertext, counter-culture, Russian rock.

Еще двадцать лет назад мы могли бы однозначно определить принципиальные различия рок-музыки как части контркультуры и эстрадных хитов как явления культуры массовой. Сегодня это противостояние имеет совершенно другой характер. С культурологической точки зрения рок- и поп-музыка сблизилась, оба эти направления современного искусства называют «шоу-бизнесом», они подчинены влиянию технологического прогресса, коммерциализированы и т. д., этому способствовало множество факторов. Уже в 1990-е гг. «выход рок-музыки на официальные подмостки, снятие идеологического запрета на производ-

ство и потребление рок-культуры привели к тому, что русская рок-культура сблизилась со своим вечным антиподом – поп-культурой» [2, с. 16]. И на наш взгляд, текст – это и есть тот фактор, который и сегодня позволяет отделить рок от другой музыки. Но прежде чем делать такой вывод, обратимся к отправным точкам формирования западного и отечественного рок-текста и рок-культуры, а заодно попытаемся определить, действительно ли современный русский рок представляет из себя нечто другое, чем рок советский.

В Америке рок стал порождением андеграундной молодежной культуры, будучи тем видом искусства, с помощью которого выражается негатив к культуре традиционной, массовой [3, с. 13]. Рок-музыка, начиная от рок-н-ролла, сформировавшегося на основе блюза, и заканчивая одним из поздних направлений, которое довело до максимума определенные постулаты, лежащие в основе рок-идеологии, – панком, объявляет своими ценностями искренность, свободу, самобытность и независимость, самоактуализирующуюся «инаковость» [4].

Русский рок – это преломление традиций рока западного через призму русской ментальности и советского мироощущения, потому что нельзя отрицать: русский рок вышел из советского музыкального подполья и сохранил некоторую часть его политического пафоса. Сегодня существует множество научно-популярных изданий, описывающих творческий путь советских и пост-советских рок-исполнителей. К числу первопроходцев, конечно, относят Александра Башлачова, группы «Аквариум», «Машина времени» (считается, что первая рок-песня на русском языке была написана Игорем Гончаруком и Юрием Ермоловым (гр. «Сокол») [5]) и т. д. Эти классические образцы русского рока задают идеологический вектор своим последователям, являясь исполнителями более политизированной музыки, нежели их западные коллеги. Уже самые ранние тексты отечественного рока обладают высокой степенью интертекстуальности и постмодернистской политональности. Считается, что предшественницей рок-музыки была бардовская песня. И с тех пор, как ученые приняли эту позицию за отправную точку, филологи постоянно либо оспаривают, либо доказывают эту связь. Нам импонирует точка зрения С. В. Свиридова, говорящего о том, что взаимная неприязнь авторской песни и рока не может не быть свидетельством их смежности, между тем камень преткновения этой вражды не характер текста – проблема поиска различий лежит в области семиотики советской (и русской) культуры [6, с. 8], в которой в один временной отрезок не могли появиться два принципиально разных музыкальных направления. Считается, что русский рок страдает от ощущения своей вторичности (по отношению и к бардовской песне, и к року западному), но это тот случай, когда кажущееся вторичным явление на самом деле не менее, а, возможно, с некоторых точек зрения и гораздо более яркое, чем его предтеча.

Сущность советской рок-культуры определили специфические черты рок-текста, которые, несмотря на глобальное переосмысление обществом своего отношения к року, остаются неизменными спустя многие годы. Эти черты можно отнести как к лингвистическим, так и к литературоведческим. К слову, отечественное роковедение однозначно признает законность понятия «русская рок-поэзия», при этом

авторы сборника «Русская рок-поэзия: текст и контекст» не раз поднимали вопрос о подлинном содержании этого понятия, о концептуальных чертах выделенного жанра, а также рассуждали о вариативности трактовки данного явления, связанной с его синкретичностью, высокой степенью связи с музыкой, широкой контекстуальностью и т. д. В данной статье мы не будем углубляться в эту проблему, ибо сказано об этом немало. То же касается и соотношения текста и музыки в рок-песне. Когда исследователи рока говорят о последнем, всегда приводятся высказывания самих рок-исполнителей, которые-то уж точно не сомневаются, что в их творчестве текст есть явление первостепенной важности. Так, например, можно процитировать лидера известной рок-группы ДДТ Юрия Шевчука: «Наш российский рок-н-ролл родился из протеста, но стал искусством только благодаря трепетному отношению к слову» (цит. по [7, с. 102]). Возможно, такая ориентация не является частью истинно научного пути исследования, однако отказать русским рок-текстам в статусе «поэтических» было бы, на наш взгляд, кощунством. К тому же филологи отмечают, что высокая художественность музыкально-поэтических текстов – это заслуга даже не только и не столько русского рока, сколько отечественной песенной традиции вообще.

Однако эта поэзия, разумеется, живет по своим законам. Интерпретировать ее можно и нужно с учетом всех уровней взаимодействия объекта интерпретации в рамках широкого дискурса, включающего разнообразные факторы: от ментальности представителей и последователей рок-культуры до психолингвистических категорий, лежащих в основе самого текста [8]. Синтез этих факторов не приводит к однозначному единству рока и окружающей его действительности, уникальность рок-культуры в том, что она, тесно взаимодействуя с другими культурами, по-прежнему остается уникальной. Рок одновременно и в определенной мере гармонирует, проявляет признаки ассимиляции, но и в то же время противопоставляет себя авторской песне, эстрадной песне, американской и европейской рок-музыке, классической поэзии. Черпая вдохновение и определенные приемы, темы и т. п. из всех перечисленных источников, рок-музыканты создают мозаично переливающийся гранями разных культурных парадигм, но нестандартный продукт. Но нельзя не отметить, что этот продукт продается и функционирует по законам массовой культуры, что приводит к вытеснению рока из категории авангарда, китча, андеграундной субкультуры, как бы заставляя его одной ногой стоять в поле современного массового искусства, опосредованного техникой, носящего в первую очередь развлекательный характер, черты «юношеского» мироощущения, переключение на систему телесной чувственности [9, с. 14] и т. п., а другой – где-то между оппозицией и массовостью. Сколько бы черт массовой культуры не имел русский рок, ни один поклонник и ни один наш соотечественник, предпочитающий року другие виды музыки, не согласится причислить его к так называемому «культурному ширпотребу». Мы полагаем, что рок-текст является достойным примером высокохудожественных образцов современной массовой культуры, вбирающим отечественные поэтические традиции, отголоски советской рок-культуры, а также сохраняющим высокий уровень мифопоэтичности, образности,

языкового разнообразия и т. д. Хотя это уже и не та сакральная реальность с четкой иерархией ценностей (одна из черт субкультуры в традиционном понимании), а некоторые лексико-фразеологические средства и образы, воплощенные в рок-текстах стали стереотипными [10], но рок-музыка не подчиняется стандартной процедуре определений уровня успешности той или иной песни (отечественные представители рок-музыки не борются за места в чартах, и русский рок живет в формате музыкальных фестивалей, где исполнители разной степени известности одинаково принимаются публикой как значимые и достойные внимания). Все это делает рок-текст благодатным полем для научных, и в том числе лингвистических, изысканий.

Критерием отнесения того или иного произведения к рок-поэзии чаще всего является историческая репутация [11, с. 123]. Причина тому – разнообразие как музыкальных форм, так и поэтических приемов исследуемого явления. Однако поэтика рок-текста так или иначе может быть очерчена.

Традиционный рок-текст богат на аллюзии и отражает «культурные компетенции автора» [4]. Рок-культура порождает литературные гипертексты, пропитанные философской концепцией автора и того, что его вдохновляет, в роке мы можем видеть как явные, так и имплицитные связи. Причем это черта не только русской рок-музыки, но и ее предшественников – авторской песни и западного рока.

Есть в рок-текстах и очевидные отсылки к каким-либо образам, личностям, принадлежащим сфере как отечественного, так и зарубежного искусства и мотивам поликультурного мирового пространства.

*В одном из неснятых фильмов Федерико Феллини
Лежат снега Килиманджаро.
Герой на героине, героиня на героине,
И отравленный воздух глотают так жадно.
(«Сплин», «Феллини»)*

Можно привести и другие яркие примеры, такие как песня «Апостол Андрей» («Видишь, там на горе...») группы «Наутилус Помпилиус», «Река Ганг» группы «Пикник» или «Хали-гали-кришна» группы «Агата Кристи». Все эти тексты – образец рок-поэзии, ориентирующейся на мыслящего слушателя, их невозможно воспринимать должным образом без наличия хотя бы малейшего представления о культурном компоненте, который в данном случае лежит на поверхности, так как выведен в название песни. Причем если в 1980-е и 1990-е гг. тексты наполнялись описанием исторических событий, политическими контекстами (ярчайший пример – творчество, например, Егора Летова), то сегодня философский пафос русского рока обратился к своей экзистенциальной природе. Изначально рок – это противостояние, однако сегодня он уже не является способом обойти цензуру и продемонстрировать анархические устремления молодого поколения (к слову, надо признать, рок уже давно перестал быть молодежной культурой). Г. С. Кнабе делает совершенно правильный вывод о том, что «противостояние это носит не социальный или политический, даже, скорее, неидеологический, а экзистенциальный характер» [12, с. 23]. Самый простой способ обнаружить эти тенденции –

сравнить тексты песен одной и той же группы, принадлежащие к разным периодам творчества. Приведем два текста группы «Агата Кристи»: «Подвиг», впервые прозвучавшая в 2008 году, и «Коммунальный блюз» – песня, вошедшая в первый альбом группы «Второй фронт», выпущенный в 1988.

*Блюз коммунальных будней, хозяин пыльных нот
Творит по кухням блудным очередной обход,
Гризер страстей экранных, суфлер батальных сцен,
Эстет пропорций, вечно равных,
Законодатель и блюститель цен.
Мы не ждем, чтобы ждать, мы не верим, чтобы верить,
Но способность стрелять ломает в клетке двери.
Скальпель держа, чтоб не присыпал пудрой флюз
Коммунальный блюз.
(«Агата Кристи», «Коммунальный блюз»)*

*Когда некуда идти,
Ты не вольно выбираешь
Путь единственный из всех,
На котором умираешь,
Но до этого живешь,
Так как не жил ни секунды,
Так как должен был себе,
Как другим был должен денег.
Там где подвиг, там и смерть,
Вариантов, сука, нет,
Вариантов, сука, ноль,
Кто-то сдался,
Кто-то свой.
(«Агата Кристи», «Подвиг»)*

Мы нарочно взяли самый ранний текст и один из последних, записанный на финишной прямой жизни группы. За 20 лет философская концепция текстов не изменилась, но нельзя не обратить внимание на смещения акцентов с социального на личное, это демонстрирует даже использование местоимений. Лирический герой русского рока после перестройки, реформ 1990-х, кризиса, во время переосмысления культуры и истории обратил свой взор не на окружающий мир, а на самого себя, при этом не исключая личность из обобщенной экзистенциальной реальности.

Возвращаясь к вопросу культурных аллюзий, которыми так богат русский рок, скажем, что современные молодые исполнители бережно хранят эту традицию. Например, песня «Амадеус» группы «Слот»:

*Кому-то надо верить, Сальери, для примера.
Первой каплей вина раздавлена вера,
Не дописан реквием. Не важно – премьера.
Серой тенью в воздухе воспалена сера,
Сфера деятельности – посланника ада.
Дама рядом, одетая бесформенно-черным нарядом,
Не дышит, тем не менее, пишет взглядом
Всемирную историю отравления ядом.*

Русский рок содержит прежде всего литературные и религиозные реминисценции. Богатство их настолько пора-

зительно, что современные исследователи обращаются к этому вопросу все чаще. Однако этим отечественная рок-поэзия не ограничивается, подключая фольклорные образы, отсылки к античной культуре, организуя внутритекстовый диалог с великими музыкантами, примерами могут служить песни «Сказочная тайга» («Агата Кристи»), «Любовь идет по проводам» (А. Васильев): реминисценция, связанная с мифом об Эдипе [13], или «Лепрозорий» группы «Крематорий».

*Эй вы, пещерные люди, уставшие ждать ответа,
Объясните нам лучше сущность белого света.
Дом и работа, как Содом и Гоморра,
Но вот движется кто-то, пора тушить папиросы...
О, галантная леди, разверни свой бульдозер,
Зачерпни эту землю, мы заложим фундамент,
Ведь безголовые дети Ваха и Венеры
Уже целуют деревья, наполняя их гноем.
(«Крематорий», «Лепрозорий»)*

Итак, рок – это прежде всего сфера бытования богатой мифопоэтики, насыщенная аллюзиями, вскрывающая сложные субъектно-объектные отношения лирического героя и общества, образующая синтетический метатекст с музыкальным компонентом, влияющим на ритмику стиха, первооснова рока – личная позиция автора и общая концепция творчества коллектива. Рок зиждется на лейтмотивах и сложных образах, которые, кстати, могут быть сквозными, это, например, образ города (часто Санкт-Петербург – «Ночные снайперы», «ДДТ», «Конец фильма» и т. д.), образ куклы («Слот», «Король и шут», «Пикник») и многие другие.

Полагаем, следует привести и такие черты рок-музыки, которые не связаны напрямую со смысловым содержанием его вербального компонента. Во-первых, традиционно рок-текст создается самим исполнителем (хотя, разумеется, сегодня наблюдается множество отступлений от этого правила), во-вторых, у рок-музыки есть свой арсенал музыкальных средств и необходимых инструментов. Конечно, говорить об этом стоит не лингвисту, не раз уже исследователи рассуждали об образе идеального роковеда, ориентирующегося в музыке столь же хорошо, как и в филологии. Но уже в 1980-е гг. утвердилось мнение о том, что принципиальная собственно стилевая черта рока – звучание электрогитары. За полувековую историю рок распался на десятки подстилей: хард-рок, панк, металл, а также дал жизнь новому явлению, как нельзя лучше свидетельствующему о слиянии рок- и поп-культуры, в западной традиции его называют поп-роком, а в России с легкой руки Ильи Лагутенко, лидера группы «Мумий Тролль», он стал неофициально именоваться «рокапопсом». Разделить, где софт-рок, где поп-рок, а где просто рок, кажется, уже невозможно, можно лишь принять к рассмотрению при изучении рока тексты групп «Би-2», «Юта», Земфиры, Юлии Чичериной и других исполнителей, которых часто относят к отечественному року, при этом не забывая сделать оговорку о некоторых их особенных жанровых чертах.

Русский рок (и его ответвления, например, панк) прежде всего невероятно метафоричен, что является еще одной при-

чиной частого отсутствия какого бы то ни было поверхностно-го, обывательского смысла в традиционной рок-песне.

*Очарованная небом земля у стран.
Нужно стать привычным к боли, как шаман,
И достать ресницами до дна
И увидеть, что на дне живет весна.
(«Ночные снайперы», «Путер пахнет никотином»)*

Но не только метафоры, но и прочие средства художественной выразительности (эпитеты, сравнения, антитезы, гиперболы) обязательно присутствуют даже в самых непримечательных и не претендующих на богатую и разноуровневую смысловую организацию текста, хотя это и не может стать фактором отнесения того или иного текста к рок-музыке. Стилистические поэтические приемы в рок-тексте неизбежно переплетаются, рождая сложный ритмико-смысловый комплекс. Отечественный рок-текст использует все средства русского синтаксиса, объединяя музыкальный ритм, традиционные силлабо-тонические принципы стихосложения и синтаксические поэтические фигуры. Если возникает необходимость записи такого поэтического текста, порой очень трудно обойтись без изменений пунктуации в угоду художественному смыслу, условно можно сказать, что и смысловая, и музыкальная часть рок-поэзии обуславливает предпосылки богатой авторской пунктуации.

*Что мы делали прошлым летом, я забыла!
И звонки ни к чему, скажу больше: лучше не надо.
Головокружительно быстро, как мячик в пинг-понге, я разлюбила.
Не говори о нас, не вспоминай о нас.
Мускусом пахнет прошлое, ромом – ботинки.
Ни в коем случае не поцелую, все остальное просто.
Что мы делали прошлым летом – я забыла.
Вот тебе все ответы – на! Ответы... на все вопросы.
(«Ночные снайперы», «Что мы делали прошлым летом»)*

Но вернемся к лексике. Когда-то авторская песня, а затем и рок-музыка, была способом ухода от цензуры, поэтому с первых лет жизни русский рок стал вбирать различные элементы, выходящие за пределы литературного языка, сочетать лексемы разных стилей, играя на эффекте неожиданности, порождать прецедентные тексты, за основу которых могли быть взяты, например, фразеологизмы, использовать звукоподражания и нестандартные звуковые сочетания [7, с. 107]. И конечно, рок-текст не брезгует сленгом, жаргоном, просторечьями, еще авторская песня использовала последние, чтобы подчеркнуть широту аудитории, для которой эта музыка создается. Современный рок уже не использует эти средства в таком объеме, так как, во-первых, ими уже никого не удивишь, а во-вторых, всеобщность и доступность рок-культуры часто оказывается мнимой, так называемый «низкий» язык сочетается с высокой художественностью, что и дает нам классические виды агрессивного рок-текста, но некоторые примеры привлечения средств «языка улицы» еще можно встретить и в рок-песнях, написанных в последние пять-десять лет.

*Жить, голники, холод, менты – запросто смогут они
Сделать короче мой и так собачий век.
 («Тараканы», «Собачье сердце»)*

Полагаем, что эту эстафетную палочку от русского рока принял русский панк, появившийся в 1990-е гг. и отличающийся от западного своеобразным русским колоритом; типичными представителями старой школы русского панка можно назвать группу «Король и шут».

Итак, рок-текст часто содержит определенный агрессивный посыл, так как ожидает максимально экспрессивной реакции от слушателя; рок, а в особенности хард-рок, треш-металл, альтернативный рок, ждет от реципиента экзальтического единения с музыкантами и самим текстом, собственно, для этого он и привлекает все указанные выше речевые средства. Разумеется, есть и другой русский рок, тот, что ближе к традиции русских романсов, это, например, Александр Васильев, Юрий Шевчук, но и их тексты и музыка созданы таким образом, чтобы вызывать личностное осмысление в противовес неосознательному прослушиванию, свойственному «развлекательному типу» потребителя музыкального продукта [14]. Полагаем, это и есть определяющее ключевое отличие русского рока во всех его проявлениях от поп-музыки.

1. Набок И. Л. Рок-музыка: эстетика и идеология. М.: Знание, 1989. 32 с.

2. Каштанова Е. А. Лингвокультурологические основания русского концепта любовь (аспектный анализ): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.

3. Саркитов Н. Д., Божко Ю. В. Рок-музыка: сущность, история, проблемы. М.: Знание, 1989. 62 с.

4. Тугушева А. Р. Философско-культурологический аспект анализа молодежной рок-культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 2006. 26 с.

5. Про рок: Литературное приложение к журналу «Рок-клуб». М.: ООО «Рок-клуб», 2001. 172 с.

6. Свиридов С. В. Рок-искусство и проблема синтетического текста // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2002. Вып. 6. С. 5–32.

7. Шидер М. Язык песен русского рока (на материале песен Юрия Шевчука) // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 102–109.

8. Шинкаренкова М. Б. Структура дискурса русской рок-поэзии // Политическая лингвистика. 2015. № 16. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005. С. 232–241.

9. Колесник М. В. Телесность в эпоху массовой культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2007. 22 с.

10. Григорьева Т. А. Стереотипность шлягера как текста массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 18 с.

11. Константинов С. Л., Константинова А. В. Рок-поэзия как тип текста (к вопросу о генезисе структурной модели) // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2000. Вып. 3. С. 123–128.

12. Кнабе Г. С. Рок-музыка как форма контр-культуры // Кнабе Г. С. Избранные труды: «Теория и история культуры». М.: РОССПЭН, 2006. С. 20–50.

13. Янушкевич М. А. Проблема изучения античных реминисценций в русской бард-рок-поэзии // Гуманитарий: Журнал филологического факультета ТГУ. 2003. № 2. URL: <http://www.blackalpinist.com/scherbakov/Praises/antic.html> (дата обращения: 10.02.2016).

14. Адорно Т. Избранное: социология музыки. М.: Университетская книга, 1999. 445 с.

© Михайлова А. И., 2016

УДК 811.161.1

*Л. Б. Никитина
L. B. Nikitina*

НЕ ТОТ ГОРОД? (негативный образ Омска по данным газеты «Ваш ОРЕОЛ»)

Выявлены семантические доминанты языкового образа Омска по данным публикаций газеты «Ваш ОРЕОЛ», содержащих информацию об омских реалиях, их анализ и оценку. Отмечается преобладание негатива в образе города, обусловленное экстралингвистическими факторами. Установлена корреляция негативного образа города с негативным образом омского чиновника.

Ключевые слова: публицистика, языковой образ, семантическая доминанта.

THE WRONG CITY? (Negative image of Omsk according to the newspaper “Vash OREOL”)

Semantic dominants of the language image of Omsk are revealed according to the publication of the newspaper “Vash OREOL” containing information about Omsk realities, their analysis and evaluation. Prevalence of a negative image of the city is noted due to extralinguistic factors. A correlation between the negative image of the city and negative image of Omsk officials is determined.

Keywords: journalism, linguistic image, semantic dominant.

Использованная в названии статьи цитата «подсмотрена» в газете «Ваш ОРЕОЛ» (далее – «ВО») – одном из самых популярных среди жителей нашего города изданий, которое не без основания именуется *свободной* газетой. Публикации «ВО», действительно, не оставляют сомнения в отсутствии ангажированности их авторов городской и региональной властью, о чем говорит, в частности, преобладание объективной критической информации о событиях, происходящих в нашем городе, и чиновниках, от которых зависит благосостояние омичей.

СМИ (и «ВО» не исключение) играют важную роль в формировании языковых образов социально значимых объектов действительности: информируя о происходящем, публицистика призвана анализировать и оценивать то или иное положение дел и в конечном счете воздействовать на адресата через созданные ею языковые образы мира.

Газета, для которой главными темами являются проблемы города, не может не формировать языковой образ последнего. На материале публикаций «ВО» с 2013 г. по настоящее время определим семантические доминанты этого образа.

Семантическими доминантами мы называем устойчивые, регулярно воспроизводимые при характеристике объекта действительности смыслы (см., например, [1, с. 68–114], где представлен опыт исследования семантических доминант применительно к языковому образу политика).

Одним из таких регулярно воспроизводимых в газете «ВО» смыслов является пренебрежение законом со стороны представителей власти – людей, призванных по долгу службы осуществлять руководство городом и регионом и обеспечивать их развитие. По данным газеты «Ваш ОРЕОЛ», **Омск – город чиновников-правонарушителей**: люди, находящиеся на вершине власти, регулярно становятся героями судебных хроник, и количество чиновничьих правонарушений, о которых пишет газета, настолько велико, что омские властные структуры начинают напоминать криминальное сообщество: *За 9 месяцев 2014 г. в отношении городской администрации возбуждено 1346 исполнительных производств* (06.01.2015); *Шестой чиновник за год может поплатиться свободой за разбазаривание муниципальной собственности. Главный архитектор Омска Тиль подозревается в уголовном преступлении* (30.12.2014); *Посадят ли Дубина?* (заголовок). *В Куйбышевском районном суде начался процесс по делу бывшего директора департамента образования мэрии Ильи Дубина. Его обвиняют в получении взяток* (08.10.2014); *Ваша очередь, городские чиновники!* (заголовок). *1 июня в отношении высокопоставленной сотрудницы мэрии было заведено уголовное дело* (03.06.2015).

Не преследуя цели устанавливать достоверность предоставляемой газетой информации о правонарушениях омских чиновников (это не входит в компетенцию лингвиста), можем констатировать одно: рассматриваемая семантическая доминанта является наиболее репрезентативной (по нашим наблюдениям почти половина негативной информации о власти предрежащих – с «криминальным оттенком»), а сам факт частотности обращения к теме чиновничьих правонарушений не может быть не связан с реальным положением дел (в противном случае газета сама погрязла бы

в судебных исках со стороны «обиженных» и потеряла бы доверие читателей).

Еще одна семантическая доминанта языкового образа города по данным газеты «ВО» – отсутствие должного руководства: **Омск – город, который нуждается в команде руководителей-профессионалов**.

Отсутствие профессионализма местной власти, по данным газетных текстов, коррелирует с неспособностью чиновников анализировать ситуацию, логически мыслить, принимать адекватные решения, следствием чего становятся деструктивные процессы в экономике и общественной жизни города и региона в целом: *Все, что там (в городских ПТП) происходит, – это следствие бездарной управленческой политики мэрии, которая не может найти для своих предприятий способ работать эффективно* (23.12.2015); *Более странного кандидата на должность первого зама мэра и представить себе трудно – как можно было верить проблемное и разваливающееся городское хозяйство в руки человека, которому всегда был ближе спорт?* (08.10.2014); *Депутаты горсовета не могут договориться о муниципальном имуществе. Народные избранники обсуждают этот вопрос не менее года и до сих пор не пришли к единому мнению. Кроме того, масла в огонь добавляет и позиция мэрии, которая никак не может ни на что решиться* (29.10.2014). Невнятная позиция и неразумные действия чиновников, граничащие с преступной халатностью, разоряют город, делают его неудобным для людей и вызывают их недовольство и сопротивление: *Абсурдное строительство* (заголовок). *Чиновники мэрии сначала вложили в обустройство сквера бюджетные деньги, а потом отдали участок под застройку <...> Местные жители решили защитить сквер от застройки и обратились в суд* (15.07.2015). Создается впечатление, что омской власти с трудом даются даже самые незначительные решения: *Большие дети в горсовете* (заголовок). *Депутаты Омского городского совета не в состоянии выбрать себе даже депутатский значок* (23.12.2015).

Крайним проявлением непрофессионализма является бездействие чиновников, нежелание работать, порой открытая лень, что создает проблемы для жизнедеятельности города, который видится его жителям брошенным на произвол судьбы: *Из-за бездействия чиновников городские полигоны должны быть закрыты* (19.11.2014); *К нынешнему мусорному коллапсу город привело бездействие чиновников мэрии* (29.07.2015); *Кабинетные ленивцы* (заголовок). *В Омске более 700 малоквартирных домов брошены УК. Городским чиновникам лень даже просто проконсультировать собственников* (01.07.2015).

Обобщенный портрет омского чиновника, по данным газеты «ВО», включает и «штрихи» морального характера, которые не просто дополняют общую картину, а переплетаются с описанными выше характеристиками: пренебрежение законом и непрофессионализм омской власти связаны, с одной стороны, с отсутствием у местных чиновников таких морально-нравственных качеств, как забота о благосостоянии населения, с другой – со стремлением к собственному благополучию, зачастую в ущерб тем, ради кого они призваны работать: *На территории регионального*

министерства природных ресурсов и экологии рубят деревья, чтобы построить для чиновников гаражи (23.09.2015); Чиновники омской мэрии предложили увеличить должностные оклады самим себе (17.12.2014); Омич, расколотивший окна мэрии, голодал несколько месяцев (заголовок). Чиновники беду бывшего детдомовца Геннадия Ханкина игнорируют и действуют по принципу «проблемы негров шерифа не волнуют» (12.08.2015).

В газете есть целый ряд «говорящих» рубрик («Доска НЕпочета», «За наши денежки» «Народ против!» и др.), под которыми печатаются статьи, рассказывающие о пренебрежении омских чиновников нуждами людей: «АнтиЧиновник» ДН (номинация рубрики «Доска НЕпочета»). На это звание номинировались: директор департамента имущественных отношений мэрии Омска Сергей Хорошилов, в этом году попадавший на «Доску непочета» аж три раза, например, за то, что не спешил принять на баланс мэрии бесхозные квартиры, так необходимые очередникам, и замдиректора управления дорожного хозяйства и благоустройства Александр Фрикель – за уборку снега в телесюжетах, а не в реальности (24.12.2014); Вчера у библиотеки имени А. С. Пушкина состоялся митинг обманутых дольщиков. <...> Никто из власть имущих к людям так и не вышел (26.08.2015); Гарантийные дороги разбиты, а мэрии это неинтересно (12.08.2015); Подстава для Путина (заголовок). Выполняя поручение президента о ликвидации очередей в детские сады, чиновники решили пожертвовать детьми, нуждающимися в помощи логопеда. <...> Чиновникам наплевать на людей, нужно выполнить поручение Путина (12.08.2015).

Вырисовывается портрет представителя власти, для которого судьба родного города вторична по отношению к собственным интересам и амбициям, а сам **Омск представляет городом равнодушия власти к нуждам людей**: На протяжении последних нескольких лет мэрия регулярно не выполняет социальные обязательства – не освещает улицы, не облагораживает тротуары, не ремонтирует группы в детсадах и так далее (06.01.2015). Данная семантическая доминанта пересекается с частотно представленными в образе омского чиновника смыслами «обман» и «очковтирательство» (ср. соответствующие рубрики: «Очковтирательство», «Для галочки»): Мэрия канцерогенного риска (заголовок). Загрязненность воздуха в Омске: по мнению федеральных структур, значительно увеличилась; по мнению городских чиновников, уменьшилась в 2,5 раза (17.12.2014); В Омске подорожали продукты, но чиновники этого не заметили. В их отчетах фигурируют устаревшие цифры, а по магазинам они, наверное, не ходят (26.11.2014); в статье под заголовком «12 долгов мэра Двораковского» (19.08.2015) журналист припоминает невыполненные обещания чиновников городской администрации: по сути власть обманула омичей, понадеявшихся на улучшение своей жизни в родном городе.

Таким образом, обнаруживается следующий доминирующий смысл: **Омск – город, в котором процветают чиновничий обман и очковтирательство**. Эта семантическая доминанта представлена в «ВО» и публикациями, рассказывающими об ангажированных местной властью СМИ, о давлении на прессу с целью создания благоприятной картины

деятельности властных структур на благо города: Ее (власти) усилиями в области создана особая разновидность егозливо-ручной прессы, которая годами – распивочно и навьинос! – зашибала казенную копейку, находясь в услужении у местного чиновничества (10.02.2014). Городская власть склонна отгородиться от местных СМИ, лишая их возможности получать информацию из первых уст: чиновники в прямом и переносном смысле закрывают перед журналистами двери: Судьбу региона чиновники отныне обсуждают за закрытыми для прессы дверями... Отдельные темы отныне даже не указываются в повестке заседания (19.11.2014); Омские чиновники, как тайные агенты, умеют многое – скрываются от прессы, шифровать свою работу или просто молчать (24.12.2014); «Пошли вон!» Ваша мэрия называется статья, информирующая о пришедшем в редакции омских газет письме, в котором администрация города сообщает о своем решении сделать аппаратные совещания закрытыми для прессы (до недавнего времени у журналистов была возможность непосредственно видеть, чем занимаются слуги народа): Остается только догадываться о мотивах чиновников. Приближающееся трехсотлетие заставляет городских служащих нервничать и замазывать огрехи втайне от публики? Череду уголовных дел на прошлых и нынешних чиновников и постоянные неудобные вопросы осложняют жизнь? Надоело скрывать нежелание работать?.. (20.01.2016).

«ВО» активно реагирует не только на давление на прессу, но, будучи свободной газетой, и на «проколы» так называемых несвободных коллег: Снег, заваливший в минувший четверг город, показал не столько неумение мэрии чистить улицы, сколько неспособность мэрской пресс-службы правильно реагировать на ситуацию (28.10.2015); Могла пресс-служба подсказать начальнику, как реагировать на подобные вопросы более разумно? Конечно (28.10.2015). Речь идет о циничном заявлении омского мэра, которое стало победителем в газетной номинации «Фразы года» и благодаря СМИ получило всероссийскую известность: Для устранения погодного явления (сильного гололеда – ред.) нужно обратиться к Всевышнему. К великому сожалению, местное самоуправление такими полномочиями не располагает (30.12.2015).

В образе города, реконструируемом по данным газеты «ВО», выделяется еще одна семантическая доминанта: **Омск – город, некомфортный и опасный для проживания**.

Одной из существенных причин непривлекательности города выступает его экологическое неблагополучие, которое также связывается с равнодушием к этой проблеме городских чиновников: Сегодня Омск, в большей степени по вине власти, стал похож, извините, на выгребную яму без дна и просвета (29.05.2013); Экология мэрии не нужна? (заголовок). Федеральные ведомства бьют тревогу: никто не думает, как сделать Омск чище. Загрязнение окружающей среды год от года увеличивается... В докладе природоохранной прокуратуры приводится страшный факт: «Среднее значение индивидуального риска развития канцерогенных эффектов находится в диапазоне «неприемлемый для населения»... Городским чиновникам было бы впору хвататься за голову, однако этого не про-

изошло. Директор департамента общественной безопасности Алексей Серенко зачитал позитивный доклад: мол, «загрязнение воздуха за последние годы уменьшилось более чем в 2,5 раза»... (17.12.2014).

По данным газетных текстов, именно чиновники выступают виновниками того, что **Омск стал депрессивным регионом**: молодежь в поисках лучшей жизни из него уезжает, а те, кто остается верен родному городу, вынуждены взирать на «мерзость запустения». Ограничимся цитатой из статьи известного журналиста С. Шкаева, которая могла бы стать своеобразным реквиемом по Омской области и ее центру – многострадальному Омску: *Омская область – погост и выть. Кладбище и часть земли сибирской, где «от хорошей жизни», созданной в предыдущие два десятилетия, во всем воют горемычные омичи* (18.09.2013). (Анализ фрагмента картины мира, связанной с медиаконцептом «Омск» и представленной в текстах С. Шкаева, а также сравнительный анализ метонимических моделей описания прошлого и настоящего города см. в [2].)

Все выделенные семантические доминанты языкового образа Омска, созданного усилиями журналистов «ВО», имеют ярко выраженную отрицательно-оценочную окраску. Скупость журналистов на положительные оценки вполне вписывается в общепризнанную тенденцию: негативное привлекает повышенное внимание, остро воспринимается, поэтому отрицательная оценка имеет преимущественное право на выход в речь.

Вряд ли будет правильным упрекать журналистов «ВО» в избытке внимания к негативу: как говорится, рады бы писать о местных достижениях и победах, да реальное положение дел и журналистская честность не дают (примерно так «ВО» объясняет свою позицию, которая, судя по популярности газеты, симпатична его читателям). Переводя данные рас-

суждения в лингвистическую плоскость, вспомним об отражательной способности языка: создаваемые посредством языка образы мира имеют экстралингвистическую обусловленность (публицистика – один из инструментов создания языковых образов окружающих человека реалий).

И все-таки публикации «ВО» показывают, что в образе города не все так мрачно: **Омск – город умных, талантливых, хороших людей**. Эта семантическая доминанта противопоставлена всем вышеописанным: омичи заслуживают лучшей жизни, но им постоянно что-то мешает, и поиск этого «чего-то» продолжается: *Не тот город? (заголовок). Всегда хотелось посмотреть, что будет, если во главе города будет поставлен человек: а) не чиновник; б) умный и компетентный; в) порядочный.* <...> *Ну что все-таки не так? Плохая команда? Отсутствие революционных методов управления и смелости решений? Привычная апатия чиновников? Недостаток лидерских качеств? Низкие амбиции? Или просто город не тот?* (30.09.2015).

Остается надеяться, что, преодолев 300-летний рубеж, Омск в своем языковом представлении не без объективных причин освободится от негативных смыслов и приобретет положительно-оценочные семантические доминанты.

1. Вагенляйтнер Н. В., Никитина Л. Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. 160 с.

2. Малышева Е. Г. «Город мертв»: концептуализация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 50–59.

© Никитина Л. Б., 2016

УДК 821.161.1Б–31.091

Н. А. Петренко
N. A. Petrenko

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ П. Д. БОБОРЫКИНА «ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ»

В статье анализируются художественные средства изображения образа главной героини в романе П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя». Отмечено, что роман писателя – произведение новаторское. Содержание романа – внутренняя жизнь, духовное перерождение Марьи Михайловны – определяет форму дневника героини. Форма дневника обуславливает характер изобразительных средств.

Ключевые слова: роман, натурализм, реализм, психологизм, женский образ, героиня.

PECULIARITIES OF DEPICTING THE IMAGE OF THE MAIN HEROINE IN P. D. BOBORYKIN'S NOVEL "THE EVENING VICTIM"

The article analyzes the artistic devices of depicting the image of the main heroine in P.D. Boborykin's novel "The Evening Victim". It is noted that the novel of the writer is an innovative product. Its content is the inner life and spiritual rebirth of Maria Mikhailovna. That is why a writer chooses the appropriate form – the heroine's diary. This form determines the character of the pictorial means.

Keywords: novel, naturalism, realism, psychologism, female image, heroine.

Творчество П. Д. Боборыкина – известного писателя второй половины XIX века – представляет несомненный

интерес для читателей и исследователей, поскольку этот автор в своих произведениях проповедовал общечелове-

ческие моральные ценности. Степень изученности творчества писателя невелика и носит эпизодический характер. В XX столетии художественное наследие П. Д. Боборыкина изучалось мало и лишь частично было включено в историю русской литературы. Большинство его произведений существует только в изданиях XIX – начала XX века и практически не знакомо читателю. В современном литературоведении поэтика женских образов в творчестве П. Д. Боборыкина анализируется фрагментарно (см., например: [1; 2]). Цель нашего исследования – рассмотреть особенности создания образа главной героини в малоизученном романе писателя «Жертва вечерняя».

Роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» – произведение новаторское. Выводя на первый план эмоциональный женский характер, автор стремился к изображению нового, никем еще не отмеченного женского образа. Сюжет «Жертвы...» связан с постепенным развитием характера главной героини. Боборыкин в первую очередь рассказывает читателю о ее повседневной жизни, описывает социальный фон, который помогает дополнить и всесторонне раскрыть эволюцию центрального образа.

Главная героиня романа, Марья Михайловна, – двадцатидвухлетняя статная красавица, представительница высшего сословия России. Постоянные светские визиты, вечера и балы тяготят ее. Она страдает меланхолией, нервной слабостью и мигренью от тоски, бездеятельности, томится, ищет развлечений: «Ведь если не удариться ни в хозяйство, ни в благочестие, ни в добрые дела, ни в нигилизм, ни в ученость, что же остается? То, что я теперь делаю: танцевать и выделывать коньками свои вензеля? Так ведь это все там, наружу, на людях. А внутри, у себя, дома, перед судом совести? Ничего...» [3, с. 62].

Марья Михайловна с ужасом вспоминает свою жизнь с супругом: «Никогда я не помню, чтобы мы с ним о чем-нибудь толковали серьезно. Это была какая-то “белиберда”... Выезжали, целовались... Ни одной мысли, ни одного умного слова. Так, как какие-то животные...» [3, с. 5]. Поэтому она стремится проводить время в обществе умных людей, начинает читать европейские журналы, пытается разобраться в философии Б. Спинозы, размышляет о женщинах – «синих чулках» и «нигилистках».

Содержанием романа «Жертва вечерняя» является внутренняя жизнь, самонаблюдение, духовное перерождение Марьи Михайловны. Внимание писателя полностью сосредоточено не на том, что она делает, а на том, о чем думает, какие чувства испытывает, как оценивает себя и других. Именно поэтому П. Д. Боборыкин выбирает соответствующую форму – дневник героини.

Образ Марьи Михайловны в основном создается методом «прямого» психологического анализа. Это молодая женщина с богатыми душевными задатками и запросами, склонная к раздумьям и самоанализу. Критик М. Протопопов верно отмечает: «...сложная, вся созданная из мучительных противоречий, нравственная природа женщин этого сорта представляет любопытный материал для анализа... Боборыкин придает этому типу большое общественное значение» [4, с. 143]. С. Венгеров обращает внимание на то, что писатель «...с большим мастерством обрисовал психологию своей героини...» [5, с. 231].

В русской литературе принято оценивать нравственный потенциал героев по их отношению к любимому человеку и детям. О роли матери в жизни ребенка писали Е. Конради («Исповедь матери»), Н. Дмитриева («На перепутье»), Н. Хвощинская («Большая медведица»), Л. Толстой («Семейное счастье») и др. Актуальная проблема воспитания детей волновала и П. Боборыкина.

Во второй половине XIX века после рождения ребенка женщины высшего сословия отдавали его кормилице. По их мнению, кормящая мать после бессонных ночей плохо выглядела, теряла свой соблазнительный вид, у нее ухудшалось здоровье. В романе П. Боборыкина «Жертва вечерняя» главная героиня сама заботилась о ребенке, кормила грудью своего сына, и, заметим, ей это доставляло удовольствие: «Я кормила Володьку и, слава Богу, ни пред кем не рисовалась этими *приятными обязанностями* (выделено нами – Н. П.)» [3, с. 56]. Но Марья Михайловна не воспитывает сама своего ребенка, а отдает его заграничной няне.

Героиня полностью поглощена удовольствиями, развлечениями: «Я хочу быть как вольная птица...» [3, с. 163]. Она даже не подозревает, что собственный ребенок может дать ей богатую внутреннюю жизнь. Постепенно Марья Михайловна осознает, что для того чтобы заниматься какой-либо деятельностью, приносить пользу обществу, не обязательно отречься от детей, семьи. Боборыкин так фиксирует ее изменения представлений о материнстве: «Я человек свободный, меня никто не стесняет в выборе дела, я не то, что какая-нибудь Елена Семеновна, которая должна была бросить родных, чтобы жить для любви и добра. Володька мне не помеха» [3, с. 267].

Маша видит, что ребенку нужны ее любовь, забота, внимание. Она ужасается своих прежних взглядов: «К чему драпироваться в свои материнские добродетели? Начать с того: что за чин такой – быть матерью?» [3, с. 57]. Ругая себя за безразличие к маленькому сыну, Марья Михайловна вспоминает: «Да, как он держан? Видела ли я его раз в неделю, в последнее время?... Кое-когда я слышала из детской его хныканье. Вот и все» [3, с. 195]. Такие описания проникнуты тонким лиризмом и производят сильное эмоциональное впечатление. Внутренний монолог Маши во время болезни сына передает ее переживания и чувство вины: «А кто будет виноват? – Я. Разве я следила за тем, как он растет, что ему нужно?.. Собралась я готовить себя к развитию Володи, а не умела даже оградить его здоровье...» [3, с. 292]. Боборыкин показывает, что для героини семья становится основным жизненным фактором и дает ощущение уверенности. Марья Михайловна стыдится своих прежних взглядов, понимая, что ее прошлая жизнь была такой безрассудной потому, что она никогда серьезно не задумывалась об истинном назначении женщины. Эти трансформации составляют эволюцию ее мировоззрения.

По мере развития действия романа увеличивается степень индивидуализации образа героини. Марья Михайловна сама отмечает, что ее восприятие окружающего мира существенно меняется: если раньше ей было незнакомо чувство материнства и ответственности, то позже ее страдающая душа раскрывается для этого чувства. Процесс духовного обновления Маши с каждым днем становится интенсивнее.

Событийную сторону жизни Марьи Михайловны можно представить как ломаную линию (падение и взлет). Иначе происходит процесс ее духовного и нравственного развития:

1) тлетворное влияние среды, искушение, ежедневные визиты, великосветские вечера, маскарады;

2) моральная деградация героини, разгульная порочная жизнь, отказ от единственного сына;

3) нравственное возрождение, осуждение пустой жизни светского общества, самоубийство.

Образ Марьи Михайловны вызвал множество противоречивых суждений среди критиков. Оценивая образ главной героини, М. Е. Салтыков-Щедрин указывает, что она «принадлежит к числу тех обыкновенных русских досужих женщин, у которых с ранней молодости все помыслы направлены к "срыванию цветов удовольствия"» [6, с. 39]. Критик Д. Д. Минаев, высказываясь по поводу «Жертвы вечерней», также дает негативную оценку образу Марьи Михайловны, иронично замечая: «Главная героиня этого романа из пустой, светской женщины... в один месяц, по капризу романиста, превращается чуть не в святую женщину... и ездит по разным вертепам для спасения падших женщин... Очень правдоподобно...» [7, с. 147–148]. К. Ф. Головин несправедливо называет Марью Михайловну «довольно пустышкой светской дамой» [8, с. 391]. Эти несколько грубые, оскорбительные, однозначные оценки представляются нам неверными, так как критики полностью оценивают образ героини по ее опрометчивым поступкам, обращают внимание лишь на слабые стороны ее характера. Они не рассматривают эволюцию Марьи Михайловны, ее нравственное возрождение, не учитывают позицию самого П. Боборыкина.

Иным было мнение М. Протопопова, автора статьи «Беллетрист-публицист», посвященной творчеству писателя. Он дает положительную оценку поведения главной героини, указывая на то, что «чистая, как кристалл, душа Марьи Михайловны, ее горячее сердце, которому некого любить, ее тонкий и светлый ум, которому не о чем думать, вся ее нравственная личность, способная не только к деятельности, но и к подвигу» [4, с. 146]. Подобная мысль несколько позже была высказана одним из первых исследователей художественного наследия автора А. Лининим. В своей монографии «К истории буржуазного стиля в русской литературе (Творчество П. Д. Боборыкина)» он отмечает, что писатель изобразил «...женщину с натурой глубокой, с ясным умом и хорошим сердцем. Это... лучшая представительница своей среды» [9, с. 59]. Линин считает, что в страданиях и «падении» Марьи Михайловны виновно прежде всего общество. Современная исследовательница Л. Сараскина высказывает мнение, что «...героиня как человеческий тип не имела перспектив: слишком чувственная, она оказалась падкой до большого разврата; слишком порядочная, она была им непоправимо отравлена, утратив не только вкус к чистым отношениям, но и к жизни» [1, с. 213].

Разногласия в трактовке характера главной героини «Жертвы вечерней» побуждают к более объективной и справедливой его оценке. По нашему мнению, тип этой героини достоверный. Это сложный, динамичный, лишенный схематизма образ. Боборыкин дает подробный социально-психологический портрет молодой женщины, видит в ней

личность, наделенную большими душевными силами, глубоко понимает ее женскую душу, ее страдания. Романист освещает проблемы эмансипации женской личности как будто с позиции самой женщины, обращает внимание на такие особенности ее психологии, которые обычно мужчины-писатели не замечают, например, описывает состояние женской влюбленности, муки совести, зависть, ненависть, материнские чувства и т. д.

Марья Михайловна ищет жизненную цель, которая доставит ей внутреннее удовлетворение и заполнит пустоту в ее жизни: «Меня надо толкнуть туда, где женская любовь обращена на все то, что есть самого святого на свете! ...чтоб я тратила каждый день все, что у меня только осталось в душе человеческого!...» [3, с. 207]. Она не прочь оказать помощь любому человеку, но пока у нее не было подходящего случая.

Наконец после длительных поисков верного пути к нравственному обновлению Марья Михайловна начинает новую и, главное, деятельную жизнь. Именно в активной деятельности она видит свое спасение, протестует против праздного, бесцельного существования, стремится к труду и знаниям: «Встаю я теперь в шесть часов и тотчас... засаживаюсь за азы... Ничего-то я не знаю. Хотелось бы все сразу обнять» [3, с. 311]. Марья Михайловна, размышляет над тем, что женщины получают очень поверхностное образование: «Да, теперь я начинаю только понимать, как возмутительно глупо держат нас в девицах. Возьму я книгу, прочитаю отдельную фразу и не могу отдать себе отчет ни в одном слове...» [3, с. 311]. Она осознает, что для того, чтобы стать действительно образованной женщиной, нужно серьезно учиться. Марья Михайловна начинает читать «Басни» Лафонтена, «Гамлета» Шекспира, произведения Тургенева, которые развивают не чувственность, а мысль. Такое искреннее желание получения знаний, настоящего дела, с нашей точки зрения, свидетельствует о сознательных стремлениях героини и имеет непосредственное значение для понимания самой постановки и решения женского вопроса в творчестве П. Д. Боборыкина.

Постепенно Марья Михайловна осознает, что спасение падших женщин от нравственной смерти нельзя ограничить лишь добрым словом, евангельской проповедью и «мистической силой любви» [3, с. 280]. Она знает, что нужен хороший приют и нормальные бытовые условия. Об этом ей говорит и ее брат, Степан Николаевич. Маша думает создать благотворительное общество, которое займется оказанием помощи падшим женщинам. В отличие от героини романа С. И. Смирновой-Сазоновой «Огонек», Клавдии Ракитиной, у которой не было денег, чтобы помочь бедным людям, у нее есть материальная возможность содержать приют. Но мечты героини разбиваются при первом же соприкосновении с реальной действительностью. Марья Михайловна с горькой иронией описывает свое разочарование, увидев, что все ее старания спасти падших женщин тщетны: «...я рассмеялась. Контраст был... крупный. Фигура фельдшера, обнимавшего толстую и курносую девушку, хохотавшую во все горло, после вчерашних, евангельских слез!...» [3, с. 265]. Она понимает, что несчастных русских девушек на путь порока толкает не только ужасающая бедность и нищета. «Чтобы бороться с падением, надо знать,

чем оно вызвано» [3, с. 246], – записывает Марья Михайловна в своем дневнике.

Каждому человеку от природы свойственны как положительные, так и отрицательные качества. Зачастую биологическая наследственность оказывается сильнее качеств, привитых хорошим воспитанием. Так, Боборыкин показывает нам ученицу Марьи Михайловны, «милую, симпатичную» [3, с. 268] Аннушку, которая после реабилитационного периода возвращается в дом терпимости. «Ни работа, ни книжки, ни божественное мне в голову не йдут. Сразу никак невозможно нам отстать от прежнего житья. Вьелось оно в нас... Окаянное наше тело опять на волю просится. Отпустите вы меня, Христа ради, недельки на три погулять. Коли не пустите, я на себя руки наложу» [3, с. 269], – говорит она Маше. Здесь писатель мотивирует поведение девушки не социальными обстоятельствами, а ее биологической природой. Осознает это и Марья Михайловна: «Все эти женщины очень хорошо понимают свое положение. Видно, что каждая из них поступает сознательно» [3, с. 247]. Эту мысль Маши подтверждает и Степан Николаевич: «В одном слое погибших женщин вопрос чисто хозяйственный... в другом – к нему прибавляется еще вопрос темперамента» [3, с. 278]. Внимание писателя к физиологии, инстинктам и наследственности свидетельствует о чертах натурализма в его творчестве.

Перед героиней проходит целая галерея французов, немцев, англичанок, которые приехали в Петербург специально для того, чтобы заработать денег на обеспеченную жизнь. Прибегая к приему контраста, Боборыкин характеризует жизнь падших женщин и возможность их возрождения к новой жизни. Так, Марья Михайловна, посещая публичные дома, видит, что «в шикарном доме мадам полное довольство; в дешевых и грязных русских домах – трагический загул. Там – мертвое царство, здесь – возможность обновления» [3, с. 248].

В душе главной героини происходит сложный процесс. Она не верит в иллюзии и понимает, что каждый ее шаг на пути к возрождению поражен беспомощностью и неумением: «На меня нападает какое-то тихое унынье... Ничем я не удовлетворяюсь» [3, с. 264]. Марья Михайловна перестает верить в свои силы, боясь не справиться с неудачами: «Боже ты мой! Опять я одна – *однихонька на перепутье* (выделено нами – Н. П.)» [3, с. 271]. Героиня находится в поиске истины. Перепутье для нее символизирует двойственность чувств, ее колебания. Марья Михайловна переживает глубокое разочарование в жизни, поэтому умирает. Этим она близка героиням романов Н. Дмитриевой «На перепутье», Н. Лескова «Некуда», А. Писемского «В водвороте».

Перепутье, поиски жизненного пути, «блуждание» Марьи Михайловны являются символическими. Героиня не уверена в себе, в своих силах: «Я решительно теряюсь» [3, с. 268], «Глубокое уныние и усталость напали на меня... Я на каждом шагу спотыкаюсь...» [3, с. 270], «...мне сделалось страшно» [3, с. 153], «я вся вздрогнула» [3, с. 331]. Повторяя несколько раз слова Маши о безвыходной ситуации, автор указывает на моральную дезориентацию и мучительный поиск утраченного равновесия не только героини романа, но и всего общества.

В «Жертве вечерней» можно отметить не только эпическое, но и драматическое начало. Героиня романа, Марья Михайловна, находится в мучительном поиске новых жизненных истин. Автор показывает, что ее мечтам не суждено было сбыться. Даже близкие люди сомневаются в успехе начинаний героини. Безрассудный поступок Марьи Михайловны постоянно ее мучит, влечет за собою угрызение совести и чувство недовольства собой. Как сильный человек, она старается исправить ошибку. Боборыкин указывает, что в душе Маши еще живы понятия честности, самопожертвования, инстинкт материнства, поэтому она может выбраться из сетей греха. Однако за каждым ее движением, каждой ее мыслью просматривается душевная драма женщины, лишенной полноценной жизни. Внутренняя безысходность положения обрекает героиню на самоубийство.

Одним из ведущих в романе «Жертва вечерняя» П. Боборыкина является мотив смерти. Марья Михайловна неоднократно говорит о смерти как о единственно возможном избавлении от страданий. Так, в ее дневнике появляется такая запись: «...мысль о смерти почему-то вдруг представилась мне, да так ясно, так убедительно, что меня даже дрожь пробрала... внезапная, очень дикая, болезненная мысль, что я никогда больше не увижу этих комнат, пронизала меня, точно каким раскаленным прутком» [3, с. 299]. Маша предчувствует неминуемый трагический финал своей жизни, ощущает пустоту в душе. В первый раз после долгих тяжелых размышлений о дальнейшей жизни сердце героини радостно забилось, когда она услышала строки из трагедии В. Шекспира «Гамлет» о смерти: «Как такой развязки не жадать?» [3, с. 323]. Строки из монолога Гамлета Маша вспоминает и перед своей смертью: «Вот исход многожеланный!» [3, с. 388]. В смерти Марья Михайловна найдет окончательную свободу и победу. Она, как и Гамлет, борется с ложью, но ей не хватает сил, веры и энтузиазма на пути к достижению своей цели.

Марья Михайловна с волнением и интересом смотрит в театре драму А. Островского «Гроза». Она предвидит смерть Катерины и внутренне восклицает: «Возьми меня с собой... кинь и меня в реку, дай ты мне хоть на одно мгновение твою смерть. Ты так хорошо покончила!» [3, с. 369]. Маша сравнивает себя с Катериной: «...мне просто стало жалко этой женщины: она шла слепо, как и я же (выделено нами – Н. П.), к роковому концу» [3, с. 367]. По мнению современной украинской исследовательницы Н. А. Колосовой, П. Боборыкин «обладал литературоведческим даром, его анализ “Грозы” Островского, произнесенный от лица героини, наверное, лучшие страницы романа “Жертва вечерняя”» [10, с. 400].

Марья Михайловна описывает также свое волнение при чтении Степаном пьесы Ф. Понсара «Шарлотта Кордэ»: «Я сидела выпрямившись и смотрела в самое себя, видела в себе всякую жилку, всякий фибр, точно по частям размала себя. Пускай мое бедное тело будет поругано! Я вижу и слышу, что делают с ним... рвут на части мою безумную жизнь» [3, с. 373]. Она сравнивает героиню пьесы, Шарлотту, с собой: «И у нее так же *свои книжки, как у меня* (выделено нами – Н. П.), люди и опыты над собой...» [3, с. 372].

Думается, что обращение П. Боборыкина к текстам произведений А. Островского и Ф. Понсара было связано

с коренной переработкой образа главной героини, которая закончит свою жизнь самоубийством. В моменты просмотра драмы «Гроза» в театре и чтения пьесы «Шарлотта Кордэ» Марья Михайловна переживает большое эмоциональное потрясение. Она не случайно сравнивает себя с героинями этих произведений, так как заведомо знает, что ее жизнь «оборвется». Таким образом, литературные реминисценции становятся смысловым лейтмотивом романа «Жертва вечерняя».

Нам представляется, что Марья Михайловна приходит к самоубийству, ощутив полное бессилие хоть что-либо изменить. Она теряет интерес к жизни, чувствует свою бесполезность и вину, постоянно размышляет о смерти. Так, героиня записывает в дневнике: «Я вижу во всех моих поступках, мыслях, словах, увлечениях одни только инстинкты. Я ничего в себе не воспитала...» [3, с. 361–362]. Маша сознательно уходит из жизни, о чем свидетельствует предсмертная запись в дневнике. Она находит в себе силы покончить с собой, в отличие от главной героини повести П. Боборыкина «Обречена».

Критик М. А. Протопопов утверждает, что таким неестественным финалом писатель «конец повести испортил... покарал ее (героиню – Н. П.) за что-то» [4, с. 150] ужасной и неестественной смертью. «Роман Боборыкина испорчен своим искусственно придуманным пессимистическим заключением...» [11, с. 23], – вторит критик начала XX века З. Венгерова.

По нашему мнению, жизненный финал Марьи Михайловны знаменателен. Ее отчаянный поступок – это вызов лжи, лицемерию, ханжеству. Боборыкин не изображает ее «новой» женщиной, которая занимается активной деятельностью, но она поднимает бунт против общественных нравов и доказывает свою самодостаточность. Писатель дает нам понять, что путь Марьи Михайловны – самоубийство – не выход из сложившегося положения. Но трагическая гибель незаурядной личности была обвинением консервативному обществу.

Отметим, что Боборыкин не делает Марью Михайловну идеальной героиней, однако показывает ее как натуру исключительную, как лучшую представительницу своей среды, которая стремится вырваться из тяжелых оков безнравственности, обмана, лести, ничтожества, гнили бесцельной прозябающей жизни. «Счастье самообмана не дано мне в удел» [3, с. 365], – говорит она, подводя итог своего жизненного пути. Героиня не мирится с миром умственной и нравственной слепоты. Именно трагическим финалом жизни Марьи Михайловны автор идеализирует ее, поднимает выше среды пустого светского общества.

Практически все самоубийцы перед последними мгновениями жизни пишут исповеди. Маша диктует Степану Николаевичу завещание, в котором объясняет причину своей смерти и просит прощения у родных людей. Заметим, что в последние минуты жизни героиня не находится в бреду и не подвержена расстройству умственных способностей, принимает решения мгновенно, без колебаний. Мысли и чувства, выраженные в ее предсмертном послании, указывают на твердость духа и уверенность в своей правоте. Боборыкин не изображает сцен борьбы жизни и смерти. Марья Михайловна записывает в дневник свои ощущения

при приближении смерти: «...я не нервничаю...» [3, с. 383], «Я почувствовала, что меня начинает разбирать» [3, с. 385], «...я улыбалась... Мне ни капельки не страшно. Во мне так много любви, что дико было бы думать о себе, да еще в такую минуту...» [3, с. 386], «Через четверть часа меня не будет» [3, с. 388]. Следует указать, что последние минуты жизни Маши полны противоречий. Она говорит о судьбах человечества, но не думает о дальнейшей судьбе своего маленького сына.

На гибельный путь главную героиню приводят внешние условия жизни: праздность, скука, безделье, апатия, однообразие. Лицемерие и пошлость светского общества способны лишь погубить человека. Именно этой мыслью оправдан сюжетно неожиданный финал романа: накануне счастливой семейной жизни с любимым человеком Марья Михайловна, молодая женщина, полная энергии, воли и здоровья, заканчивает жизнь самоубийством. «Она изломана, изуродована своей собственной погоней за разного рода ощущениями, когда приходит любовь, то святость искреннего чувства уже бессильна возродить ее, а напротив того наносит ей последний удар» [11, с. 21], – верно отмечает З. Венгерова.

Таким образом, художественная структура романа подчинена раскрытию образа главной героини. Остальные персонажи сгруппированы вокруг нее не только сюжетно-композиционно, но и психологически, помогают выявить все грани внутреннего мира Марьи Михайловны. Но вместе с тем второстепенные персонажи имеют важное самостоятельное значение и непосредственно влияют на ход событий, необходимы для выражения главной идеи произведения.

1. Сараскина Л. И. Модный писатель в салоне и дома // Знамя. 1998. № 4. С. 205–219.

2. Щельцыкин С. И. Художественное новаторство романа П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя»: учеб. пособие по спецкурсу. Пенза: Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. 53 с.

3. Боборыкин П. Д. Жертва вечерняя // Боборыкин П. Д. Сочинения: в 12 т. СПб.; М.: Изд-во Т-ва М. О. Вольф, 1885. Т. 5. 388 с.

4. Протопопов М. А. Беллетрист-публицист (Романы и повести г. Боборыкина) // Русская мысль. 1892. № 11. С. 131–152.

5. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): в 6 т. СПб.: Семеновская Типолитография И. А. Ефрона, 1889. Т. 4: Боборыкин – Богоявленский. 1895. С. 191–241.

6. Салтыков-Щедрин М. Е. Новаторы особого рода // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 9: Критика и публицистика (1868–1883). М.: Художественная литература, 1970. С. 36–47.

7. Минаев Д. Д. С Невского берега // Дело. 1868. № 5. С. 140–157.

8. Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. СПб.: Изд. тип. А. А. Пороховщикова, 1897. 472 с.

9. Линин А. М. К истории буржуазного стиля в русской литературе (Творчество П. Д. Боборыкина). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского-на-Дону пед. ин-та, 1935. Т. 6. С. 51–135.

10. Колосова Н. А. Полифонизм Ф. М. Достоевского в ракурсе видения «фотографизма» П. Д. Боборыкина. *Разговор с тенью* // Колосова Н. А. *Метаморфозы времени. От полифонии А. С. Пушкина до полифонии А. Белого*. Киев : ПЦ «Фолиант», 2006. С. 372–419.

11. Венгерова З. П. Из жизни и литературы. П. Д. Боборыкин (к сорокалетию его литературной деятельности) // *Образование*. 1900. № 12. С. 18–27.

© Петренко Н. А., 2016

УДК 801 091

Л. Г. Просвирнина
L. G. Prosvirnina

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ СОКРАЩЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье рассматривается история создания и функционирование отдельных английских сокращенных терминов подъязыка экономики. Посредством реализации социолингвистического подхода выявляются нелингвистические причины формирования рассматриваемых терминов, объясняется их влияние на процессы происхождения терминов и на изменение их графических оболочек, формулируются основные тенденции в формировании, развитии и становлении значений исследуемой лексической группы.

Ключевые слова: сокращенные английские экономические термины, социолингвистика, формирование термина, расшифровка термина, история создания термина.

SOCIOLINGUISTIC STUDY ON HISTORY OF CERTAIN ENGLISH ABBREVIATED ECONOMIC TERMS

The article is devoted to the history of the establishment and functioning of certain English abbreviated terms of the sublanguage of economics. The application of sociolinguistic approach enables us to identify the non-linguistic causes of formation of the discussed terms, explain their impact on processes of the terms origin and changing their graphical forms, as well as identify the main trends in the formation, development and formation of the meaning of the studied lexical group.

Keywords: English abbreviated economic terms, sociolinguistics, formation of the term, deciphering of the term, history of the establishment of the term.

Процесс формирования термина происходит в основном в соответствии с законами общего языка, однако часто бывает обусловлен различными обстоятельствами и факторами внешнего, нелингвистического происхождения. Разобраться в этом процессе нам помогает социолингвистический подход, который подразумевает углубление в историю [1, с. 26] и рассмотрение самых разнообразных предпосылок возникновения и формирования рассматриваемых терминов. Формирование гармоничной личности, компетентной в профессиональной сфере языка [2, с. 41], возможно только на основе знания законов развития, причин и обстоятельств, обусловивших появление тех или иных терминов.

Сокращенные английские термины в сфере экономики появляются в связи с большой линейной протяженностью исходного варианта полнозначного термина и неудобством его использования. После завершения процедуры свертывания термина одним из известных способов его сокращенный вариант начинает функционировать и изменяться как внешне, так и внутренне, т. е. изменять свое семантическое наполнение в зависимости от внешних, экстралингвистических обстоятельств, однако в соответствии с общими языковыми нормами.

Рассмотрим историю происхождения сокращенного английского экономического термина **NAFTA**, который расшифровывается как **North American Free Trade Agreement**, что в переводе на русский язык означает *Североамериканское*

соглашение о свободной торговле. Данное соглашение охватывает Канаду, Мексику и США, делая NAFTA крупнейшей в мире зоной свободной торговли с точки зрения ВВП. Концепцией NAFTA является содействие экономическому росту, облегчая движение товаров и услуг между США, Канадой и Мексикой.

Несмотря на то, что закон о зоне свободной торговли вступил в силу с 1 января 1994 г., история данного термина началась намного раньше. Соглашение о создании NAFTA является итогом более чем полувекового сотрудничества стран и стремлением США и Канады к торгово-экономическому и политическому объединению. На протяжении всего XX столетия границы между США и Канадой постепенно размывались экономически и путем относительной либерализации движения товаров, капиталов и рабочей силы.

Начальные предпосылки к подписанию соглашения возникли в первой половине XX века, когда в 1947 г. был принят «План Эббота», целью которого являлось стимулирование инвестиций США в ведущие отрасли канадской экономики.

Следующим шагом можно назвать Соглашение о совместном военном производстве, принятое в 1959 г. с целью внедрения американских стандартов в канадское производство военной техники.

Необходимость стимулирования интеграции многих других отраслей и стремление к либерализации рынка товаров и капитала привело к подписанию Соглашения о либера-

лизации торговли продукцией автомобилестроения (Автопакт) в 1965 г.

С 1979 г. изучались перспективы создания Североамериканской зоны свободной торговли, а также был образован энергетический союз трех стран.

Качественное изменение экономических отношений между США и Канадой произошло в 1988 г., когда на межгосударственном уровне было заключено американо-канадское соглашение о свободной торговле (FTA), призванное обеспечить канадским товарам гарантированный и привилегированный доступ на внутренний рынок США. Формирование зоны свободной торговли между двумя странами происходило в течение 10 лет.

Понятие NAFTA существовало уже порядка десяти лет до принятия соглашения. В 1984 г. Конгресс США принял Закон о торговле и тарифах. В 1988 г. подписано и в 1989 г. вступило в силу соглашение между Канадой и США о свободной торговле. Эти два документа могут считаться предвестниками NAFTA, при этом в настоящее время из-за появления NAFTA их действие приостановлено.

До начала действия NAFTA мексиканские тарифы на импорт американских товаров были на 250 % выше, чем тарифы США на импорт мексиканских. В 1991 г. Канада запросила разрешение на трехстороннее соглашение, которое затем привело к подписанию NAFTA. В 1992 г. было подписано (вступило в силу) Соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли NAFTA.

В 1993 г. опасения по поводу либерализации трудовых и экологических норм привели к принятию двух дополнений в NAFTA. Президент Джордж Буш, президент Мексики Салинас и премьер-министр Канады Брайан Малруни подписали соглашение о формировании зоны свободной торговли товарами между тремя странами, рассмотрении вопросов торговли услугами, движении инвестиций, права интеллектуальной собственности еще в 1992 г., однако оно было подписано 8 декабря 1993 президентом Биллом Клинтонем. После подписания оно вступило в силу с 1 января 1994 г.

В 2010 г. были отменены все таможенные пошлины на товары, которыми торгуют между собой США, Канада и Мексика.

Как видно из истории данного термина, вначале своего существования это был трехкомпонентный инициальный термин **FTA < free trade agreement** – *Соглашение о зоне свободной торговли*. Кроме того, благодаря расширению значения данного термина и совпадению инициальных букв словосочетания, существует и функционирует в речи еще один вариант расшифровки данного сокращения **FTA < free-trade area** – *зона свободной торговли*, так называется область, охватывающая торговый блок, в который входят страны, подписавшие Соглашение. Поскольку оба сокращенных термина имеют одинаковую структуру, то мы имеем право назвать их омонимами.

В дальнейшем своем развитии термин FTA претерпел процесс расширения значения и соответственно был дополнен двумя топонимическими компонентами NA, которые расшифровываются как **North American** – *Североамериканский*. Благодаря данному расширению термина, было произведено уточнение зоны действия данного соглашения.

Термин **NAFTA < North American Free Trade Agreement** – *Североамериканское соглашение о свободной торговле* является инициальным пятикомпонентным акронимом. К разряду акронимов мы относим данное сокращение в связи с тем, что в английской речи оно функционирует по произносительному принципу акронимов, т. е. произносится как слово. При переводе англоязычного термина NAFTA на русский язык используется прием транслитерации, и в русском языке функционирует термин НАФТА.

Расширение значения данного термина изменило его трактовку, и сегодня его использование подразумевает торгово-экономическое содружество трех стран, а именно Канады, Мексики и Соединенных Штатов по типу BRICS [3, с. 71].

Термин **FTA**, являясь своеобразной матрицей, послужил основой и для возникновения ряда других терминов, таких, например, как: **CAFTA-DR**, **FTAA**. Причиной образования данных терминов является развитие торгово-экономических связей между странами и стремление к их укреплению и расширению.

CAFTA-DR < Dominican Republic-Central America FTA – Доминиканская Республика-Центральная Америка ЗСТ (КАФТА-DR). CAFTA-DR – это первое соглашение о свободной торговле между США и группой малых развивающихся экономик Центральной Америки: Коста-Рики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа, а также Доминиканской Республики. CAFTA-DR способствует укреплению торговых и инвестиционных связей и стабильности во всем регионе.

FTAA < The Free Trade Area of the Americas – зона свободной торговли стран Америки (включает в себя тридцать четыре страны региона).

Для терминологии данной сферы также характерно явление переосмысления [4, с. 256–257], которое также порождает явление омонимии. Данное утверждение мы демонстрируем следующим примером:

MER < 1. Merrill Lynch – Компания «Меррилл Линч» (зарегистрированная торговая марка);

2. Profit estimate for Merrill Lynch – оценка доходов инвестиционной компании «Меррилл Линч» [5, с. 242].

Изначально сокращением MER обозначали зарегистрированную торговую марку, позднее данное сокращение стали использовать для оценки доходов названной выше компании. Таким образом, можно сделать вывод о несовпадении семантического объема сокращенного термина и его исходного варианта [4, с. 167], поскольку семантика термина MER включает в себя не только значения его составляющих, а именно название компании Merrill Lynch, но и, в определенном контексте, оценку деятельности инвестиционной компании, выражаемую в конкретных цифрах.

Истории возникновения рассмотренных сокращенных английских экономических терминов в очередной раз подтверждают мнения и высказывания таких ученых, как К. Я. Авербух [6, с. 33], В. М. Лейчик [7, с. 16], Л. Б. Ткачева [8, с. 35], А. В. Уланов [9, с. 251] и др., с которыми мы соглашаемся в том, что социолингвистический подход к терминологическим проблемам наилучшим образом может объяснить взаимосвязь между языковыми и социальными явлениями, проследить историю развития науки и общества, а также спрогнозировать дальнейшее развитие экономи-

ческой терминологии в частности и терминологии в самом широком смысле.

Рассмотрев динамику развития лексического значения сокращенных английских экономических терминов, мы пришли к заключению о том, что с помощью социолингвистического подхода нам удалось выявить экстралингвистические факторы, которые оказывают активное влияние на формирование семантического значения экономических терминов, и сделать заключение о том, что:

- экстралингвистические факторы служат причиной проявления семантических способов словообразования, таких как метонимия, метафора и переосмысление;
- семантическое значение терминов не всегда идентично семантике их аббревиатуры;
- семантическое значение термина эволюционирует с течением времени вместе с развитием науки;
- семантический объем когнитивной структуры, репрезентированной аббревиатурой, гораздо шире семантического объема развернутой формы термина.

1. Гринев-Гриневиц С. В. Основы антрополингвистики. М.: Компания «Спутник», 2005. 113 с.

2. Просвирнина Л. Г., Уланов А. В. Межкультурные деловые коммуникации (учеб. пособие). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014. 124 с.

3. Просвирнина Л. Г. Ономастические компоненты как отражение концептов имени собственного в составе сокра-

щений подъязыка экономики. Социально-экономические системы: современное видение и подходы : материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф. Омск: СИБИТ, 2011. С. 65–76.

4. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. 319 с.

5. Просвирнина Л. Г. Англо-русский словарь сокращенных экономических терминов. Омск : СИБИТ, 2009. 379 с.

6. Авербух К. Я. Термин как объект изучения и как инструмент фиксации и передачи знаний // Научно-техническая терминология. 1991. Вып. 1. С. 33–40.

7. Лейчик В. М. К определению философских основ терминоведения // Отраслевая терминология и ее экстралингвистическая обусловленность. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. С. 14–25

8. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1987. 199 с.

9. Уланов А. В. Дискурс в аспекте междискурсивной интерференции // Язык. Культура. Образование: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 65-летию факультета иностранных языков и 20-летию образования в ОмГПУ секции китайского языка. 23–24 октября 2013 г. Омск : Изд-во ИП Е. А. Макшеевой, 2013. С. 246–252.

© Просвирнина Л. Г., 2016

УДК 811.161.1

МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу подходов к понятию «метафора» в современной лингвистике и его применению к дискурсивным практикам русского языка. Продуктивность метафорических моделей как внутри отдельных институциональных дискурсов, так и на платформе их взаимодействия дает возможность называть метафору трансдискурсивным явлением, объединяющим языковые и коммуникативные элементы отдельных дискурсов.

Ключевые слова: метафора, дискурс, профессиональная метафора, милитарная метафора.

Одним из наиболее изучаемых речевых конструктов современного дискурса является метафора. Направления ее изучения в современной лингвистике различны, однако объединяющим центром этих направлений является общая точка зрения о важности метафоры как трансдискурсивного явления.

Как справедливо замечает Н. Д. Арутюнова, «в последние десятилетия центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии (риторики, стилистики, литератур-

METAPHOR AS A LANGUAGE PHENOMENON OF THE RUSSIAN LANGUAGE

This article analyzes the approaches to the concept of “metaphor” in modern linguistics and its application to the discursive practices of the Russian language. The productivity of the semantic model, both within the individual institutional discourses and on the platform of their interaction with each other, makes possible to call a metaphor a transdiscursive phenomenon, unifying language and communication elements of the individual discourses.

Keywords: metaphor, discourse, professional metaphor, military metaphor.

ной критики), в которой преобладали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта» [1, с. 5]. Трансдискурсивное проникновение метафорических переносов способствовало увеличению частотности метафоры как средства дискурса, так и усилению внимания к метафоре со стороны ученых-филологов.

А. В. Уланов
A. V. Ulanov

В то же время появляются исследования метафоры как элемента (а) профессионального дискурса, (б) PR-дискурса и рекламного текста, (в) педагогического дискурса, (г) дискурса масс-медиа. Распространение моделей метафорического переноса способствовало их углублению и усложнению, но отметим, что в разных дискурсивных моделях функционирование метафоры имеет свою специфику.

Исследователи видят функции метафоры в следующем:

1) метафора – основа мышления и процессов создания «образа» мира [1; 2]. Метафора, таким образом, становится когнитивным механизмом восприятия действительности, в этом ключе появляется и особое понятие концептуальной метафоры.

Особое внимание к метафоре проявляется в рамках исследований специфики спортивного и политического дискурсов. Однако отраслевое изучение метафоры должно сопровождаться и проработкой вопросов переноса на метафорические модели специфики исторического развития дискурсивных стратегий и тактик, а также возможности хронологического анализа тех или иных метафор в рамках отдельных дискурсов. Важен также анализ дефиниций «понятность», «действенность», «динамичность» метафоры. Подобные вопросы разбираются, например, в исследованиях политической метафоры [3, с. 170].

Особое место в современной российской языковой действительности занимает понятие *милитарной метафоры*. Как замечает А. П. Чудинов, «базисная метафора РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА, или, в другой формулировке, СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это МИЛИТАРИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО, СТРАНА, ГДЕ ИДЕТ ПОСТОЯННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, занимает важнейшее место в образном представлении современной российской действительности» [4, с. 105]. Развитию милитарной метафоры способствовала как периодическая интенсивность военных действий российских вооруженных сил, так и настроенность менталитета русского человека на милитаризованность российских политических реалий. Если раннее развитие милитарной метафоры приходится на начало-середину XX века, то в наши дни ее распространенность ничуть не уменьшилась, а даже увеличилась, включив в свой массив тексты, посвященные современным военным конфликтам, гражданским противостояниям как между отдельными странами, так и внутри определенных государств. Не случайно в исследованиях российской милитарной метафоры формируется терминологический аппарат лингвистической метафоризации действительности: *концептуальная метафора, милитарная метафора, метафорическое моделирование, метафорическая модель* [4]. Интересно, что собственно милитарные метафорические переносы экспандируются на иные области, например политическую, где также упоминается о политических «баталиях» и «войнах». В такой ситуации задача языковедов, по мнению А. П. Чудинова, состоит в том, чтобы зафиксировать существующую в национальном сознании на определенном этапе развития общества систему базисных метафор и попытаться сделать выводы об истоках и перспективах той или иной модели, а также рассмотреть факторы, способствующие ее активизации [4, с. 114].

2) метафора является продуктивным средством межкультурного взаимодействия дискурсов, так как пространственные метафорические кластеры позволяют представить параллели между политической и театральной коммуникацией [5], благодаря такой метафоре создается общий эмоционально-экспрессивный тон высказывания. По наблюдениям Е. И. Шейгал над театральной метафорой, граничащей с политической метафорикой, такая метафора связана с «уничжительной коннотацией иронии или сарказма и содержит импликацию «ненастоящести» происходящего, отстраненности от него говорящего. Интенция коммуниканта, представляющего политику через фрейм театра, – показать, что к такой политике не следует относиться серьезно, что она не заслуживает уважения из-за лицемерия и неискренности ее участников» [5, с. 194].

3) метафора иногда реализует манипулятивную функцию и служит средством построения иной социальной модели, что особенно наблюдается в инокультурной коммуникации. Р. Д. Керимов, исследовавший текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ, замечает, что «под прикрытием ярких, образных и также уже традиционных метафор немецкие политики подтасовывают исторические факты и пытаются представить их в выгодном для себя свете» [6, с. 105].

Метафора связана с таким явлением, как советский дискурс, или дискурс русского языка периода существования Советского Союза. Как пишет А. А. Ворожбитова, советский дискурс выступает социокультурным феноменом лингвориторической, речемыслительной природы [7, с. 21]. Исследователь называет «экстремальными языковыми ситуациями» основные вехи развития советского дискурса: от периода Октябрьского переворота и гражданской войны до периода перестройки. В этот последний период метафора выполняет особую роль, так как с ее помощью происходит «перестройка» лексико-семантической системы русского языка, наблюдаются динамические процессы в активном и пассивном дискурсивном запасе русского литературного языка.

«Важность исследования лингвориторической специфики советского дискурса обусловлена пристальным интересом к данному периоду в истории России. По естественному закону «маятника» современную языковую ситуацию в России определяет прежде всего стремление совокупной языковой личности этносоциума к изживанию последствий гиперидеологизации лингвориторической картины мира, национального языка в целом, преодоление метастаз новояза советского официоза. Русский язык оказался в определенной степени деформирован советским дискурсом как идеократическим мыслеречевым конструктом, вызревшим в недрах самого русского языка» [7, с. 21]. А. А. Ворожбитова называет советский дискурс метафорически солнечным затмением русского языка, в котором идеологически не искаженная правда о референте остается «светлым участком» [7].

4) метафора носит профессиональный характер, причем возможности профессиональной метафорической номинации до конца не озвучены, в этом плане интересны отдельные исследования метафор в рамках узкопрофессиональных контекстов, в частности в языке медицины. Как замечает В. К. Харченко, «при интенсивном развитии тер-

миноведения в отечественной и зарубежной лингвистике языки профессионального общения парадоксально остаются закрытыми для основательного лингвоанализа, хотя на непринужденном, тонком и ярком общении как раз и держится высокий профессионализм специалиста в любой области» [8, с. 215]. В рецензии на монографию О. С. Зубковой «Метафора в профессиональной семиотике» В. К. Харченко утверждает, что «метафора усложняет систему внутренней организации профессионального дискурса, неся в себе множество изменчивых индивидуальных смыслов, более того, не столько даже «множество», сколько неограниченное поле дискурсивного преобразования, что отражается впоследствии и на богатстве, лексическом оснащении профессиональных языков в целом» [8, с. 215]. С нашей стороны добавим, что метафора является полидискурсивным средством коммуникативной номинации, средством, которое позволяет дискурсам взаимопроникать, взаимодействовать, так как продуцируемые метафорой языковые средства производятся одними дискурсами, реализуются в спектре других дискурсов. Отдельный пример – взаимодействие и взаимопроникновение военного дискурса в политический и спортивный институциональный дискурсы.

Отметим, что в этом ключе важно указать и на разработанный лингвистами новый понятийный аппарат метафоризации – гипероним, профессиональная метафора – по отношению, например, к спортивной и военной метафоре.

Интересным можно считать и тот факт, что возникают структурные варианты метафоры, такие как ономастическая метафора [9]. Е. Ю. Воякина приходит к выводу, что ономастическая метафора как разновидность метафоры, основанной на употреблении имен собственных вторичной номинации, выступает сегодня в качестве одного из основных средств осмысления и оценки экономической действительности, что связано со следующими моментами:

- 1) антропоцентрический характер ономастической метафоры;
- 2) основа на ассоциациях с именами собственными, входящими в личное пространство каждого человека;
- 3) глобализация, сопровождающаяся тенденцией к метафорическому инвестированию в экономический дискурс;
- 4) «ономастический взрыв» в кризисный и посткризисный периоды».

Наряду с синхроническим аспектом изучения метафоры появляется и диахронический аспект, который прослеживается в ряде современных исследований, в частности в книге Л. В. Балашовой «Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее» [10]. Автор затрагивает общие вопросы развития русской метафорической системы в диахронии языка: принципы диахронического исследования языка и языковой картины мира; основные направления анализа лексико-семантических систем в диахронии; концептуализацию процесса метафоризации в истории русского языка; принципы метафорической номинации в рамках предметной и неперспективной лексики др. Согласимся с Л. В. Балашовой в том, что «наиболее востребованной в политическом дискурсе начала XXI века оказывается «военная» метафора, четко отражающая сложность и конфликтность мировой и внутрироссийской политической ситуации, так и отношение современных политиков и журналистов к во-

им оппонентам» [10, с. 389]. Военная метафора характеризуется как ситуация противоборства, так и компоненты такой ситуации – участники конфликта, противоборствующих лиц, при этом современные дискурсы включают целые пласты активной дискурсивной лексики.

Интересен тот факт, что текстуальное метафорическое поле анализируется не только в языковом, но и в общефилологическом ключе, в плане функционирования в общем филологическом пространстве. В частности, В. В. Рожков делает попытку рассмотреть метафору как полифункциональный знак текстовой парадигмы. Автор замечает, что метафора как таковая обладает антропоцентричностью и индивидуальностью («Метафоры наиболее ярко выражают картину мира автора, проявляющуюся в художественном тексте, а значит, делают эту картину мира более доступной для исследования» [11, с. 62]). Метафора также обладает комплексностью восприятия и переживания, она участвует в концептуализации действительности, она по-новому интерпретирует тот или иной фрагмент действительности. В. В. Рожков также указывает на тот факт, что метафора «имеет эмоционально-оценочный характер» и именно благодаря ей «создается плюрализм, множественность образного прочтения ситуации» [11, с. 63].

Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что метафора – это основной механизм в понятийном аппарате человека, принадлежащий сфере мышления. Метафорическое высказывание есть внешнее проявление концептуальной системы, базирующейся на буквальном значении. Понимая абстрактные сущности в терминах конкретики, метафора образует процедуры обработки структур знания, поэтому ее можно считать когнитивным феноменом (см. об этом: [12, с. 42]).

Особой реализации милитарная метафора подвергается в русском военном дискурсе XIX века, являющемся динамической системой, подверженной всем продуктивным способам словообразования, в числе которых были и средства семантической деривации. Одним из наиболее распространенных средств семантического словообразования в русском военном дискурсе была милитарная метафора.

Современная лингвистика рассматривает это понятие исключительно с «экстраработной» точки зрения, безотносительной к военному дискурсу, с позиции иных типов институционального дискурса. Однако истоки семантического взаимодействия разных типов дискурса в сфере военноподобных номинаций лежат в истории русского языка и русской речевой культуры. Метафорика служит средством понимания менталитета военнослужащего. «Под метафорической системой понимается совокупность метафорических употреблений. Метафорическая система, или «система метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией» [13, с. 87].

В метафорических системах дискурсов, по мнению Е. Б. Матыгиной, существует особая концептуальная метафора. «Концептуальная метафора состоит из проекции между элементами сферы-магнита, в результате этого элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-магнита» [13, с. 87]. Таким образом, терминологический аппарат семантической дерива-

ции в дискурсивном аспекте включает такие понятия, как метафора, метафорическая система, метафорика, концептуальная метафора.

Явление военной метафоры собственно в военном дискурсе анализируется редко. «Современная лингвистика пришла к убеждению, что метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [14, с. 54]. В современной науке за понятием «военная метафора» закрепилось терминологическое сочетание «военная метафора». На наш взгляд, оба понятия функционально полностью взаимозаменяемы. Отметим, что терминологическая номинация «военная метафора» более распространена в отечественном языкознании на современном этапе его развития.

Таким образом, *военная метафора* – одна из наиболее изучаемых метафорических моделей в дискурсологии и когнитивной лингвистике. Развитие представлений о военной метафоре в других типах институционального дискурса разворачивает терминологическую базу изучения способов семантической деривации: метафорическое проецирование, метафорическая модель, метафорическая экспансия. Об этих явлениях говорит И. Н. Фурсова: «Одним из способов метафорического проецирования действительности является применение социоморфной метафорической модели, в рамках которой можно выделить военную метафору. Высокая продуктивность и широкие возможности в развертывании военной метафоры непосредственно связаны с тем, что сознание человека глубоко милитаризовано. Жизнь для человека – эта череда испытаний, противостоят, сражений, побед и поражений. Большая степень милитаризации сознания подкрепляется тем, что на судьбу едва ли не каждого человека приходится война, и поэтому военная лексика – это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития человеческого сознания» [15, с. 93].

Средства семантической деривации занимают особое место в речевой культуре русского военного дискурса, анализ функционирования военной метафоры позволяет исследовать процессы взаимодействия разных типов дискурса, а также изучить семантические явления военного дискурса русского языка.

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. Вып. (1)21. С. 22–31.

3. Ширманов И. А. Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании в США (2004 г.) // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. Вып. 20. С. 170–174.

4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

5. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование. Саратов: СГАП, 2000. Вып. 6. С. 192–196.

6. Керимов Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. Вып. 3(23). С. 96–107.

7. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. Вып. 2. С. 21–42.

8. Харченко В. К. Профессионализм врача в зеркале языка метафор: о монографии О. С. Зубковой «Метафора в профессиональной семиотике» // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. Белгород: НИУ БелГУ, 2011. С. 215–219.

9. Воякина Е. Ю. Ономастическая метафора в экономическом дискурсе: монография. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2014. 100 с.

10. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее: монография. М.: Языки славянской культуры, 2014. 494 с.

11. Рожков В. В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа «Трудно быть богом»): монография. Новосибирск: ИЦ «Золотой колос», 2014. 255 с.

12. Барышников П. Н. Миф и метафора: лингвофилологический подход. СПб.: Алетейя, 2010. 216 с.

13. Матыгина Е. Б. Метафорические системы в американском внешнеполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 2(28). С. 87–91.

14. Кондратьева О. Н. Военная метафора и ее роль в концептуализации внутреннего мира человека (на материале литературы Древней Руси) // Вестник Военного университета. 2011. № 2(26). С. 54–57.

15. Фурсова И. Н. Военная метафора в художественной картине мира Джона Голсуорси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 1(101). С. 93–97.

© Уланов А. В., 2016

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «ДЕСТРУКТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ» / «DESTRUCTIVE PERSON» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию семантического аспекта феномена «деструктивная личность» в русском и английском языках. В дефинициях компонентов словосочетаний «деструктивная личность» / «destructive person» выявляются семы, отражающие отношение к данному явлению в русском и английском толковых словарях. Показано, что представления о деструктивной личности в русской и английской лингвокультурах различаются.

Ключевые слова: семантический анализ, деструктивная личность, агрессивность, общество, общение, эмоции.

Под влиянием ускорения и усложнения социокультурной динамики при становлении сложного социума происходит трансформация личностных качеств человека. По словам Н. Н. Мещеряковой, современное общество представляет собой продукт «нарастающей скорости социальных изменений» [1, с. 203]. Изменившиеся формы «социальной активности людей» приводят к внутренним и внешним проявлениям агрессии [2, с. 20], что делает актуальным расширение и углубление знаний о «деструктивном коммуникативном поведении личности» [3, с. 3].

Склонность человека к деструктивному поведению может быть детерминирована преимущественно такими факторами, как особенности его «индивидуального опытного развития» и непосредственное социальное окружение [4, с. 130]. В. Н. Вахменин полагает, что «деструктивный тип личности» не является следствием инстинктов и не формируется под давлением обстоятельств, и признает, что это явление чисто экзистенциальное [5, с. 56].

Определяя деструктивное общение через агрессию в коммуникации Я. А. Волкова отмечает, что это тип эмоционального общения, которое направлено «на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда» и характеризуется «чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты» [3, с. 7]. Концептуальное пространство деструктивности, по мнению автора, включает «эмоциональные концепты «гнев», «злоба», «ярость», «ненависть», «презрение», «раздражение», «неприязнь», «обида», «страх»; «эмоционально-поведенческие концепты «мечь», «ревность», «черная зависть»; «прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения» [3, с. 7].

Новые реалии нашего времени, такие как агрессивность и деструктивность, не могут не отражаться в языке. Как известно, национально-культурное своеобразие языка может проявляться на всех его уровнях, в частности лексическом. Это делает актуальным исследование восприятия

SEMANTIC PECULIARITIES OF THE WORD-COMBINATION “DESTRUCTIVE PERSON” IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article is devoted to the analysis of the semantics of the phenomenon “destructive person” in Russian and English. In this respect the semes, reflecting the attitude to this phenomenon in Russian and English, are found in the definitions of the components of the word-combination “destructive person” in the explanatory dictionaries. The author shows that the views on the “destructive person” in Russian and English are different.

Keywords: semantic analysis, destructive person, aggression, society, communication, emotions.

феномена «деструктивная личность» в русской и английской лингвокультурах.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей семантической связи между компонентами словосочетаний *деструктивная личность* в русском языке и *destructive person* в английском (здесь и далее перевод приводится на базе Словаря ABBYY Lingvo-Online [6]) или их дериватами. В анализе словарных дефиниций, проводимом на базе Толкового словаря Кузнецова [7] и Oxford Advanced Learner's Dictionary [8], за один шаг мы принимаем переход от одного значения к другому внутри толкования того же слова и от слова одной части речи в соответствии со словарной отсылкой к слову другой части речи. При выявлении искомой семы мы рассматриваем как синонимы, так и антонимы, несмотря на то, что «заряд» изменяется. Вслед за И. В. Арнольд под термином «сема» мы понимаем «элементарную составляющую значения слова или другой языковой единицы, отражающую различаемые языком признаки обозначаемого» [9, с. 50]. В нашем исследовании мы основываемся на предположении о том, что при меньшем количестве шагов до искомой семы между компонентами словосочетания наблюдается более тесная семантическая связь.

Зависимость деструктивного поведения от социального окружения человека подтверждают иллюстративные примеры, приводимые в определении слова *деструкция* [7]. Прилагательное *деструктивный* в качестве одного из дериватов, наряду с существительным *деструктивность* наличествует в определении существительного *деструкция*. В иллюстративном примере с прилагательным *деструктивный* отмечается связь с обществом: ДЕСТРУКЦИЯ – 2. Нарушение нормальной работы, деятельности чего-л. Деструктивный, Д-ые силы общества. Деструктивность [7]. В Психологическом словаре указывается, что деструктивные действия могут быть направлены на человека: «появление в процессе развития элементов, направленных на разрушение нормальной структуры личности и поведения» [10]. Социологический словарь отмечает, что человек может

являться как источником, так и объектом деструктивного воздействия: «разрушение, исходящее от человека и направленное вовне, на внешние объекты, или внутрь, на самого себя» [11].

В русском языке, в связи с тем что Толковый словарь Кузнецова не приводит определение прилагательного *деструктивный*, анализ словарных дефиниций проводился от существительного *деструкция* до существительного *личность* [7]. Семантическая связь в цепочке между существительными *личность* и *деструкция* выявлена посредством общего элемента – глагола *нарушать*, который, в свою очередь, в качестве одного из компонентов наличествует в значении существительного *деструкция*. В английском языке семантическая связь устанавливалась между лексемами *destructive*, *person* и *person*, *to destroy*.

В результате анализа словарных дефиниций в русском и английском языке выявлены следующие цепочки, соответственно: **ДЕСТРУКЦИЯ – РАБОТА – КРУГ – ЛЮДИ – ЛИЦО – ИНДИВИДУМ – ЛИЧНОСТЬ** (6) (здесь и далее цифра в скобках показывает количество шагов анализа словарных дефиниций); **ЛИЧНОСТЬ – СВОЙСТВО – КРОВЬ – УБИЙСТВО – ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ – ГИБЕЛЬ – РАЗРУШЕНИЕ – РАЗРУШИТЬ – НАРУШИТЬ** (9) / **ДЕСТРУКЦИЯ – НАРУШЕНИЕ – НАРУШИТЬ** (2); **DESTRUCTIVE – DESTRUCTION – TO DESTROY – TO EXIST – REAL – GENUINE – SINCERE – TO THINK – MIND – PERSON** (9), **PERSON – BUSINESS – TO SELL – PRICE – UNPLEASANT – COMFORTABLE – PAIN – TO HURT – DIFFICULT – TROUBLE – VIOLENT – TO KILL – TO DESTROY** (12).

Приведем пошаговый анализ словарных дефиниций. Ср.:

ДЕСТРУКЦИЯ – ЛИЧНОСТЬ: 1 шаг – ДЕСТРУКЦИЯ: 2. Нарушение нормальной *работы*, деятельности чего-л. (здесь и далее курсив наш. – А. Ш.); **2 шаг – РАБОТА:** 2. *круг* занятий, обязанностей; **3 шаг – КРУГ:** 8. Группа *людей*, объединённых каким-л. связями; **4 шаг – ЛЮДИ:** 3. *Лица*, используемые в каком-л. деле; **5 шаг – ЛИЦО:** 3. *индивидуум*; **6 шаг – ИНДИВИДУМ:** 2. Отдельный человек, *личность* [7].

ЛИЧНОСТЬ – НАРУШИТЬ / ДЕСТРУКЦИЯ – НАРУШИТЬ: 1 шаг – ЛИЧНОСТЬ: 1. Совокупность *своист*, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность; **2 шаг – СВОЙСТВО:** родство не по *крови*, а по браку; **3 шаг – КРОВЬ:** 6. *Убийство*, кровопролитие; **4 шаг – УБИЙСТВО:** лишение *жизни* кого-л.; **5 шаг – ЖИЗНЬ:** 4. Время, период существования от рождения до *смерти*; **6 шаг – СМЕРТЬ:** 1. Прекращение жизнедеятельности организма и *гибель* его; **7 шаг – ГИБЕЛЬ:** полное *разрушение*, прекращение существования, смерть; **8 шаг – РАЗРУШЕНИЕ:** 1. К *разрушить* – разрушать; **9 шаг – РАЗРУШИТЬ:** 4. *Нарушить*, внести беспорядок во что-л. **1 шаг – ДЕСТРУКЦИЯ:** 2. *Нарушение* нормальной работы, деятельности чего-л.; **2 шаг – НАРУШЕНИЕ:** 1. К *нарушить* – *нарушать* [7].

DESTRUCTIVE – PERSON: 1 шаг – DESTRUCTIVE: causing *destruction* or damage; **2 шаг – DESTRUCTION:** the act of *destroying* something; **3 шаг – DESTROY:** 1. to damage something *so* badly that it no longer *exists*, works, etc.; **4 шаг – EXIST:** 1. to be *real*; **5 шаг – REAL:** 2. *genuine* and not *false* or *artificial*; **6 шаг – GENUINE:** 2. *sincere* and honest; that can be *trusted*; **7 шаг – SINCERE:** 1. showing what you really *think*

or *feel*; **8 шаг – THINK:** 2. to use your *mind* to *consider* something, to form connected *ideas*, to try to *solve* problems, etc.; **9 шаг – MIND:** 1. *the part of a person that makes them able to be aware of things, to think and to feel*; 3. *a person who is very intelligent* [8].

PERSON – TO DESTROY: 1 шаг – PERSON: 3. -person (in compounds) a person working in the area of *business mentioned*; **2 шаг – BUSINESS:** 1. the activity of making, *buying, selling* or supplying *goods* or *services* for *money*; **3 шаг – SELL:** 3. to be offered at the *price mentioned*; **4 шаг – PRICE:** 2. the *unpleasant* things that you must do or experience in order to achieve something or as a result of achieving something; **5 шаг – UNPLEASANT:** 1. not *pleasant* or *comfortable*; **6 шаг – COMFORTABLE:** 2. warm *enough*, without *pain*; **7 шаг – PAIN:** 1. the *feelings* that you have in your body when you have been *hurt* or when you are ill / sick; **8 шаг – HURT:** 6. to be in a *difficult* situation because you need something, *especially money*; **9 шаг – DIFFICULT:** 2. causing a *lot of trouble*; **10 шаг – TROUBLE:** 5. an *angry* or *violent* situation; **11 шаг – VIOLENT:** 1. involving or caused by physical *force* that is *intended to hurt* or *kill* somebody; **12 шаг – KILL:** 2. *to destroy or spoil something or make it stop* [8].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. И в русском, и в английском языке количество шагов в цепочке *деструкция – личность* (6) / *destructive – person* (9) меньше, соответственно семантическая связь между лексемами менее тесная, чем в обратном направлении: *личность – нарушить* (9) / *person – to destroy* (12). Это, на наш взгляд, подтверждает мнение Ю. А. Клейберга о том, что «деструктивность поведения и отношений людей как социально-психологическое явление» противоречит биологической природе человека «как самого общественного животного на Земле» [4, с. 135].

2. Несмотря на то, что слово *деструктивный* является для русского языка заимствованным и сравнительно новым, семантическая связь между лексемами *деструкция – личность* (6) и *личность – нарушить* (9) более тесная по сравнению с английскими словосочетаниями, соответственно, *destructive – person* (9) и *person – to destroy* (12).

3. В русском языке в цепочке *деструкция – личность* выявляются семы, отражающие социальные отношения: *индивидуум* (5), *круг* (2), *лицо* (4), *люди* (3). В английском языке в цепочке *destructive – person* лексема с таким значением нами не обнаружены.

4. В английском языке в цепочке *destructive – person* можно отметить оппозицию «истинное vs ложное», представленную семой *real* (4), *genuine* (5), с одной стороны, и *artificial, false* (5) – с другой.

5. Трансформация человеческих качеств личности и стремление к деструктивному поведению находит отражение в семах, выявленных в цепочках *личность – нарушить / person – to destroy*: и в русском, и в английском языке зафиксированы слова, отражающие убийство, *убийство* (3) / *to kill* (11). При этом более тесная семантическая связь наблюдается между лексемами *личность* и *убийство* в русском языке по сравнению с английскими эквивалентами *person* и *to kill*. Это подтверждает мнение Я. А. Волковой об

усилении агрессивности в современном российском обществе [3, с. 3].

6. В английском языке цепочка *person – to destroy* включает лексемы, относящиеся к экономической сфере, а именно: *business (1), to sell (2), price (3)*, а также лексемы *to buy, goods, service (2), money (8)*, выявленные дополнительно в ходе дефиниционного анализа. В русском языке в цепочке *личность – нарушить* слова подобной тематики не обнаружены.

7. В английском языке в цепочках *destructive – person* и *person – to destroy* в ходе анализа словарных дефиниций выявляется широкий спектр лексики, включающий семы ментальности, семы эмотивности, семы интенсивности, соответственно: *destructive – person: aware (9), to consider (8), idea (8), intelligent (9), mind (8), to think (7), to solve (8); to feel (9), sincere (6), to trust (6); so (3), very (9); person – to destroy: to intend (11), to mention (3); angry (10), comfortable (5), feeling (7), to hurt (11), pain (6), pleasant (5), trouble (9), unpleasant (4), violent (10); a lot of (9), enough (6), especially (8), force (11)*. Примечательно увеличение количества эмотивных слов и сем усиления в цепочке от существительного *person* до глагола *to destroy*. В русском языке в цепочках *деструкция – личность* и *личность – нарушить / деструкция – нарушить* слова указанных выше групп не выявлены.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о различном отношении к феномену «деструктивная личность» в русской и английской лингвокультуре. В русском языке между компонентами словосочетания *деструктивная личность* наблюдается более тесная семантическая связь по сравнению с английскими эквивалентами в словосочетании *destructive person*. В английской лингвокультуре можно отметить эмоциональное отношение при толковании компонентов словосочетания *destructive person*. Таким образом, вслед за Д. Н. Ефремовой можно сказать, что произошедшие за последние годы стремительные изменения в таких областях, как общественно-политическая, социально-экономическая, научно-техническая воздействуют на «осо-

бенности психического напряжения, эмоциональных состояний» личности [12, с. 3].

1. Мещерякова Н. Н. Аномия в сложном обществе // Вестник МГИМО. 2014. № 2(35). С. 201–207.

2. Трошина Н. В. Проблема деструктивности и агрессии: социально-философский аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 20–22.

3. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 47 с.

4. Клейберг Ю. А. Типология деструктивного поведения // Вестник КРУ МВД России. 2008. № 1. С. 130–135.

5. Вахменин В. Н. Антропологические основания деструкции культуры // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2011. № 9. С. 55–57.

6. Словарь АBBY Lingvo-Online. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения 27.12.2015).

7. Толковый словарь Кузнецова. URL: <http://www.enc-dic.com/kuzhecov/> (дата обращения: 18.12.2015).

8. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/learner/> (дата обращения: 20.12.2015).

9. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991. 139 с.

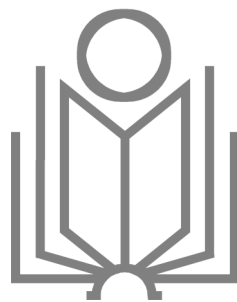
10. Психологическая энциклопедия. URL: http://www.enc-dic.com/enc_psy/Destrktivnost-7455.html (дата обращения: 18.12.2015).

11. Социологический словарь. URL: <http://www.enc-dic.com/sociology/Destrktivnost-2007.html> (дата обращения: 18.12.2015).

12. Ефремова Д. Н. Психологические особенности совладающего поведения личности при деструктивных эмоциональных состояниях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 28 с.

© Шестова А. А., 2016

ИСТОРИЯ

Костина Е. А.

Факторы создания и деятельности второклассных школ Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.

Чуркин М. К.

Внешнеполитический курс Московского централизованного государства XVI столетия в контексте легитимности царской власти

Шевченко М. Н.

У истоков формирования древнерусского учения о царской власти (конец XIV – XV вв.)

**ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОКЛАССНЫХ ШКОЛ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье анализируются географические, материальные, социально-экономические и культурные факторы, оказавшие влияние на формирование региональной сети учительских церковных школ, кратко охарактеризованы особенности учебно-воспитательного процесса во второклассных школах на основе опубликованных и архивных источников.

Ключевые слова: второклассная школа, учебно-воспитательный процесс, Западная Сибирь.

**FACTORS OF CREATION AND
PERFORMANCE OF THE SECOND-CLASS
SCHOOLS IN WESTERN SIBERIA IN THE
LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

The article analyzes the geographical, material, socio-economic and cultural factors that influenced the formation of the regional network of the teacher training church schools and summarizes characteristics of the educational process in the second-class schools on the basis of published and archival sources.

Keywords: second-class school, educational process, Western Siberia.

В 1890-х гг. в большинстве регионов Российской империи ощущалась нехватка педагогических кадров для начальных училищ церковного ведомства. Это поставило задачу создания сети специальных учреждений для подготовки учителей. Результатом стало сосуществование двух типов педагогических школ – второклассных и церковно-учительских. Церковно-учительские готовили учительские кадры для всех типов начальных народных училищ, второклассные – для школ грамоты. Последние, несмотря на ограниченность профиля будущих выпускников, получили наибольшее распространение на территории Российской империи в целом и в Западной Сибири в частности.

Несмотря на общность нормативной базы, на процесс открытия учительских школ повлияли социокультурные особенности регионов, что задавало специфику развития сети школ в регионе, организацию обучения и воспитания. В Западной Сибири при создании второклассных школ учитывались многие характеристики, среди которых ведущими являлись географические, материальные, социально-экономические и культурные.

Вопрос выбора населенного пункта для школы являлся наиболее дискуссионным в процессе формирования сети второклассных училищ Западной Сибири. Анализ журнальных постановлений епархиальных училищных советов позволил выявить факторы, благоприятствующие открытию школы: достаточно близкое расположение крупного села относительно административного центра уезда; наличие удобных путей сообщения с другими населенными пунктами уезда; близкое расположение приходской церкви, имеющей двухклирный причт, необходимый для качественного исполнения священниками законоучительского долга. Выпускники церковной учительской школы, будучи местными, были бы более «приспособлены к условиям северной жизни, сроднились с ней, знали ее нужды, преданы интересам своего родного края, не стремились бы во имя каких-либо целей в другие места» [1, л. 14]. Те из них, кто хотел посвятить свою жизнь учительству, с успехом продолжили бы работать в сельских начальных церковных школах, остальные после окончания обязательной шестилетней учительской службы

«станут отправлять общественные должности, будут полезными членами семьи и общества» [2, л. 19а–20а]. Таким образом, учет этих факторов отчасти бы позволил решить проблемы социализации и трудоустройства выпускников второклассной школы, текучести педагогических кадров в сельских школах.

Особое значение в устройстве школы имело наличие необходимой материальной базы, от которой зависело ее успешное функционирование, качественная организация образовательного процесса, сохранение здоровья учителей и учащихся. Поэтому вторую группу факторов составило наличие удобного здания школы (собственного или арендованного); помещения (или здания) для образцовой школы; общежития или квартир для учительского персонала.

Важную роль в формировании сети учительских церковных школ играл уровень осознания местными жителями необходимости образования. Как свидетельствуют приговоры сельских волостных сходов, инициатива открытия подобной школы в своем селе могла в будущем гарантировать не только материальную поддержку, выражающуюся в доставке необходимых материалов для постройки здания, выплате стипендий и содержании бедных учащихся из сельского крестьянского общества, отведении земельных участков под школу, сад, огород или пасеку, но и обеспечение ее воспитанниками [3, л. 1–10; 4, л. 5–22; 5, л. 114]. Однако нередко подобное стремление разбивалось о низкий экономический уровень жизни сибирского населения, неспособного собрать значительную сумму (порядка нескольких тысяч рублей) на строительство и содержание школы. Особенно острой эта проблема стала после решения училищного совета при Святейшем синоде от 1900 г. о сокращении числа второклассных школ и отказе от казенных ассигнований на устройство новых учительских школ, если их общее количество превышало число уездов региона [6, л. 208]. В связи с чем многие из запланированных к строительству школ в регионе так и не были открыты (в Тобольской и Томской епархиях, Семипалатинской области).

Западную Сибирь от других регионов страны отличало широкое разнообразие культур, вероисповеданий, народ-

ностей населяющих ее племен. Это детерминировало необходимость усиления духовно-нравственного просвещения местного общества, проводником которого стало бы новое поколение учителей начальных церковных школ. Будучи источником истинной православной веры и религиозно-нравственных идеалов их обязанность заключалась не только в трансляции элементарного научного знания, но главным образом в воспитании «религиозного чувства и любви к храму и богослужению» [1, л. 14–15; 7, с. 43]. Поэтому учительскую, в отличие от других церковных школ, могли окончить лишь дети православного исповедания. Г. Я. Маляревский епархиальный наблюдатель за церковными школами Тобольской губернии, отмечал, что «среди старожильного населения многих местностей Сибири сильное развитие получил раскол, укоренившийся главным образом в трех наиболее населенных и богатых сибирских епархиях: Томской, Тобольской и Забайкальской» [7, с. 43]. Инструментом в борьбе духовенства со старообрядчеством послужили дополнительные внеклассные занятия по истории и разоблачению раскола во второклассных школах Тобольской (Зырянской, Введенской) и Томской епархиях.

Как показывает изучение архивных материалов и динамики создания учительских школ в регионе, при формировании сети школ духовенство не всегда строго учитывало все выделенные факторы. На первых этапах часто предпочтение уделялось второй и третьей группам факторов. Но в большинстве случаев, устройство второклассных школ отвечало жизненным интересам и потребностям сибирского населения.

Обозначенные факторы оказали влияние и на организацию образовательного процесса в означенных школах и во многом определили его специфику. В чем же она заключалась? В отличие от жестких рамок, в которые были поставлены учительские семинарии в вопросе следования учебным программам Министерства народного просвещения, учительские школы духовного ведомства находились в более выигрышном положении [8, с. 225]. Училищным советом при Святейшем синоде было дано распоряжение епархиальным училищным советам адаптировать учебную программу второклассных школ под нужды местного населения и «сообразно с условиями жизни местного населения», разрешено «входить в Училищный Совет при Святейшем Синоде с ходатайствами» о возможных сокращениях или иных изменениях в программу» [6, л. 182].

Как показывает анализ нормативных документов, в обязательную часть программы курса второклассных школ входили начальные сведения по предметам: закон Божий, церковная и отечественная история, церковное пение, русский язык, церковно-славянский язык, география, природоведение (физика), арифметика, геометрия, дидактика, гигиена, чистописание. Основными формами организации обучения являлись фронтальная и индивидуальная, с привлечением визуальных дидактических средств. Например, в Березовской второклассной школе использовали цветные картины по Священной истории, история России в картинах Д. Н. Дубенского, учебный атлас по русской истории для церковно-учительских школ, географические карты, прибор для наглядной демонстрации годового движения Земли вокруг Солнца и суточного вращения Земли вокруг своей

оси, глобус, весы, счеты и многое другое [9, л. 48–50]. При фронтальной работе учитель старался вовлечь в активное обсуждение весь класс, не теряя из виду слабых учеников, добиваясь сознательного усвоения учебного материала, о чем свидетельствуют конспекты уроков, опросы учащихся, отчеты уездных и епархиальных наблюдателей. Изучение отчетов показало, что, несмотря на обширность содержания образования, во всех второклассных школах учительский персонал стремился пройти учебную программу в полном объеме, а успехи воспитанников в подавляющем большинстве были признаны удовлетворительными, в редких случаях хорошими и даже блестящими. Но по отчетам невозможно сравнить уровень усвоения учебной программы в разных школах, так как отсутствовала единая система оценивания, встречаются пятибалльная и трехбалльная системы оценивания, дробные отметки.

Отличительной чертой организации образовательного процесса во всех второклассных школах являлась связь с будущей профессиональной деятельностью воспитанников. От них требовалось не столько знание теоретических основ педагогической науки, сколько развитость навыка их практического применения, знание особенностей организации занятий в школах грамоты, отличной от организации учебно-воспитательного процесса в других учебных заведениях начального образования. Практикоориентированная направленность школ проявлялась в том, что в программу курса входили теоретические и практические занятия по дидактике. Причем практических в 1,5 раза больше, чем теоретических занятий. Практические занятия во всех школах региона проходили по одной схеме: под руководством учителя дидактики «сначала давался типичный урок в большинстве случаев учащим образцовой школы, затем устраивалась беседа по поводу этого урока. После этого всеми учениками третьего отделения второго класса писались конспекты на имеющий быть пробный урок по образцу типичного в образцовой школе. Конспекты рассматривались преподавателем дидактики и исправлялись. После поправки конспектов избирался один из учеников, который и давал урок применительно к написанному конспекту. Данный учеником урок разбирался в первую же переменную всеми учениками, для чего последние во время этого урока ведут запись положительных и отрицательных качеств урока» [10, л. 11]. Такая организация позволяла избежать пассивной роли учащихся в обучении, обязывая всех ответственно подходить к подготовке к практическим занятиям. Каждый ученик должен был выдать пробные уроки по закону Божьему, славянскому и русскому языкам, арифметике и чистописанию. Число выданных уроков каждым учеником варьировало от 1 до 4 по каждому предмету. В некоторых случаях воспитанники давали уроки по церковному пению [10, л. 50].

По инициативе Г. Я. Маляревского с 1901 г. во всех второклассных школах Тобольской епархии были введены дежурства в образцовой школе, начиная со среднего отделения второго класса, дополнены занятия по дидактике ознакомлением с учебниками, предложенными для изучения в одноклассных школах [11, л. 63–64; 12, л. 5]. Цель нововведения заключалась в более полном ознакомлении воспитанников с деятельностью учителя начальной церковной школы. В течение таких поочередных дежурств они наблю-

дали за ведением урока, помогали учителю поддерживать дисциплину и следить за выполнением самостоятельных работ учащимися, проверяли их, давали «открытые» уроки в присутствии законоучителя и учителя образцовой школы [10, л. 50; 13, л. 71]. Подобная практика сполна себя оправдала, что подтверждают отзывы наблюдателей о выпускниках второклассных школ, работающих по профессии. Как отмечалось в одном из отзывов: «по Закону Божию, пению и прочим предметами занимается Евлампий Константинов, из окончивших курс Бердюжской второклассной школы, правоспособный. Дело ведет весьма хорошо, так что первый класс Устьламенской двухклассной школы является одной из лучших школ в епархии» [13, л. 19].

Большое внимание в образовательном процессе второклассных школ уделялось воспитанию. Религиозный характер воспитания детерминировался принадлежностью второклассных школ к духовному ведомству. Распорядок дня в общежитиях во всех школах был строго канонизирован: начинался день с утреннего чая и общей краткой утренней молитвой, затем с прерыванием на завтрак следовали классные уроки из обязательной части программы до обеда. Время после обеда отводилось на уроки вариативной части программы, например, в мастерских. После занятий – вечерний чай и вечерние уроки, заключающиеся в выполнении домашнего задания, в ходе которого учащиеся могли обратиться за помощью к учителю. Заканчивался день ужином и общей вечерней молитвой. Таким образом, большую часть времени учащиеся находились под наблюдением дежурного учителя, что позволяло выявлять их дурные привычки и наклонности и предпринимать шаги по их устранению.

В подготовке будущих учителей церковных школ стояла задача привить учащимся культуру поведения, духовно-нравственные ценности и идеалы православной церкви, любовь к царю и отечеству. Для ее достижения устраивали литературные вечера, совместные прогулки, привлекали воспитанников к пению во время богослужения. В некоторых школах региона (Колываньской, Коркинской) были организованы школьные хоры. Был случай, когда священник по болезни не смог выполнять своих обязанностей в храме и за него добровольцем вызвался один из учеников. Большое значение в организации воспитательного процесса отводилось чтению. В школах устраивали праздничные народные чтения, на которые приглашали жителей села, или камерные воскресные чтения, проводимые только для учеников. Совет школы определял темы чтений, материалом служили книги и статьи религиозно-нравственного, исторического, назидательного содержания, одобренные училищным советом при Святейшем синоде. Духовенство на протяжении существования второклассных школ предпринимало меры по улучшению школьных библиотек, увеличению книг для внеклассного чтения.

Особое место в воспитательной системе школы занимало трудовое воспитание, которое осуществлялось через организацию вариативной части учебной программы. Второклассная школа, в отличие от других профессионально-педагогических учебных заведений, не должна была оторвать воспитанников от крестьянского труда, а наоборот, поддержать интерес к ремеслам и интенсификации сель-

ского хозяйства в регионе. «Продолжительное отсутствие в школе физического труда тоже вредно влияет на учащихся, вследствие чего книга как бы противопоставляется сохе, но это устраняется в церковных второклассных школах обязательными занятиями хотя бы по одному какому-либо отделу сельского хозяйства и тем воспитанием и направлением, какое юноши получают в этих школах» [2, л. 20а]. Благодаря ориентации на интересы и нужды местного общества школы заслужили поддержку со стороны крестьянского населения. В женских школах преподавалось традиционное рукоделие, преподавание ремесел (токарного, столярного, малярного) было характерно для мужских школ. На содержание ремесленной подготовки влияли природные, экономические факторы региона.

Но, как показывают изученные нами архивные материалы, в большинстве школ Западной Сибири основы ремесел не преподавали последовательно и непрерывно. Но были и исключения из правил, в 1912 г. в Коркинской школе Туринского уезда воспитанников среднего и старшего отделения обучали столярно-малярному ремеслу по четыре урока в неделю продолжительностью 2 часа. В ходе занятий ученики изготовили столы, табуреты, шкафы, ящики, полки и другие предметы обихода. От продажи некоторых из них было выручено 30 рублей. «Ученики настолько освоились с работами, что двое из них взяли на лето школьный ремонт – поправку парт, окраску их мастерской за цену приблизительно в 60 рублей» [14, л. 13–14]. В других школах вели отдельные занятия по садоводству, сельскому хозяйству, переплетному мастерству и пчеловодству. Иногда именно школы выступали пионерами новых для региона ремесел. Так, благодаря занятиям в Зырянской второклассной школе Тобольской епархии пчеловодство распространилось за пределы Тюменского уезда. «Первый же выпуск учителей дал опытных и сведущих пчеловодов, которые могли бы при случае приложить свои знания по уходу за пчелами, если бы к этому времени была осознана населением практическая пригодность этого ремесла, но только с 1901–1902 население стало заводиться пасеками и то после того, как наглядно убедилось в том, что этот промысел не требует больших расходов и не отнимает лишних рабочих рук» [15, с. 4]. В мастерской, открытой при этой школе в 1898 г., изготавливали деревянные ульи для школьной пасеки и для частных лиц, решивших заняться пчеловодством.

Подводя итоги исследования факторов, оказавших влияние на создание и деятельность второклассных школ в Западной Сибири, можно сделать вывод о том, что второклассные школы, являясь частью социокультурного пространства, испытывали на себе влияние территориальных, материальных, социально-экономических и культурных характеристик западносибирского региона. Это отразилось на всей организации образовательного процесса, практикоориентированном характере обучения, которое находилось в тесной связи с воспитанием. Второклассные школы, в отдельных случаях сами активно влияли на развитие отдельных сторон региональной жизни через приобщение жителей к русской культуре, являлись источником православного просвещения многонационального населения далекой окраины.

1. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И61. Оп.1. Д. 91.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 146. Оп. 44. Д. 370.
3. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И61. Оп. 1. Д. 25.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 489.
5. ГАТО. Ф. 146. Оп. 1 Д. 4.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И61. Оп. 1. Д. 1.
7. Малярявский Г. Я. Живая вода знания. Очерки. Статьи. Заметки / сост. Т. И. Солодова. Тюмень: Истина, 2012. 100 с.

8. Чуркина Н. И. Становление педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX– 1919 год): дис. ... д-ра пед. наук, Омск, 2012.
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И61. Оп. 1. Д. 72.
10. Там же. Д. 119.
11. Там же. Д. 229.
12. Там же. Д. 38.
13. Там же. Д. 64.
14. Там же. Д. 120.
15. Двадцатипятилетие церковных школ в Тюменском уезде // Сибирская торговая газета. 1909. № 260.

© Костина Е. А., 2016

УДК 93 (091)

М. К. Чуркин
M. K. Churkin

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА XVI СТОЛЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

В статье, на материалах опубликованных источников личного происхождения и официального делопроизводства, выявляется зависимость принципов и моделей внешней политики Московского централизованного государства от легитимности царской власти в продолжение «долгого» XVI века. Определено, что включенность Московии в систему международных отношений обеспечивалась признанием правомочности и законности царской власти на внутренней арене, репрезентируемой во внешнеполитическом и дипломатическом дискурсе. В ходе исследования, установлено, что полномасштабная легитимность московских царей, подкрепленная легендарной традицией, транслировалась во внешнеполитическую сферу, формируя экспансионистскую модель международных отношений. Дефицит легитимности, напротив, инициировал мирную политику, способствовал становлению практик компромиссной дипломатии.

Ключевые слова: легитимность, внешняя политика, внутренняя политика, дискурс, царская власть.

FOREIGN POLICY OF THE MOSCOW CENTRALIZED STATE OF THE 16th CENTURY IN THE CONTEXT OF THE LEGITIMACY OF ROYAL POWER

The article, based on published materials of personal sources and official records, reveals the dependence of the principles and models of the foreign policy of the Moscow centralized state on the legitimacy of royal power in the continuation of the “long” sixteenth century. It is determined that the inclusion of Moscovia in the system of international relations was provided by the recognition of the validity and legitimacy of royal power in the domestic arena, represented in foreign policy and diplomatic discourse. The study established that the full legitimacy of the Moscow tsars, supported by legendary tradition, was transmitted into the external political sphere, forming the expansionist model of international relations. Lack of legitimacy, on the contrary, initiated a policy of peace and contributed to the emergence of practices of compromise diplomacy.

Keywords: legitimacy, foreign policy, domestic policy, discourse, royal power.

Венгерский историк Д. Свак, заключая протяженность «долгого» XVI века в хронологические параметры 1480–1613 гг., констатирует в качестве главных признаков российского исторического процесса – формирование единого централизованного государства и окончательное оформление самодержавной царской власти. По замечанию исследователя, в ходе XVI столетия власть монарха и само государство «болезненно гипертрофировались» из-за выхода на передний план внешней функции государства [1, с. 14–15]. Данное утверждение по смыслу в полной мере согла-

суется с выводом В. О. Ключевского о России как «разросшимся уделом великих князей московских» [2, с. 122].

Очевидно, что растянувшийся на несколько столетий (XIV – начало XVI вв.) процесс объединения русских княжеств вокруг Москвы и стягивание их в единый узел окско-волжского междуречья способствовал формированию особой модели государственности, в которой идеология и система общественных отношений изначально были организованы по милитаристским лекалам и подчинялись сугубо внешнеполитическим задачам. В создании такой модели, в которой опорой княжеской власти выступал военно-служи-

лый класс, приоритетная роль однозначно принадлежала политической воле государства, являвшегося верховным землевладельцем, а свободные и приобретаемые территории становились гарантом стабильности государственной власти и общественных отношений.

Совершенно не случайно, что в истории России именно XVI век стал временем мучительного выбора основных траекторий внешнеполитического курса Московского централизованного государства. Этот курс приобретал то отчетливый восточный вектор, то разворачивал военно-государственную машину на запад, совпадая или диссоциируя с общими процессами колонизации.

В связи с внешнеполитической деятельностью Московского централизованного государства в XVI столетии, необходимо учитывать два существенных обстоятельства.

Во-первых, внешнеполитическая активность Московии в этот период, проявившаяся в ведении регулярных военных кампаний и дипломатических миссиях на западе и северо-западе (Литва, Польша, Ливонский орден, Швеция), северо-востоке и востоке (Печера, Пермский край, Сибирь), юго-востоке (нижнее Поволжье), не могла оставаться частным делом московских государей, вольно или невольно включая Московское централизованное государство в европейский политический дискурс и систему международных отношений.

Во-вторых, становление Московского централизованного государства в XVI столетии сопровождалось долгим и мучительным выбором внутренней национальной идеологии, ожесточенным противоборством религиозно-политических партий в вопросе природы, содержания и статуса царской власти, определения границ и признаков ее легитимности. «Метастазы» данного противостояния неизбежно накладывали отпечаток на ситуацию во внешней политике, определяя одни ее направления в качестве приоритетных и видоизменяя или исключая другие.

По нашему мнению, вопрос о происхождении, природе и легитимности царской власти, став во второй половине XV–XVI вв. важной составляющей частью национального политического дискурса, являлся действующим агентом, определявшим не только характер взаимоотношений Московского централизованного государства с остальным миром, но и принципы организации собственного общества, формат контактов между народом и властью.

Напомним, что в этот период, отмеченный рядом катастрофических событий (падение Константинополя в 1453 г.), европейские государства пребывали в напряженном поиске той военно-политической силы, которая могла бы защитить Европу от новых «варваров» (турки-османы), распространивших свое владычество на большую часть Балканского полуострова. Наиболее привлекательным претендентом на выполнение этой миссии, с точки зрения европейских религиозных философов и политиков, являлась Московия, создавшая в восточной части Европы мощное централизованное государство и добившаяся к концу XV века серьезных успехов на международной арене, в том числе политической и финансовой независимости от Золотой Орды. Рубеж XV–XVI вв. – время интенсивных дипломатических контактов Московии с крупнейшими европейскими державами. В процессе этих контактов европейские путешест-

венники и дипломаты (С. Герберштейн [3], Дж. Флетчер [4], А. Олеарий [5] и др.) не только фиксировали сведения о государстве Московском, его социальном строе и повседневной жизни населения, но и реализовывали вполне конкретные политические задачи, в числе которых – предложение Ивану III (1462–1505) королевского титула и возможности заключения брака с византийской принцессой Софьей Палеолог.

Опуская многочисленные подробности и детали, ставшие предметом дипломатических обсуждений Московии и европейских держав, отметим, что в результате подобных контактов произошли важные перемены в сознании московских великих князей и государей. Не приняв королевский титул, поскольку данный акт ставил Ивана III и его потомков в зависимость от главы католической церкви, московский государь твердо усвоил формулу: «Королевское достоинство является иноземным» [6, с. 42]. Во многом поэтому Иван III наитием и оцупью, а его преемники все более твердо и последовательно погружались в состояние поиска таких образцов власти, которые уравнили и даже возвысили бы их над другими правителями. Основным результатом этой идейной работы стало венчание государя с Софьей Палеолог, сделавшее Ивана III наследником византийского цезаропапизма, а также утверждением при Василии III (1505–1533) концепции «Москва – третий Рим», обосновавшей иноземную логику происхождения власти князей и государей дома Рюриковичей. Кроме того, следствием вышеперечисленных событий, стал долгосрочный союз государства и церкви в важнейших политических вопросах, в ходе действия которого церковная организация стремительно впадала в зависимость от светской власти.

В данном отношении весьма показательной является как идейная работа, проводимая церковными лидерами вокруг проблемы природы царской власти, так и рефлексия самой власти на некоторые теоретические обоснования, представленные в церковном дискурсе. В частности, Иван Грозный (1533–1584), признавая правомерность суждений Иосифа Волоцкого о дуальности царской природы (телом подобен человеку, а властью – Богу), полагал, что ему как «помазаннику Божьему» подвластны и души подданных. Вследствие такой коррекции делался важный вывод, совершенно с которым, царь – благочестивый пастырь, охраняющий и карающий, а государство – его вотчина. При этом иные теории, в частности Максима Грека о «супротивности» государя, нарушившего Божьи заповеди, категорически отвергались.

Своеобразным маркером легитимности в эпоху Московского централизованного государства становилась сфера внешнеполитических отношений. Именно международная (европейская) арена являлась сценой, на которой происходила демонстрация всего масштаба власти московского государя, причем внешнеполитический дискурс московских правителей наглядно демонстрирует, что осознание носителями власти своей законности и правомочности внутри страны настойчиво и методично транслировалось и в область международной политики, выполняя функцию важного дипломатического приема. В такой ситуации московские цари (Иван Грозный), представляя державу, старались максимально использовать арсенал легенд и мифов, позволя-

ющих отстаивать значимость российской государственности перед представителями других держав, особенно в тех ситуациях, когда их дипломатические оппоненты не могли убедительно доказать степень «древности» собственных венценосных правителей. В тех же ситуациях, когда природа происхождения чужих монархий была высокой и бесспорной, подвергались критике ограничения полномочий европейских правителей. Данные мотивы, например, явственно проступают в дипломатических посланиях Ивана Грозного шведскому королю Юхану III, Стефану Баторию, английской королеве Елизавете I. Элоквенция этих служебных эпистолярный весьма показательно и рельефно отражает амбициозность московского государя, обусловленную высоким происхождением, а также обоснованность его внешнеполитических притязаний: «...Ты (*шведский король*) пишешь свое имя впереди нашего – это неприлично, ибо нам брат цесарь римский... а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств... А это истинная правда, а не ложь, что вы мужичий род, а не государский... хоть отец твой и мать венчаные, но предки то их на престоле не бывали... А Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее Бог даст...» (7, с. 120–127); «Ты вот (*Стефан Баторий*) называешься прусским, а в Пруссии свой князь, и ты принимаешь от него присягу – стало быть Пруссия не твоя?... Грамоту эту мы запечатали своей большой печатью, чтоб ты знал, какое государство поручил нам Бог...» (7, с. 205–217); «Мы думали, что ты (*английская королева Елизавета*) в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые... Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица» [7, с. 106].

Таким образом, можно говорить о том, что природная принадлежность к титулу венценосной особы, подкрепленная легендарной традицией, вкупе с переосмыслением «государева назначения» самим политическим лидером, создавала завершённый концепт полной легитимности московского правителя. Легитимность государя, зафиксированная в титулах и легендах о божественном происхождении и вотчинном содержании царской власти на Руси, оказывала непосредственное воздействие на выбор внешнеполитического курса, а также агрессивную манеру поведения московского правителя на международной арене.

Совершенно в ином ключе репрезентировались и реализовывались на практике принципы внешней политики Московского централизованного государства в условиях частичной легитимности государя, вызванной обстоятельствами, связанными с пресечением царствующей династии. Показательно, что первые признаки реформирования международных отношений обнаружились еще в период правления сына Ивана Грозного и законного наследника Федора Иоанновича, когда вопрос о легитимности государя не был актуализирован, но приватно затрагивал сферу престолонаследия. До Федора Россия не знала практики передачи престола по женской линии, однако подобные прецеденты были уже известны в Европе. В XV веке Польшей правила королева Ядвига, а в Англии XVI столетия – незамужняя королева Елизавета. Российский опыт оказался неудачным по причине смерти

дочери Федора Феодосии в малолетстве, однако общество в известной степени оказалось подготовлено к переменам, и сам факт завещания престола Федором супруге Ирине, не вызвал протеста в русском обществе. Столь же ровно был воспринят отказ Ирины Федоровны от правления, а также избрание на царство Бориса Годунова [8, с. 11–38].

Династический кризис, контурно проявившийся после смерти Ивана Грозного и ставший реальностью с кончиной единственного законного наследника – царя Федора Иоанновича в 1598 г. открыл перспективы для широкоформатного дискурса о легитимности правителя, привел к существенным переменам в сфере социально-экономической и культурной жизни Московского централизованного государства, отразился на внешнеполитическом дискурсе и дипломатических практиках. С избранием Бориса Годунова на царство в 1598 г. с особой остротой встает проблема дефицита легитимности правителя, обратной стороной которой становятся действия, направленные на реформирование социально-экономической сферы, что неизбежно сказывалось и на внешнеполитической обстановке. Обстоятельства, при которых Борис Годунов взшел на царский престол, ставили его в условия активной внутригосударственной деятельности. Согласно выводам Э. Каррер д'Анкокс, «Борису нечем было легитимировать свое восшествие на престол... Борис придал утверждению своей кандидатуры неожиданные черты народного плебисцита...» [9, с. 108–109]. Разоренные в период опричнины центральные территории страны требовали срочного экономического восстановления, а отток населения из центра на окраины создавал ситуацию социальной нестабильности. В сложившихся условиях династические предпочтения уступали место инстинкту самосохранения, а существовавшая реальная угроза самому царствованию востребовала государя деятельного. Легитимность при этом отступала на задний план. Острая потребность в привлечении капиталов, направляла Бориса Годунова к принятию мер для поддержания и развития торговли и промышленности, к числу которых относилась широко распространявшаяся практика предоставления торговых льгот иностранцам, приглашения известных европейских промышленников. Такая работа проводилась при непосредственном использовании дипломатических каналов, что привело к восстановлению отношений с европейскими державами [8, с. 21–33]. Возобновление контактов с Западной и Восточной Европой, в свою очередь, ставили Бориса Годунова в условия, при которых реализация курса на модернизацию страны должна была соответствовать существующим «мировым» стандартам правопорядка.

Следует сказать, что Б. Годуновым в отношении западных держав в начальный период царствования был избран принцип нейтралитета, способствовавший переносу акцентов внешней политики в сторону решения крымского вопроса и, как следствие, укреплению южных демаркационных линий Московского государства. Открытие Архангельского порта становилось притягательным моментом в организации торговых сношений с Англией, Голландией и Францией, расширении экспорта и импорта товаров.

Однако внешнеполитический курс Бориса Годунова, ориентированный на Европу и начатый с целью преодоления

дефицита легитимности, в скором времени был свернут. Совершенно очевидно, что избранная царем модель управления государством и выработки основ внешней политики могли быть эффективны только в условиях относительно спокойного развития событий. Объективным препятствием для пролонгации избранного курса стали неурожайные 1601–1602 гг., вызвавшие страшный голод, непосильный в условиях страны, разоренной опричниной. Одним из кризисных факторов, становится процесс расширения зон высокой социальной турбулентности, формирование на окраинах страны социально мобильных групп, готовых поддержать любую оппозицию государю. В сложившейся кризисной ситуации вновь на первый план выходит проблема царской легитимности, обостренная возникновением феномена самозванства. Нельзя не признать справедливым высказывание о самозванце историка В. О. Ключевского: «...он был только испечен в польской печке, а закован в Москве» [10, с. 30].

Главным следствием правления Годунова, прерванного его внезапной кончиной 13 апреля 1605 г., явилось отсутствие прочных связей и системы взаимоотношений с подданными, которые устанавливались рюриковичами в течение нескольких столетий. В итоге специфика политических отношений стала главным фактором, остановившим экономические и социальные реформы, воспрепятствовавшим выходу России на европейскую арену.

Царствование самозванца Лжедмитрия I (1605–1606) с точки зрения организации отношений на международной арене можно рассматривать как модель, в которой внешнеполитические контакты являлись фактором поддержания легитимности правителя.

Приход к власти Лжедмитрия I и венчание на царский трон стали следствием удачно сложившихся политических обстоятельств: дефицита легитимности первого избранного царя Бориса Годунова, а также широкой поддержки со стороны населения окраин, чье сознание являлось наиболее восприимчивым к манипуляциям в условиях информационного вакуума. По мнению Д. Свака, в 1605 г. в Московском централизованном государстве произошла «перемена мест легитимного и нелегитимного царя» [1, с. 107]. В рамках острого гражданского противостояния, разворачивавшегося в условиях вынужденной утраты династических ориентиров, самозванческая легенда не нуждалась в доказательствах. Самозванцу достаточно было декларировать, что он спасся и является законным наследником Ивана IV [1, с. 115].

В подобной ситуации Лжедмитрий I получал от всех сословий своеобразный кредит доверия, что развязывало ему руки в деле организации управления, выработки внутреннего курса и внешнеполитической программы. Наиболее сложным моментом в период царствования самозванца стала проблема выбора. Провозглашая себя сыном Ивана Грозного, Дмитрий должен был отказаться от тех политических идеалов, носителями которых он в реальности являлся, но социальная ситуация в стране, вкупе с экономическим кризисом, требовала принятия противоположных решений. Первые мероприятия государя, в сущности, являлись материализацией его истинных политических взглядов: европеизирован дворцовый обиход; объявлена свобода торговли, промыслов и ремесел; открыты грани-

цы. В то же время, отмеченные выше деяния, представляли опасность для правителя, поскольку вызвали в обществе устойчивые ассоциации его политики с деятельностью Бориса Годунова.

В этой связи в правление самозванца возникает весьма серьезное противоречие: политическая ориентация на европейские стандарты и потребность во внешней, в том числе финансовой, поддержке амортизируется объективной потребностью «вписываться» и ответственно относиться к традициям, содержанием которых Лжедмитрий не мог пренебречь. Короткое правление Лжедмитрия I показало, что в действительности он ответственно носил «шапку Мономаха», искренне верил в «богоданную» власть, что объективно помешало ему ясно взглянуть на свои возможности и реально оценить ситуацию. Попытки действовать в соответствии с русской «квазипарламентской» практикой: «царь указал, бояре приговорили», амортизировались пропорционально растущим фактором польского присутствия в России и вызвали явное недовольство со стороны боярской аристократии, что вылилось, в конечном счете, в «разоблачение» самозванца и привело к его гибели.

Подводя общий итог, отметим, что легитимность московских правителей оказывала воздействие на выбор внешнеполитического курса Московского централизованного государства, определение союзников и противников на международной арене, а также стиль и манеру дипломатического дискурса. Вместе с тем направления и содержание внешней политики являлись проявлением полноты или дефицита легитимности государей. В обстоятельствах социальных и политических конфликтов XVI столетия вырабатывались основные модели коммуникативных связей с внешним миром, ориентированные не столько на существовавшие конвенции и нормы международных отношений, сколько обусловленные внутренней ситуацией и реальным статусом московских властителей.

1. Свак Д. Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2010. 176 с.
2. Ключевский В. О. О русской истории: сб. М.: Просвещение, 1993. 576 с.
3. Герберштейн С. Московия. М.: Аст-Астрель, 2007. 703 с.
4. Флетчер Дж. О государстве русском. М.: ЗАХАРОВ, 2002. 168 с.
5. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М.: Русич, 2003. 246 с.
6. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
7. Иван IV Грозный. Сочинения. СПб.: Азбука-классика, 2007. 256 с.
8. Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М.: Омега-пресс, 2007. 524 с.
9. Каррер д'Анкокс Э. Русская беда: Эссе о политическом убийстве. М.: РОССПЭН, 2009. 527 с.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 414 с.

© Чуркин М. К., 2016

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО УЧЕНИЯ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ (КОНЕЦ XIV–XV ВВ.)

Показано формирование представлений русских книжников о сущности и характере царской власти в конце XIV – XV вв. Рассматривается эволюция идеи царской власти, распространение употребления царского титула по отношению к московским князьям в источниках церковно-религиозного и религиозно-политического характера. Исследуется расширение значения и изменение характера употребления царского титула московских князей.

Ключевые слова: идея царской власти, публицистика, репрезентация образа царской власти, православно-византийские традиции.

В средневековой России учение о царской власти, пройдя ряд этапов развития, приобрело завершённый вид к середине XVII в. В настоящей работе на основе исторического, литературного, дипломатического и политического контекста мы предпримем попытку выделить и охарактеризовать ключевые этапы формирования учения о царской власти в конце XIV–XV вв.

Первый этап – конец XIV начало XV вв. В данный период отрицается тезис «один только царь во вселенной». Как известно, в конце XIV в. московский князь Василий I Дмитриевич запретил русскому митрополиту поминать имя греческого императора на церковной службе со словами «мы имеем Церковь, а царя не имеем и знать не хотим». В 1393 г. константинопольский патриарх Антоний IV отправил послание Василию I, в котором подверг критике его запрет «помянуть божественное имя царя в диптихах». Попутно, патриарх изложил византийскую религиозно-политическую модель мироустройства, в которой за византийским императором закреплялось значение светского главы всех христиан – «один только царь во вселенной». «Ты... хочешь дела совершенно невозможного, – увещевает великого князя патриарх. – На всяком месте, где только имеются христиане, имя царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами. Невозможно христианам иметь церковь и не иметь царя... Если и некоторые другие из христиан присваивали себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противуестественное, противозаконное, более дело тирании и насилия (нежели – права)» [1, стб. 272, 274].

Поводом для формирования такой позиции в Москве послужили, во-первых, теряющая свое военно-политическое могущество Византийская империя, во-вторых, непоследовательная политика византийских императоров в церковно-религиозных вопросах, в-третьих, возрастающая роль Московского княжества на Руси. Москва предлагала Константинополю пересмотреть роль и значение Московского княжества в «наднациональной общности христианских государств, центром которой был Константинополь» [2, с. 61–62]. Санкционировав брак своего сына Иоанна,

AT THE ORIGINS OF FORMATION OF THE OLD RUSSIAN DOCTRINE OF ROYAL POWER (THE LATE 14TH AND 15TH CENTURIES)

The formation of ideas of Russian scholars about the nature and character of royal power in the late 14th and 15th centuries is showed. The evolution of the idea of royal power and the spread of the use of the royal title towards Princes of Moscow in the sources of religious and religious-political nature are discussed. The author investigates the extension of meaning and the change of nature of the use of the royal title of Princes of Moscow.

Keywords: idea of royal power, journalism, representation of the image of royal power, Orthodox Byzantine traditions.

ставшего позднее императором Иоанном VIII Палеологом, с дочерью Василия Дмитриевича Анной, византийский император фактически признал возросшую роль московских государей.

Второй этап – первая половина XV в. В настоящий период утверждается тезис: византийский император – покровитель «греческого» православия, московский князь – покровитель православия русских земель. Данная мысль была направлена не против византийского императора, а работала на возвышение авторитета власти московских князей в «политическом пространстве» русских земель. Если в начале XV в. игумен Белозерского монастыря Кирилл именуется Василия I и его братьев властителями, «своим людям от Бога поставленными» каждый на своем княжении [3, с. 21–22; 4, с. 26], то к середине XV в. великое княжение объявляется русскими иерархами «богодарованным» только московским князьям [5].

Данная политическая линия получила развитие в «Послании московского великого князя Василия II Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану II» (1441 г.). В послании русские книжники удрежняли историю употребления царского титула на Руси, ведя ее от прародителей московских князей – князей киевских. Не называя прямо Василия Васильевича царем, идеологи русской государственности наделяли царским титулом князя Владимира Святославовича, от которого в «...рустей земли... вси в купе, святое крещение восприимут...», точно так же, как «...истиннаа православнаа христианскаа и непорочна вера... возрасте в Царьствующем... граде, в отечестве святого царя греческого, от... великого царя Константина» [6, стб. 527–530]. Князь Владимир наделен царским титулом не в качестве заслуги за то, что крестил Русь, а наоборот, крещение Руси произошло благодаря царскому достоинству Владимира Святославовича. Князь Владимир, «царь русския земли», выступает в послании как бы «младшим братом» Константина Великого, «самодержца всея вселеннаа». Это косвенно подтверждается и тем, что митрополит после крещения Руси появляется

в русских землях из Константинополя, но князь Владимир «взывает... на русскую землю митрополита», т. е. совершает волевой акт, а не просто принимает, послушно следуя чужой воле. В свою очередь, Василий Васильевич предстает в послании как царь именно потому, что выполняет те же церковно-политические функции, что и князь Владимир Святославович, и Константин Великий, способствует сохранению «древлего благочестия».

Титулование обоих государей – византийского императора и киевского великого князя – царями позволяет предполагать, что автор послания преследовал одну из целей – убедить адресатов в существовании политического равноправия сторон в период Киевской Руси [6, стб. 525–527].

В другом месте послания автор искренне недоумевает: «нашего прошения не приали, ни грамотам нашим, ни послу нашему, ни нашим посланным с ним словесемь не вняша, того нам епископа Иону на митрополию не поставили, и тому есмь не в мале подивились, что ради сие к нам таково бысть...» [6, стб. 530].

В этих строках Москва выражает Константинополю свое недовольство по поводу поставления Исидора на русскую кафедру вместо рязанского епископа Ионы. Прибытие Исидора в Москву описано как приход непрошеного гостя: «о ком ни послахом, ни паки кого просихом, ни требовахом, – того к нам послаша» [6, стб. 530]. Лишь верность «изначальному» христианству, «моление» императорского посла, патриаршее благословение, а также «сокрушение и многое покорение и челобитие» самого Исидора заставили принять его. Данный фрагмент послания может служить иллюстрацией отношения в Москве к религиозно-политическим прерогативам византийского императора и константинопольского патриарха. По сути, попытка обосновать избрание в митрополиты епископа Иону «по воле» великого князя имманентно содержит в себе и цель обоснования высокого религиозно-политического статуса московских князей.

В «Послании московского великого князя Василия II Васильевича императору Константину XI Палеологу» (июль 1451 г.) московская религиозно-политическая мысль идет еще дальше. После окончательного утверждения Василия II на великом княжении и признания Литовской радой и польским королем Казимиром IV прав Ионы на «столець митрополичь киевский и всея Руси» [7, стб. 563 – 565; 8, стб. 565 – 570] Василий II мог уверенно писать в Константинополь о поставлении митрополита Ионы. В послании Константин Палеолог назван «царем и самодержцем греческого скипетра», в то время как Василий Васильевич – «сват святого ти царства, великий князь московский и всея Руси» [9, стб. 575, 576]. Слово «сват» в данном контексте имеет двойное значение: во-первых, указывает на родственные отношения (имеется в виду брак Анны Васильевны и Иоанна Палеолога), во-вторых, на языке дипломатии того времени термин «сват» может означать претензию на тождественный церковно-политический статус обеих сторон. В результате Константин Палеолог превращается в «самодержца греческого скипетра». Знак тождества церковно-политических статусов русского и византийского государей выводится в послании из церковно-религиозной сферы. Каждый государь в пределах границ своей державы одинаково выступает верхов-

ным покровителем Русской и Константинопольской церковей соответственно: «...восприял еси свой великий царский скипетр, свое отечество, в утверждение всему православному христианству ваших держав (обращение к императору) и нашим владетельствам русские земли, всему нашему благочестию в великую помощь» [9, стб. 577]. Согласно авторскому замыслу, происходит разделение сфер церковной юрисдикции.

После эпизода с митрополитом-отступником, принесшим на русскую землю «папины листы» с «осьмого собора», русская сторона уже не сомневается в том, кто является попечителем православия в русской земле. «Мы же убо худии, Богом наставляеми, ни в чтоже вменихом его (Исидора), и принесенное им злочестие отвергохом, ...от того же... времени попечение начахом имети о своем православи...» [9, стб. 581], – написано в «Послании императору Константину Палеологу» от имени великого князя.

В послании митрополита Ионы к киевскому князю Александру Владимировичу (январь 1451 г.) Василий II Васильевич назван «благородным, благоверным, благочестивым, христоролюбивым» великим князем, который «...поборая по Божьей Церкви... и по всем православном христианстве и по древнему благолепию...» [10, стб. 557–559]. Непоследовательная церковная политика Константина XI иногда давала основания русским церковно-политическим деятелям думать о Русской православной церкви как о «всем православном христианстве».

В «Послании Российского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу» (29 декабря 1447 г.) и «Окружной грамоте митрополита Ионы (о измене и наветах князя Дмитрия Юрьевича...» (конец 1448 г.) [11] великокняжеский титул объявляется «богодарованным» только московским князьям. Стремления Дмитрия Шемяки стать великим князем находят порицание со стороны духовенства: «...паки Бог своею милостию князя великого из поганьства свободил... и как пришел на свое государство, и тебе (Д. Ю. Шемяку. – М. Ш.) дьявол на него вооружил желанием самоначалства, разбойнически... изгонити его, на крестном целовании; и сотворил еси над ним не меньши прежнего братоубийцы Каина и окаянного Святополка»; «А божию благодатию и неизреченными Его судьбами, брат твой старейший князь великий опять на своем государстве понеже кому дано что от Бога, и того не может у него отнять никто; ему же бо когда Бог помогати восхощет, и человек того озлобити не может»; «...смоем рещи, ослепила тя... (Д. Ю. Шемяку. – М. Ш.) душевная слепота, возлюблением временная и преходящая... поимал ни во что же бывающая чести и славы княженья и начальства, еже слышатися зовому и именовану быти князем великим, а не от Бога дарованного?»; «И ты бы, господине (обращение к Д. Ю. Шемяке. – М. Ш.), и Бога ради и нашего для к тебе моления, а и своео для души и своего для христианства, не высказывал на себе высокомысльства, ни гордости начальства, еже ти что не богодаровано» [5, с. 77–78, 82]. Параллельно митрополит Иона под страхом церковного отлучения призвал правительственные круги и все слои населения покориться Василию II.

Есть все основания полагать, что после ослепления Василия Васильевича вокруг митрополита Ионы объеди-

нились все прогрессивные политические силы в борьбе за установление на Руси единовластия [12, с. 249–252].

Можно говорить о том, что перечисленными выше посланиями было положено начало утверждению исключительно высокого религиозно-политического статуса московских князей на Руси в глазах современников, некоторые из которых стали именовать Василия II в качестве похвалы «белым царем всеа Руси» еще при жизни.

Третий этап – 1450–1470-х гг., постулируется тезис – власть московских князей санкционирована Божьим Промыслом. В это время развернулась борьба за сферу церковной юрисдикции между московской митрополией и литовским митрополитом-«латынином» Григорием. Данное противостояние имело и политическую подоплеку: распространение церковной юрисдикции митрополита-униата на русские земли, не входившие в Польское королевство, грозило присоединением к его территории важных в экономическом и политическом отношении Новгорода и Пскова. Поэтому, когда Григорию подлогом и подкупом удалось добиться грамоты константинопольского патриарха, утверждающей его пастырскую власть над всеми русскими землями, в дело вмешался великий князь московский Иоанн III. От его лица в грамоте к новгородскому митрополиту Ионе указывалось на принятое в Москве решение о неканоничности притязаний митрополита Григория и действий константинопольского патриарха. От лица Иоанна III говорилось: «...кто будет нам люб, тот будет у нас на всей Руси, а от Риму митрополиту у нас не быти, мне не надобен» [13, стб. 709]. По мнению русской стороны, «греческое православие» «изрушилось» по причине того, что константинопольская церковь находилась «во области поганого царя». В послании великого князя в Новгород помещено двойное отрицание политических и религиозных претензий как со стороны католического Запада, так и со стороны униатствующего Востока. «Области поганого царя» турецкого султана противопоставляется «область истинного царя», московского князя. «Изрушевшемуся греческому православию» существует альтернатива – Русская православная церковь, низложившая митрополита-«латынина» Исидора, фактически высказавшая упрек Константинопольской церкви за попытку объединиться с Римско-католической церковью: «...а по Божию наших ради грехов попущенью, во царском граде стало в царях и в патриаршестве раздвоение и размышление...», «...царь не таков, а ни патриарх ни таков, иномудрствующе, к Латином приближающиеся» [10, стб. 557–559], и отрицающая церковно-религиозное униатство в любом его проявлении.

На данном этапе сакрализация власти московского государя проходит важный этап эволюции, теперь русскими митрополитами утверждалось, что великий князь – это «божий слуга», повиноватья которому – долг каждого христианина: «Всяк повинующийся власти, Божию повелению повинуется, а противящийся власти, Божью повелению противится» [14; 15].

Четвертый этап – 1480–1490-х гг. Во-первых, русской дипломатии удалось достигнуть признания будущим императором Священной Римской империи Максимилианом высокого статуса московских государей: в одном из посланий Иоанн III назван «государем всея Руси», «государем

русским» и «нашим любовным братом» [16, стб. 66, 70–71, 73]; во-вторых, митрополит Зосима провозгласил Москву «новым Константинополем», а великого князя – «новым Константином».

В первом случае стремление русских дипломатов добиться признания за московскими князьями титула царь/император, дает возможность утверждать, что учение о царской власти к рассматриваемому периоду пустило глубокие корни. Московская политическая элита осознала значение и силу дискурса царской власти как лейтмотив, позволяющий придать легитимный статус претензиям московских князей на право обладания всеми русскими землями, а также именоваться приемниками всего материального и духовного наследия, которое было связано с именем киевского князя равноапостольного Владимира Святославовича.

Во втором случае Московское государство провозглашается «спасительным христианским царством», а дальнейшие судьбы вселенского православия связываются с историческими судьбами России.

Итак, в конце XIV–XV вв. развитие учения о царской власти прошло четыре этапа. В конце XIV в. Москва перестала принимать положение о том, что «один только царь во вселенной». К середине XV в. идеологи царской власти провозгласили тождество церковно-политических функций византийских императоров и великих князей московских. Параллельно церковные иерархи стали именовать московских князей государями, которых «постави Дух Святый пасти людей Господня». Попытки удельных князей покуситься на великое княжение квалифицировались как проявление «самоначалства», «высокомыслства» и объявлялось смертным грехом. К 1470-м гг. на фоне падения Византийской империи и попыток Римско-католической Церкви утвердить в Киеве митрополита-униата в учении о царской власти появляется тезис – московский князь – «новый Владимир», духовный наследник киевского князя, объединяющий русские земли силой утверждения истины православного вероисповедания. Постулируется противопоставление московских князей, «христианских Государей Русских», «богом венчанных» и «богом утвержденных» православных «царей», польскому королю – «чужему Латынскому Государю», и хану Золотой Орды – «самозванцу», «хищнику», «богоборцу» и «разбойнику». И, наконец, если в начале и середине XV в. царский титул московских князей имел хождение по преимуществу в церковно-религиозной сфере, то к концу XV в. все чаще его употребление встречается в официальных документах, в том числе и дипломатической переписке с европейскими государями. Данная тенденция сочеталась с претензией князей включить в состав Московского государства те русские земли, которые находились под Польско-Литовским владычеством.

Все это в совокупности способствовало упрочнению религиозно-политического авторитета московских князей как независимых государей и на международной арене, и на территории русских земель, а также создавало надежные идеологические основания для решения дипломатических, политических и церковно-религиозных задач.

1. Его же (константинопольского патриарха Антония IV. – М. Ш.) грамота к великому князю Василию Дмитриевичу с известием о мерах, принятых против непокорных митрополиту новгородцев и с укоризною за неуважение к патриарху и царю // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. Приложения. № 40. Стб. 265–276.

2. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Изд-во «Индрик», 1998. 416 с.

3. Послание Белозерского монастыря игумена Кирилла великому князю Василию Дмитриевичу, о том, чтобы он примирился с Суздальскими князьями // Акты исторические, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 12. С. 21–22.

4. Послание Белозерского монастыря игумена Кирилла Можайскому князю Андрею Дмитриевичу // Акты исторические, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 16. С. 24–26.

5. Послание Российского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу // Акты исторические, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 40. С. 75–83.

6. Послание великого князя Василия Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. № 62. Стб. 525–536.

7. Грамота польского короля Казимира IV московскому митрополиту Ионе на управление киевскою митрополией // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. № 67. Стб. 563–566.

8. I) Послание митрополита Ионы к польскому королю Казимиру; II) его же послание к пану Михаилу Кезигайловичу III) посольские речи королю от имени митрополита – по случаю соединения киевской митрополии с московскою // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. № 68. Стб. 566–570.

9. Послание великого князя Василия Васильевича к греческому царю Константину Палеологу о поставлении митрополита Ионы // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. № 71. Стб. 575–586.

10. Послание митрополита Ионы киевскому князю Александру Владимировичу о поставлении своем в сан митрополита // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. № 66. Стб. 555–563.

11. Окружная грамота митрополита Ионы (о измене и наветах князя Дмитрия Юрьевича, с убеждением, чтобы сановники и народ отложились от него и покорились великому князю под опасением церковного отлучения) // Акты исторические, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 43. С. 86–87.

12. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. I. 759 с.

13. Послание великого князя Ивана Васильевича к новгородскому архиепископу Ионе, о том чтобы он не имел общения с киевским лжемитрополитом Григорием // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. № 100. Стб. 707–712.

14. Грамота митрополита Филиппа новгородцам (с убеждением их не отлагать от великого князя и не вступать в союз с королем Польским) // Акты исторические, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 280. С. 512–514.

15. Грамота митрополита Филиппа новгородцам (с убеждением их покориться великому князю и не изменять православной вере) // Акты исторические, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. № 281. С. 514–518.

16. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. СПб., 1851. Т. I (с 1488 по 1594 год). Стб. 66–82.

© Шевченко М. Н., 2016

ПЕДАГОГИКА

Атаманская К. И.

Компетентностный компонент профессионального имиджа социального педагога

Давкуш Н. В.

Особенности разработки индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста

Долецкая С. В.

Актуальность музейной педагогики для будущих учителей-историков

Домбровская И. И.

Лингвистическая компетенция как часть языкового сознания и способы оценки уровня ее сформированности

Заглодина Т. А.

Роль копинг-стратегий в профилактике профессиональной деформации специалистов по социальной работе

Макарова Н. С.

Проектирование основных профессиональных образовательных программ высшего образования на основе профессиональных стандартов

Мацько Д. С.

Экспериментальная работа как составляющая магистерской диссертации по методике преподавания иностранного языка

Некрасова Т. В.

Коммуникативная языковая профессиональная мобильность военного специалиста как условие успешности его компетенции

Федоров В. М.

Особенности интерактивных форм проведения занятий по экономическим дисциплинам в учреждениях среднего профессионального образования

Федяева Л. В., Дука Н. А., Диких Э. Р.

Новый взгляд на общественно-педагогическую практику

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИМИДЖА СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА

Статья посвящена рассмотрению компетентностного компонента профессионального имиджа социального педагога. Утверждается, что от сформированности данного компонента профессионального имиджа напрямую зависит успех всей деятельности специалиста. К компетентностному компоненту профессионального имиджа социального педагога автор относит педагогические способности, общие и профессиональные знания, умения и навыки, профессиональные качества.

Ключевые слова: имидж, профессиональный имидж, профессиональный имидж социального педагога, компонент, компетентность, компетентностный компонент профессионального имиджа.

Высокие темпы и глубина социально-экономических перемен, происходящих в последнее время в российском обществе, вызывают необходимость постоянного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков специалистов, что влечет за собой потребность в реформировании всей системы образования. Сейчас особенно остро стоит вопрос о разработке и применении на практике профессиональных стандартов, которые в обязательном порядке должны использоваться при разработке федеральных образовательных стандартов и программ профессионального образования. Особое значение при этом приобретает процесс подготовки будущих социальных педагогов, призванных быть лидерами и наставниками для современного молодого поколения. Ввиду этого актуализируется и проблема формирования профессионального имиджа будущего социального педагога. Именно профессиональный имидж выступает показателем профессионализма, культуры профессионально-педагогической деятельности, обеспечивающей профессиональную идентификацию, высокий уровень активности, нестандартности мышления, саморазвития личности будущего социального педагога.

Сегодня понятие «имидж» получило широкое использование в самых различных областях знания (политологии, социологии, экономике, психологии, педагогике и др.). Термин, который формировался в категориальном поле многих наук, интерпретировался в соответствии с их особенностями, целями и задачами, по своему объему и содержанию сегодня стал междисциплинарным.

Имидж – это образ-представление об объекте, сформировавшееся в психике (в сфере сознания и/или в сфере подсознания) людей (индивида) в результате прямого восприятия тех или иных характеристик объекта или косвенно, через мнение других людей, что влияет на их (его) мнение, поведение или действие по отношению к данному объекту.

В научной литературе содержание понятия «профессиональный имидж» («имидж профессии») раскрывается чаще

COMPETENCE COMPONENT OF THE PROFESSIONAL IMAGE OF THE SOCIAL TEACHER

The article is devoted to the competence component of the social teacher's professional image. The author emphasizes the fact that the success of all professional activities directly depends on the formation of this component of the professional image. According to the author, the competence component of the social teacher's professional image includes teaching abilities, general and professional knowledge and skills, professional qualities.

Keywords: image, professional image, professional image of the social teacher, component, competence, competence component of the professional image.

всего следующим образом: это представление о человеке как о специалисте, профессионале своего дела (В. Исаченко [1], Н. Чипиленко [2], В. Шепель [3]).

Как справедливо замечает Л. Семенова, правильно создать профессиональный имидж значит оправдать те ожидания, которые ждет общество от облика специалиста, т. е. выполнить социальный заказ [4, с. 21]. Так, в любой профессии есть свой так называемый «имидж-стандарт» – то, каким должен быть ее идеальный представитель. Если же говорить о социально-педагогической деятельности, то это деятельность, которая предъявляет к ее носителям особые требования. Эти требования касаются как уровня профессиональной компетентности, так и личностных качеств.

Имидж социального педагога можно рассматривать как систему образов, призванных оправдать ожидания клиентов. В каждом конкретном случае образ социального педагога имеет свою специфику и подстраивается под конкретную ситуацию, т. е. профессиональный имидж социального педагога выступает как непостоянная, переменная категория, имеющая свои особенности в определенных условиях [5, с. 53]. Имидж понимается и как форма жизненного проявления специалиста, с помощью которой он, активизируя личностно-деловые качества, профессионально и личностно «самоутверждается» [6, с. 8–9].

Итак, под профессиональным имиджем социального педагога понимаем целенаправленно созданный интегративный образ, соответствующий разнообразию ситуаций, месту и времени профессиональной деятельности социального педагога, обусловленный следующими компонентами: личностным, компетентностным, коммуникативным, поведенческим и визуальным.

Рассмотрим компетентностный компонент профессионального имиджа социального педагога. Под компетентностью обычно понимается совокупность систематических функциональных знаний и умений, а также соответствующих той или иной профессии личностных качеств, наличие которых

способствует эффективной профессиональной деятельности. Профессиональная компетентность – это интегрированное качество высокопрофессионального работника, одежающее его готовность решать поставленные задачи со знанием дела.

Рассматривая компетентность как высокую степень профессионализма, выделяем такие составляющие компетентностного компонента профессионального имиджа социального педагога: педагогические способности, комплексные знания, умения и навыки, профессиональные качества и самосовершенствование. Педагогические способности как способности к профессиональной деятельности социального педагога являются основой для приобретения комплексных знаний, формирования умений и навыков.

По нашему мнению, у социального педагога должны быть развиты следующие способности:

- перцептивные (умение проникать во внутренний мир другого человека, психологическая наблюдательность, связанная с тонким пониманием личности и ее временных психических состояний);
- организаторские (умение планировать свою деятельность, активизировать личность на саморазвитие, ориентироваться в сложной ситуации);
- прогностические (умения предвидеть последствия своих действий, умение прогнозировать развитие личностных качеств у клиентов);
- коммуникативные (способность устанавливать правильные взаимоотношения, создание определенных норм и правил поведения);
- рефлексивные (способность анализировать, делать соответствующие выводы);
- регулятивные (умение управлять собственными психическими процессами).

Таким образом, описанные способности как комплекс индивидуально-психологических свойств личности обеспечивают формирование теоретической и практической готовности социального педагога к профессиональной деятельности.

Следующей важной составляющей в структуре компетентностного компонента профессионального имиджа являются комплексные знания, умения и навыки социального педагога.

К профессиональным знаниям социального педагога необходимо отнести знания различных научных отраслей:

- психологические (о закономерностях возрастного и психологического развития личности, о личностных механизмах нарушения социальных связей);
- педагогические (о роли целенаправленных процессов социального воспитания полноценного члена общества из депривированной личности);
- юридические (о правовом статусе личности в обществе);
- медицинские (о социальных болезнях и их влиянии на жизнь, здоровье, социальную активность).

Необходимо акцентировать внимание на специальных компетенциях, соответствующих виду (видам) профессиональной деятельности социального педагога, к которым относим:

- готовность к реализации мероприятий по организации социально-педагогической поддержки и защиты прав детей и молодежи;

- владение технологиями профилактики конфликтов, организации бесконфликтного, толерантного межнационального и межкультурного взаимодействия, технологиями мультикультурного воспитания и социально-педагогической работы;

- готовность осуществлять социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания и развития детей и молодежи в разных образовательных и социальных учреждениях;

- способность к применению технологий социально-педагогической работы и проектирования социально-педагогических процессов с учетом специфики региона, сообщества, субъектов взаимодействия;

- владение методиками и технологиями правозащитной деятельности, умение применять нормативно-правовой инструментарий в процессе организации и осуществления социально-педагогической работы; представление интересов детей и молодежи;

- владение комплексным инструментарием социально-педагогического исследования, диагностики и мониторинга оценки положения людей, молодежи и семей;

- способность применять различные стратегии и методы организации и осуществления эффективного общения, взаимодействия с отдельными категориями детей, молодежи и семьями, органами власти и управления, с государственными и неправительственными организациями и учреждениями;

- готовность использовать знания о психолого-педагогических закономерностях и особенностях возрастного и личностного развития детей с ограниченными возможностями здоровья, находящихся в условиях инклюзивной образовательной среды.

Для целостного рассмотрения компетентностного компонента профессионального имиджа важно остановиться на профессиональных качествах социального педагога, к которым относим:

- морально-гуманистические (доброта, альтруизм, честность, толерантность, доброжелательность, милосердие, человечность);

- психофизиологические: психические процессы (восприятие, память, воображение, мышление), эмоциональные и волевые проявления (сдержанность, настойчивость, последовательность, импульсивность, личное обаяние и харизма);

- психоаналитические (самоконтроль, самокритичность, самооценка своих поступков, стрессоустойчивость, флексибельность);

- психолого-педагогические (коммуникабельность, тактичность, эмпатия, визуальность, умение слушать, организаторские способности, деликатность, конкретность и четкость).

Личность социального педагога целостная и те качества, которые требуются от специалиста в процессе профессиональной деятельности, присутствуют в поведении и действиях специалиста постоянно, т. е. в повседневной жизни, а не только на работе. Все это формирует в общественном сознании образ социального педагога как высококвалифицированной личности, духовной и гуманной, – подчеркивает С. Маскалянова [5, с. 71].

И последней структурной составляющей компетентностного компонента имиджа является самосовершенствование социального педагога на протяжении жизни, что является необходимой предпосылкой приобретения и сохранения профессионализма. От сформированного компетентностного компонента профессионального имиджа социального педагога напрямую зависит успех всей его профессиональной деятельности.

1. Исаченко В. В. Формування професійно-педагогічного іміджу майбутніх викладачів вищої школи : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Одеса, 2004. 23 с.

2. Чипиленко Н. В. Особистісний імідж у професійному контексті. URL: <http://cmsps.edukit.kr.ua> (дата обращения: 25.12.2015).

3. Шепель В. М. Имиджелогия. Как нравится людям : учеб. пособие. М.: Народное образование, 2002. 576 с.

4. Семенова Л. М. Технология формирования профессионального имиджа в период поиска работы и трудоустройства: учеб. пособие. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2010. 228 с.

5. Маскалянова С. А. Формирование профессионального имиджа будущего социального педагога [Рукопись] : дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2005. 203 с.

6. Николаеску І. О. Розвиток професійного іміджу соціального педагога в післядипломній освіті : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Черкаси, 2011. 23 с.

© Атаманская К. И., 2016

УДК 37.042

*Н. В. Давкуш
N. V. Davkush*

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье обосновывается значимость разработки индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста. Выделены принципы разработки маршрутов: опора на обучаемость ребенка, соблюдение интересов ребенка, мультидисциплинарность, непрерывность, отказ от усредненного нормирования, опора на детскую субкультуру. Выявлены основания дифференциации детей, основные этапы и механизмы развития маршрутов.

Ключевые слова: индивидуальный образовательный маршрут, индивидуальный, индивидуализация, образование, маршрут.

FEATURES OF DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN'S INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTES

The article explains the significance of developing individual educational routes of preschool children. The route development principles, such as support to the learning of the child, respect for the interests of the child, multidisciplinary, continuity, non-average valuation, relying on children's subculture are chosen. The basis for differentiation among children as well as the main stages and mechanisms of development of the routes are revealed.

Keywords: individual educational route, individual, individualization, education, route.

Главная ценность для педагогов дошкольного профиля – это личность ребенка, ее уникальность, неповторимость. Поэтому, каждый воспитатель в дошкольных образовательных учреждениях должен использовать в своей работе особые лично-ориентированные педагогические технологии. Одним из видов работы в данном направлении является разработка индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста.

Цель статьи – раскрыть особенности разработки индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста не усваивающего основную общеобразовательную программу.

Деятельность дошкольных образовательных учреждений регламентируется Федеральными государственными требованиями (ФГТ) к основной общеобразовательной программе дошкольного образования [1; с. 25]. ФГТ предписывают изменения в организации образовательного процесса:

переход от формально организованных занятий к видам педагогической деятельности, предусматривающим решение программных образовательных задач в совместной деятельности со взрослыми, в самостоятельной деятельности и в играх детей. Реализация этих требований неминуемо будет вести к индивидуализации целенаправленного организованного обучения и образования в целом [2, с. 34].

В практике процесс обучения и воспитания в основном ориентирован на средний уровень развития ребенка, поэтому не каждый воспитанник может в полной мере реализовать свои возможности. Перед воспитателями дошкольного образовательного учреждения стоит задача по созданию оптимальных условий для самореализации каждого воспитанника.

Индивидуальный образовательный маршрут – это персональный путь реализации личностного потенциала

воспитанника, его интеллектуального, эмоционально-волевого, деятельностного, нравственно-духовного развития. Он строится как взаимосвязанный, гармоничный и целостный процесс, активными участниками которого являются все специалисты дошкольного образовательного учреждения.

В предложенном нами определении заложено сразу несколько педагогически важных идей применения данного варианта работы с ребенком. Итак, индивидуальный образовательный маршрут связан с конкретной целью (он целенаправлен) и условиями ее достижения; создается до начала движения и обусловлен уже имеющимися у ребенка знаниями и опытом; оформляется как индивидуальная образовательная программа.

При разработке индивидуального маршрута необходимо учитывать следующие принципы:

– *принцип опоры на обучаемость ребенка* – принцип соотношения уровня актуального развития и зоны ближайшего развития в диагностике. Соблюдение данного принципа предполагает выявление способностей к усвоению новых знаний, как базовой характеристики, определяющей проектирование индивидуальной траектории развития ребенка. Для его реализации одной из ключевых является идея Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития, как поле взаимодействия ребенка со взрослым. *Основным критерием оценки обучаемости в соответствии с концепцией зоны ближайшего развития является способность ребенка к овладению новым знанием с помощью взрослого;*

– *принцип соблюдения интересов ребенка.* Причиной любой проблемной ситуации развития ребенка выступает как сам ребенок, так и его социальное окружение. В сложных ситуациях требуется объективный анализ проблемы, учет жизненного опыта взрослых, их многочисленных возможностей независимой самореализации, учет воздействия множества социальных структур и организаций. А на стороне ребенка часто бывает только он сам;

– *принцип мультидисциплинарности.* Эффективность помощи ребенку зависит от кооперации действий различных специалистов, владеющих различным предметным, профессиональным видением тех или иных аспектов процесса индивидуального развития ребенка. Соблюдение принципа мультидисциплинарности означает:

а) тесное взаимодействие, согласованность работы «команды» специалистов в ходе изучения ребенка: педагогов, психологов, врачей и других специалистов, проповедующих единые ценности, включенных в единую организационную модель и владеющих единой системой методов;

б) оценку состояния ребенка с различных точек зрения (разными специалистами);

в) использование каждым специалистом научных методов исследования, что позволяет получить сугубо специфические результаты, которые являются частью целостного изучения особенностей развития и состояния ребенка;

– *принцип непрерывности,* в соответствии с которым ребенку гарантировано непрерывное сопровождение на всех этапах помощи в решении проблемы. Специалист сопровождения прекратит поддержку ребенка только тогда, когда проблема будет решена или подход к решению будет очевиден. Этот принцип означает также и то, что дети, находящиеся под постоянным воздействием факторов риска,

будут обеспечены непрерывным сопровождением в течение всего периода их становления;

– *принцип отказа от усредненного нормирования.* Реализация данного принципа может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, опора на данный принцип предполагает избегание прямого оценочного подхода при диагностическом обследовании уровня развития ребенка, ведущего в своем предельном выражении к стремлению «навешивать ярлыки». Необходимо помнить, что уникальность индивидуальности не может быть описана в полной мере ни одной из известных теорий и концепций. Любая типология, любая классификация, оперирующая психологическими, социально-психологическими и медицинскими категориями, так или иначе характеризующими личность (будь то теория акцентуаций характера, типов темперамента и др.) оказывается беднее, чем совокупное богатство и своеобразие индивидуальных проявлений конкретного ребенка. Во-вторых, данный принцип определяет понимание того, что есть норма. «Нормы – это не среднее, что есть (или стандартное, что необходимо), а то, что лучшее, что возможно в конкретном возрасте для конкретного ребенка при соответствующих условиях. Одна из важнейших задач специалистов, реализующих идеологию психолого-педагогического сопровождения индивидуального развития ребенка, состоит в том, чтобы эти условия определить, а при необходимости и создать» [3, с. 15];

– *принцип опоры на детскую субкультуру.* Проектирование деятельности по сопровождению индивидуального развития ребенка-дошкольника должно опираться на знание взрослыми опыта проживания возрастных кризисов, накопленных самими детьми на протяжении нескольких поколений. Каждый ребенок, обогащая себя традициями, нормами и способами совладания с трудными ситуациями, выработанными детским сообществом, проживает полноценный детский опыт. Именно это позволяет ему легко входить во взаимодействие со сверстниками и понимать жизнеустойчивость (формировать картину мира), сообразно своему возрасту. Отечественный исследователь детской субкультуры, В. Абраменкова, определяет ее как смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детской группе в данной исторической социальной ситуации развития [4].

Проектировать индивидуальные образовательные маршруты непросто, так как спектр индивидуальных различий среди дошкольников чрезвычайно широк.

Цель их создания – обеспечить формирование и реализацию образовательных потребностей детей на основании выбора и оптимизации учебной, психической и физической нагрузок с учетом индивидуальных особенностей, поэтому построение маршрутов чаще всего начинается с определения особенностей воспитанников. Основанием для дифференциации детей дошкольного возраста может быть:

- возрастная категория,
- пол воспитанников,
- физические и психофизические особенности,
- социальный фактор,
- уровень владения обучающимися учебно-предметными знаниями и умениями.

Для разработки индивидуального образовательного маршрута немаловажным является и учет следующих факторов:

- особенности, интересы и потребности самого ребенка и его родителей в достижении необходимого образовательного результата;
- профессионализм педагогического коллектива;
- возможности образовательного учреждения удовлетворить образовательные потребности воспитанников;
- возможности материально-технической базы учреждения.

Задачи индивидуального образовательного маршрута:

- создать благоприятные условия для общего развития ребенка, в том числе путем удовлетворения потребности в самообразовании и получении дошкольного образования;
- работать над формированием умения учиться как базисной способности саморазвития и самоизменения (умения выделять учебную задачу, организовывать свою деятельность во времени, распределять свое внимание и т. д.);
- развивать общую эрудицию детей, расширять их кругозор;
- повышать уровень общего сенсорного, интеллектуального развития;
- корректировать зрительно-моторные, оптико-пространственные нарушения, общую и мелкую моторику;
- способствовать формированию у воспитанников положительной оценки себя и своих способностей;
- формировать бытовую ориентировку, прививать общепринятые правила и нормы поведения [5].

Приведем пример создания индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста.

1. Обследование ребенка, анализ его состояния включающие диагностику базового уровня развития и выявление индивидуальных особенностей; дифференциацию воспитанников.

2. Постановка цели, образовательных задачи сроков реализации маршрута.

3. Подбор содержания обучения.

4. Построение модели образовательного процесса.

5. Планирование и разработка индивидуальной образовательной программы и прогнозирование ее результатов.

6. Осуществление образовательной деятельности в рамках разработанного индивидуального образовательного маршрута.

7. Диагностика промежуточных результатов и корректировка образовательной программы.

8. Мониторинг полученных результатов.

Реализация на практике разработанного индивидуального образовательного маршрута осуществляется в несколько этапов:

Первый этап – подготовительный. На этом этапе реализуются следующие задачи: психолого-педагогическое обследование, установление эмоционального контакта,

формирование элементарных коммуникативных навыков и первичная социализация.

Второй этап – частичного включения. На этом этапе ребенок начинает систематически по индивидуальному графику посещать дошкольное образовательное учреждение. По мере его адаптации к условиям дошкольного учреждения время пребывания увеличивается. Составляется индивидуальный график посещения ребенком группы, при этом учитываются многие параметры.

Третий этап – полного включения. Ребенок систематически посещает дошкольное учреждение в полной мере.

Четвертый этап – подготовка к школьному обучению. По мере того как подходит время завершения пребывания ребенка в дошкольном учреждении, встает вопрос об определении вариантов продолжения образовательного маршрута в дальнейшем обучении ребенка.

Таким образом, создание индивидуального образовательного маршрута ребенка дошкольного возраста – это алгоритмизированный процесс взаимодействия педагога и воспитанников, гарантирующий достижение поставленной цели.

Подытоживая, отметим, что благодаря выстраиванию индивидуальных образовательных маршрутов развития детей, не усваивающих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, сохраняется право каждого ребенка на получение образования и равные стартовые возможности при поступлении в школу.

1. Федина Н. В. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования в Российской Федерации // Образование старших дошкольников в преемственности с начальной школой как стратегическое направление развития образования России: сб. материалов Всероссийской науч.-практ. конф., 4–5 июня 2008 г., Москва / сост. Н. А. Песняева. М.: АПКИПРО, 2008.

2. Свирская Л. В. Индивидуализация образования: правильный старт : учеб.-метод. пособие для работников дошкольных образовательных учреждений. М.: Обруч, 2011. 240 с.

3. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учеб. пособие. М.: ПСТГУ, 2013. 303 с.

4. Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 416 с.

5. Аршинова И. Ю. Методические рекомендации педагогам дополнительного образования по составлению и использованию индивидуальных образовательных маршрутов для одаренных детей. URL: http://www.nportal.ru/.../metod.rek-cii_po_individ.obr._marshrutam_dlya_odaren (дата обращения: 25.12.2015).

© Давкуш Н. В., 2016

**АКТУАЛЬНОСТЬ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ
ДЛЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ИСТОРИКОВ**

Статья посвящена использованию методов музейной педагогики как средства подготовки будущих учителей истории. Музей обладает большим образовательным потенциалом, рядом преимуществ в области формирования ценностных ориентиров: неформальностью, демократичностью, наглядностью, коммуникативностью, эмоциональностью. Музейная педагогика на современном этапе развития общества может быть рассмотрена как одно из направлений деятельности музея и качественно новая сфера образовательной деятельности. Музейная педагогика способна поднять подготовку студентов-историков к практической деятельности на качественно новый уровень. Для решения этой задачи необходимо перевести отношения между музеем и вузом на более твердую правовую и практическую основу.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональное обучение, подготовка студентов-историков, музейная педагогика, педагогическая практика.

Одной из приоритетных задач современного образования является повышение качества подготовки студентов. Оно не всегда полностью удовлетворяют работодателей, особенно в области практических навыков. С целью ликвидации разрыва между практическими и теоретическими знаниями на заводах Крыма начался процесс открытия специальных кафедр для обучения студентов. В первую очередь речь идет о подготовке инженерных работников и других представителей технических специальностей. Уже сейчас заключено соглашение о создании на крупном Симферопольском заводе «Фиолент» базовой кафедры соответствующей специальности. Такая работа будет продолжаться, несколько крымских предприятий уже выразили готовность сотрудничать с университетом.

Не менее важным аспектом является подготовка студентов гуманитарных специальностей, в частности историков. Учебный рабочий план предполагает, конечно, педагогическую практику, а также музейную и археологическую, но объем этих практик недостаточен для получения устойчивых практических навыков. Подобную задачу можно попытаться решить с помощью музейной педагогики, которая сочетает в себе все необходимые компоненты, важные для будущего преподавателя истории.

Само понятие «музейная педагогика» по-разному трактуется исследователями. Например, И. Колесникова под музейной педагогикой понимает «особую интегративную область, включающую как практическую деятельность, носящую синтетический характер и объединяющую усилия педагога и музейного работника, так и научно-методическую дисциплину, предметом изучения которой является феномен, имеющий историко-культурные традиции, но по-новому заявивший о себе к концу XX столетия» [1, с. 6].

**RELEVANCE OF MUSEUM PEDAGOGY FOR
FUTURE TEACHERS OF HISTORY**

The article is devoted to methods of Museum Pedagogy as a means of training future teachers of history. The Museum has great educational potential and a number of advantages in the field of formation of value orientations, such as informality, democratic character, clarity, communicative and emotional characteristics. Museum Pedagogy at the modern stage of society development can be considered as one of the activities of the Museum and a qualitatively new field of educational activity. Museum education is able to raise history students' preparation for practical activities to a qualitatively new level. To solve this problem it is necessary to put the relationship between the Museum and the University on a more solid legal and practical basis.

Keywords: higher education, professional training, training of history students, Museum Pedagogy, pedagogical practice.

А. Лихтварку, директору Гамбургской картинной галереи принадлежит идея об образовательном назначении музея (1913). Именно от этой даты принято отсчитывать начало развития музейной педагогики. А. Лихтварк впервые предложил принципиально новый подход к посетителю музея как участнику диалога, в котором музей играет роль «посредника между искусством и его познающим субъектом» [2, с. 23]. Идея музейной педагогики получила дальнейшее развитие усилиями немецких педагогов и музейных деятелей Г. Кершенштейнера, Г. Фройдентала и А. Рейхвейна [3, с. 102]. Г. Кершенштейнер в своей концепции адаптировал подачу музейной информации к восприятию неподготовленных посетителей музея, его концепция была ориентирована на осуществление наглядности обучения и активизировала внимание посетителя в процессе восприятия материала. Г. Фройденталем были разработаны первые методики работы со школьниками и впервые введен термин «музейная педагогика» (1931). Методика Г. Фройдентала включала три этапа: этап подготовки детей к посещению музея, этап собственно музейной экскурсии, этап последующего закрепления школьником на уроке почерпнутых знаний и впечатлений. Г. Фройденталь обосновал идею о ведущей роли в этом процессе не музейного работника, а школьного учителя.

Первый педагогический музей в России возник в Санкт-Петербурге в 1865 г. Именно здесь на высоком профессиональном уровне читались лекции для школьников и студентов. Участники обнародовали свой опыт на Всемирной выставке 1875 г. в Париже, став инициаторами подобной практики.

В СССР впервые о музейной педагогике заговорили в начале 1970-х гг. на музееведческих семинарах, посвященных формированию научной методики использования музейных собраний с помощью применения принципов педагогики

и психологии. В 1983 г. опыт таких семинаров был обобщен ведущим музееведом А. М. Разгон на конференции «Музей и школа» и была поставлена цель создания соответствующей дисциплины на научной основе [4, с. 42]. Но активная работа в этом направлении началась только в конце 1980 – начале 1990-х гг. Музейная педагогика, оставаясь в сфере музееведения, стала развиваться как «детское направление» музейной деятельности по работе с дошкольниками. Тогда же и наметился процесс перехода музейной педагогики из сферы музееведения в педагогическую науку, чему в то время был посвящен ряд исследований, в частности Н. Г. Макаровой [5, с. 4].

Новая образовательная концепция отечественного музея формируется относительно недавно, в 1990-е гг., когда музею приходится отказываться от идеологических установок и заменить их иной концепцией о том, что целью музейной деятельности является формирование у посетителей ценностного отношения к культурно-историческому наследию. Также меняется отношение к самой аудитории, воспринимаемой теперь как равноправный субъект коммуникативного процесса, а не как объект обучения и воспитания. Появляется идея жесткой возрастной и образовательной дифференциации посетителей. В России появляются специальные программы для дошкольников и младших школьников, учащихся средних и старших классов, а также студентов и родителей с детьми, туристов, пенсионеров, инвалидов. В условиях такой дифференциации впервые в экскурсионной практике музей начинает использовать учет психологических особенностей своих посетителей, особенно детей, их возможности восприятия.

Постепенно складывается представление о музейной педагогике как об интегративной и качественно новой сфере образовательной деятельности, она начинает рассматриваться современными исследователями как инновационная педагогическая технология. Музейная педагогика уверенно занимает место одного из направлений деятельности музея, так как способна объединить в образовательном процессе духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и историко-краеведческое воспитание.

Музей обладает большим образовательным потенциалом, имеет ряд преимуществ над другими образовательными учреждениями в области формирования ценностных ориентиров.

1. Неформальность. Музей способен создать атмосферу доверия значительно лучше, чем это сделает педагог во время аудиторного занятия, роль музейного артефакта в этом отношении не подлежит сомнению. Доверие активизирует внимание и обостряет восприятие материала.

2. Демократичность. Музейное образование лишено жестких схем и способно распространять на различные группы общества независимо от возраста и степени подготовленности.

3. Наглядность. Урок в музее способен преодолеть отчуждение в восприятии социальных абстракций, создать зримый образ Родины, малой и большой, ее истории и культуры.

4. Коммуникативность. Урок из монолога превращается в диалог, экспозиционный материал в музее способен вызвать значительно больше вопросов, чем демонстрируемый в аудитории.

5. Эмоциональность. Образование и воспитание не могут сводиться к передаче определенной информации и констатации определенного набора идей. Высшей целью воспитания является не знание, а чувство. Поэтому эмоциональность является необходимым компонентом в процессе такого воспитания. Музей не может оставить равнодушным, он вызывает множество эмоций познавательного характера и способен формировать и закреплять идеологию.

Названные достоинства музейной педагогики нуждаются в дальнейшем изучении и проверке опытным путем. Музейная педагогика на практике – это уроки в музее, специализированные экскурсии, организация школьных музеев и музейных комнат, проектная деятельность учеников и учителей. Вся эта работа требует профессиональной подготовки, энтузиазма, творческого подхода и даже определенной физической выносливости.

В связи с этим именно студенты, будущие преподаватели, могут органично воспринять музейную педагогику и использовать ее в своей деятельности. Заботой вуза при этом является создание соответствующих условий, при которых студенты постоянно взаимодействуют с музеями, имеют возможность проводить там уроки, разрабатывать экскурсии, изучать историю своего региона, вести научно-исследовательскую работу. Это такая же практическая работа, требующая закрепления навыков, как и у инженеров и техников, только ставкой в ней оказываются не технологии, а нравственные ориентиры будущего поколения.

В процессе поисковой работы могут быть привлечены новые объекты, экспонаты, сохранено историческое наследие. Каждый учитель-историк должен быть способен провести экскурсию по своему населенному пункту, краеведческому музею, знать историю улиц, обстоятельства установления памятников, биографии местных знаменитостей, достижения края в различных сферах деятельности, легенды, мифы, даже исторические анекдоты. Интересный, захватывающий рассказ и показ подлинных вещей, свидетелей ушедшей эпохи могут послужить определенным антиподом миру компьютерных игр, который стал серьезной проблемой современности.

Не каждый населенный пункт имеет описание своей истории, возможно, сведения еще необходимо будет собрать и систематизировать, что более успешно может быть реализовано совместными усилиями вуза и музейного учреждения.

Итак, музейная педагогика на современном этапе развития общества может рассматриваться как одно из средств профессиональной подготовки будущих педагогов, одно из направлений деятельности музея, а также, как качественно новая сфера образовательной деятельности. Музейная педагогика способна поднять подготовку студентов-историков к практической деятельности на совершенно иной уровень. Для решения этой задачи необходимо перевести отношения между музеем и вузом на более твердую правовую и практическую основу.

1. Художественный музей в образовательном процессе: К 100-летию Государственного Русского музея / М-во культуры РФ, Гос. Русский музей, Акад. образования, Сев.-Зап.

отд-ние ; общ. подгот. и науч. ред. Б. А. Столярова. СПб.: Спец. лит., 1998. 318 с.

2. Лихтварк А. Музеи как образовательные и воспитательные учреждения // Образовательные и воспитательные задачи современного музея / [ред. Л. Г. Оршанский]. СПб., 1914. С. 23–29.

3. Медведева Е. Б., Юхневич М. Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина // Ориентиры культурной политики : информ. вып. № 4. М.: Рос. ин-т переподготовки работников искусства, культуры и туризма, 1997. С. 102–105.

4. Разгон А. М. Некоторые направления научных исследований деятельности школьных музеев // Коммунистическое воспитание учащихся музейными средствами: сб. науч. тр. М.: НИИ культуры, 1983. Вып. 122. С. 42–44.

5. Макарова Н. Г. Музей как социально-эстетический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1987. 20 с.

© Долецкая С. В., 2016

УДК: 8122

И. И. Домбровская
I. I. Dombrovskaya

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И СПОСОБЫ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЕЕ СФОРМИРОВАННОСТИ

LINGUISTIC COMPETENCE AS A PART OF THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AND METHODS FOR EVALUATING THE LEVEL OF ITS FORMATION

В статье рассматривается место лингвистической компетенции в процессе формирования коммуникативной компетенции. Раскрываются типичные ошибки, допускаемые в процесс формирования компетенций.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, процесс формирования коммуникативной компетенции, коммуникативные задачи, лингвистические понятия, типичные ошибки.

The role of the linguistic competence in the process of formation of the communicative competence is discussed in this article. The common mistakes made in the process of formation of the competences are revealed.

Keywords: linguistic competence, process of formation of the communicative competence, communicative tasks, language concepts, common mistakes.

Для выполнения коммуникативных задач изучающий русский язык использует свои общие способности в сочетании с языковой компетенцией, которая, по мнению разработчиков общеевропейских компетенций владения иностранным языком, включает:

- лингвистическую компетенцию (знание морфологии, синтаксиса, словообразования);
- социолингвистическую компетенцию (знания и умения, необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте);

– прагматическую компетенцию (совокупность знаний, правил построения высказываний, их объединения в текст (дискурс).

Не вызывает сомнения центральное положение в этом ряду лингвистической компетенции. Профессор А. Н. Щукин представил общую таблицу, отражающую ключевое положение лингвистической компетенции в процессе формирования коммуникативной компетенции следующим образом [1]:

Коммуникативная компетенция

Дискурсивная компетенция					
Речевая (социо-лингвистическая)	Социо-культурная	Социальная	Стратегическая	Предметная	Профессиональная
Языковая (лингвистическая) компетенция					

Большинство современных лингвистов в рамках лингвистической компетенции выделяют следующие ее составляющие: лексическую, семантическую, грамматическую; фонологическую [2].

Под лексической компетенцией понимается знание словарного состава языка, включающего лексические и грамматические средства и способность использовать в речи

отдельные слова и тематические группы слов (дни недели, единицы измерения и др.), устойчивые сочетания, фразеологические единицы и т. д.

Грамматическая компетенция связывается со знанием грамматических средств и умением использовать их в речи и включает способность понимать и выражать определенный смысл, оформляя его в виде высказываний,

построенных по правилам данного языка. Грамматическая структура любого языка характеризуется сложной организацией. В настоящее время существует целый ряд существенно отличающихся друг от друга теорий описания и обучения грамматике. Как правило, описание грамматического строя языка включает: описание категорий (род, число, падеж, время, вид), классов (спряжения, склонения), структур (сложные слова, словосочетания, простые, сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные предложения), видов связи (управление, согласование, примыкание) и т. д.

Семантическая компетенция изучающего язык заключается в знании возможных способов выражения определенного значения и умения его использовать. Лексическая семантика занимается вопросами значения слова: значения слова в общем языковом контексте (референция, коннотация), отношения между языковыми единицами (гипонимия, синонимия, родовидовые отношения, компонентный анализ, переводческие соответствия). Грамматическая семантика изучает значения грамматических средств, категорий, структур, процессов. И, наконец, прагматическая семантика занимается логическими отношениями, такими как пресуппозиция, индукция, импликация и т. д.

Фонологическая компетенция включает знания и умения воспринимать и воспроизводить звуковые единства языка, артикуляционно-акустические характеристики фонем (звонкость, лабиализация и др.), фонетическую организацию слов (слоговую структуру, словесное ударение), просодию (ударение, ритм, интонацию), фонетическую редукцию (ассимиляцию, выпадение конечного гласного и др.).

В настоящее время в состав лингвистической компетенции включают компетенцию орфографическую и орфоэпическую.

Орфографическая компетенция предполагает знание символов, используемых при создании письменного текста, а также умение их распознавать и изображать на письме. В алфавитных системах учащиеся должны знать форму букв, написание слов, знаки и правила пунктуации, типы шрифтов, общепризнанные условные обозначения и символы.

Совокупность умений, связанных со знанием правил произношения, со знанием системы транскрипции, с умением соотносить знаки пунктуации с членением и интонационным оформлением текста, представляет собой орфоэпическую компетенцию.

Вопросу о статусе ошибок, допускаемых в процессе формирования вышеперечисленных компетенций, посвящено множество работ. Все они условно могут быть разделены на несколько групп в соответствии с подходами, в рамках которых они выполнены. Пожалуй, одними из самых ранних являются статьи А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой в сборниках «Вопросы порождения речи и обучения языку» (1967), «Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком» (1969), «Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку» (1970), «Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного» (1971), «Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских» (1977) и др. А. А. Леонтьев говорил о речевой ошибке как о сигнале разошедшегося шва в речевом механизме индивида [3, с. 78].

Большинство отечественных работ выполнены в русле деятельностного подхода. Так, Л. В. Банкевич в работе «Тестирование лексики иностранного языка» [4] и А. Е. Боквяня [5] в диссертации, посвященной интерференции и путям ее преодоления, уделяли внимание сбору и анализу ошибок в процессе изучения иностранного языка.

Анализ ошибок сквозь призму «промежуточного языка» (далее – ПЯ) пользуется большой популярностью среди зарубежных исследователей, при этом ПЯ понимается как некий континуум, по которому продвигается обучающийся в процессе изучения иностранного языка. ПЯ носит переходный характер и непрерывно изменяется, по мере того как его система развивается и приближается к системе усваиваемого языка. Данный термин параллельно разрабатывался несколькими зарубежными учеными, в числе которых S. Corder, L. Slinker, A. Knapp-Potthoff, K. Knapp, R. Lado, Hamers, Blank. По словам С. Sanz, ошибки – это «окно», через которое можно заглянуть в промежуточный язык [6, с. 8]. М. Paradis отмечает, что ПЯ (грамматика в ее становлении) хранится в подсистеме второго языка точно так же, как нормальный второй язык, при этом стадии его развития совпадают с характерными для любого другого языка, однако последовательность развития отличается от первого языка [7]. «Девиянтная» грамматика будет храниться точно так же, как и любая другая. В целом М. Paradis приходит к заключению, что природа репрезентированного в имплицитной лингвистической компетенции подсистемы второго языка (фонологические параметры, синтаксические, морфологические, лексико-семантические) идентична природе любого родного языка. Эти параметры одинаково функционируют, однако репрезентируемое ими различно. Таким образом, автор делает вывод о том, что механизмы понимания и продуцирования речи идентичны, различия представлены содержанием. Среди российских исследователей теорию промежуточного языка развивает А. А. Пойменова. Основываясь на своих экспериментальных исследованиях, она указывает на характерные различия между ПЯ, который формируется в естественных условиях, учебного ПЯ и пиджинизированного [8, с. 16–29].

Идея продвижения обучающегося по континууму ПЯ обоснована в рамках экспериментально-психологического исследования, проведенного Н. В. Имедадзе. Под ошибками в рамках данного исследования понимается результат неправильной операции выбора языковых средств иностранного языка [9]; при этом противопоставлены ошибки орфографические и собственно речевые (словообразовательные, грамматические, лексические и др.).

Известно, что речевую ошибку как явление многоаспектное принято рассматривать с четырех ракурсов: собственно лингвистического, лингвокогнитивного, лингводидактического и лингвокультурологического. В последнем случае важно, что сделанная ошибка позволяет получить представление о сходствах и различиях картин мира представителей разных культур через концепты, лакуны и т. д.: «ошибки дают ключ к пониманию механизма овладения языком, ибо они обеспечивают убедительные косвенные данные о функционировании когнитивных систем, посредством которых перерабатывается воспринимаемый лингвистической материей» [8, с. 14]. Кроме того, одним из важнейших аспектов,

интересующих нас, является возможность судить о степени сформированности вторичной лингвистической компетенции у изучающих иностранный язык. Эта возможность позволяет составить методические рекомендации по обучению языку и повысить успешность процесса его изучения.

1. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. 224 с.

2. Балыхина Т. М. Уровни владения русским языком в системе общеевропейских компетенций. URL: <http://www.refdb.ru/look/1488159.html> (дата обращения: 14.01.2016).

3. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному (психолингвистические очерки). М.: Изд-во МГУ, 1970. 88 с.

4. Банкевич Л. В. Тестирование лексики иностранного языка. М.: Высш. шк., 1981. 112 с.

5. Боковня А. Е. Интерференция при обучении иностранному языку и возможные пути ее преодоления в процессе

работы над лексикой (на примере прагматической лексико-семантической интерференции): автореф. дис. ... канд. педагог. наук. М., 1995. 19 с.

6. Sanz C. (Ed.). *Mind and content in adult second language acquisition: methods, theory, and practice*. Georgetown, DC: Georgetown University Press, 2005. 322 p.

7. Paradis M. The neurofunctional components of bilingual cognitive system // Kecskes I. & Albertazzi L. (Eds.). *Cognitive Aspects of Bilingualism*. Springer, 2007. P. 3–28.

8. Пойменова А. А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 30 с.

9. Имедадзе Н. И. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком: монография. Тбилиси: Мециниереба, 1979. 229 с.

© Домбровская И. И., 2016

УДК 316.6

Т. А. Заглюдина

T. A. Zaglodina

РОЛЬ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

THE ROLE OF COPING STRATEGIES IN PREVENTING PROFESSIONAL DEFORMATION OF SOCIAL WORK SPECIALISTS

На сегодняшний день малоразработанными проблемами в социальной работе остаются: сложность соотношения теоретических знаний с практическими, адаптация зарубежных методик по профилактике и предотвращению профессиональных деформаций, создание новых методик с учетом специфики российского общества. Необходимы комплексные методики, направленные на устранение причин деформаций, а не только на снятие стрессового напряжения.

Ключевые слова: эффективность труда, эмоциональное выгорание, копинг-стратегии, профессиональные деформации, социальная работа, факторы профессионального риска, деперсонализация, социально-демографические характеристики, социальная сфера.

Today, the complexity of correlation between theoretical and practical knowledge as well as adaptation of foreign methods of preventing professional deformations and creating new ones with regard to the specific features of the Russian society remain the least developed issues in social work. The complex methods aimed not only at removal of voltage stress, but also at eliminating the causes of deformations are required.

Keywords: labor efficiency, emotional burnout, coping strategies, professional deformations, social work, occupational risk factors, depersonalization, socio-demographic characteristics, social sphere.

Одним из психологических феноменов, влияющих на культуру и здоровье специалиста, является «эмоциональное выгорание», которое приводит не только к переживанию негативных эмоций, изменению отношения к работе, к себе, коллегам, но и к ряду соматических заболеваний. Данное явление все больше становится актуальным в современных социо-культурных реалиях.

Синдром эмоционального выгорания – это психофизиологическое истощение, вызванное межличностным общением и перегрузками на рабочем месте. Социальная работа предъявляет жесткие требования к профессиональным

особенностям специалиста и требует научно обоснованных методов отбора и адаптации. В связи с этим необходимо уделять особое внимание созданию системы профилактики и психогигиены социального работника. Эффективным способом преодоления эмоционального выгорания может стать выработка и внедрение копинг-стратегий в профессиональную деятельность специалиста.

Копинг-стратегии (англ. *coping* – справляться) – это стратегии действий, предпринимаемые человеком в ситуациях психологической угрозы физическому, личностному и социальному благополучию, осуществляемые в когнитив-

ной, эмоциональной и поведенческой сферах функционирования личности и ведущие к успешной адаптации. Они включают когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие для уменьшения или разрешения условий, порождающих стресс.

Термин «coping» впервые был использован в 1962 г. Л. Мерфи [1, с 10] в контексте стремления индивида решить определенную проблему. Основные положения концепции копинг-процессов были разработаны Р. Лазарусом в книге «Психологический стресс и копинг-процессы». Совместно с С. Фолкманом они рассматривают совладание как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление специфическими требованиями, которые оцениваются с точки зрения соответствия ресурсам индивида. М. Перре отмечал влияние психологических характеристик личности на выработку конструктивных копинг-стратегий. Д. Амирхан [2, с. 36] считал, что выбор индивидом тех или иных копинг-стратегий является достаточно стабильной характеристикой на протяжении всей жизни, мало зависящей от типа стрессора.

Эффективность использования копинг-стратегий в полной мере можно проследить на молодых специалистах социальной сферы, это обусловлено их психологическими характеристиками, такими как отсутствие стереотипов, гибкость и легкость приспособления к новым условиям, желание получать новые знания. Сам возраст предполагает осознание наличия разнообразных возможностей и способов обрести новое качество, изменить образ жизни, самосовершенствоваться для достижения больших высот.

Объединение защитных механизмов и копинг-механизмов в целостную систему психологической адаптации личности представляется вполне естественным и целесообразным, так как механизмы приспособления личности к стрессовым и другим жизненным ситуациям чрезвычайно многообразны – от активных гибких и конструктивных копинг-стратегий, до пассивных, ригидных и дезадаптивных механизмов психологической защиты.

В настоящее время все более актуальным становится совершенствование и разработка более точных методов измерения совладающего со стрессом поведения, а также использование разнообразных подходов в его измерении, включая качественные методы. В нашей стране на сегодняшний день наиболее известной и апробированной методикой для измерения копинг-поведения является «копинг-тест» Р. Лазаруса. Актуальной проблемой в социальной работе, требующей научной разработки, является не только адаптация зарубежных методик по профилактике и предотвращению профессиональных деформаций, но и создание новых, с учетом специфики российского общества.

В 2013 г. была проведена серия исследований, посвященных выявлению профессиональных деформаций у молодых специалистов социальной сферы

Исследование, по выявлению синдрома эмоционального выгорания и степени использования копинг-стратегий в практике работы специалистов по социальной работе проводилось на базе нескольких учреждений социальной сферы с государственной и частной формой подчинения: Государственная инспекция труда, Свердловская региональная общественная организация «А», Управление социальной

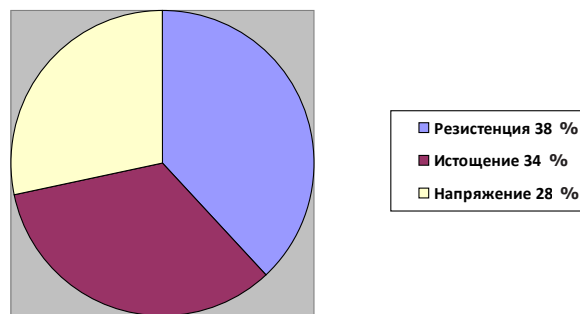
защиты населения, Российский государственный профессионально-педагогический университет Екатеринбурга.

В исследовании были использованы следующие методики:

- Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко;
- Как преодолеть трудности? Опросник. Способы совладающего поведения Р. Лазаруса (копинг-тест Лазаруса);
- Наблюдение за работой молодых специалистов социальной сферы на предмет выраженности у них профессиональных деформаций;
- Интервью специалистов по социальной работе.

Изначально исследование, направленное на выявление основных симптомов эмоционального выгорания, было проведено на студентах 4-х курсов специальности «социальная работа», с целью проследить предрасположенность деструктивного реагирования на стрессовые ситуации, которыми являются столкновение с социальными проблемами и экстремальными условиями труда в практической деятельности по месту прохождения практики или в работе волонтерами.

Результаты анкетирования студентов показали, что у 79 % сформировалась одна из трех стадий эмоционального выгорания (см. рис.), следовательно, процесс профессиональной деформации личности начинается еще на стадии ее становления, в период обучения основам профессии специалиста по социальной работе. Так, большинство находится уже на второй стадии синдрома, когда происходит неадекватное ограничение диапазона эмоций, появляется ощущение перенасыщения контактами с людьми и появляются попытки облегчить или сократить свои обязанности.

Стадии эмоционального выгорания, сформированные у студентов 4 курса специальности «социальная работа»

На формирование предпосылок развития синдрома эмоционального выгорания у студентов старших курсов, на наш взгляд, влияют особенности прохождения практики в учреждениях социальной сферы, так как у студентов в процессе теоретического обучения формируется идеальная модель трудной жизненной ситуации и процесса оказания помощи, которая часто не соответствует современным реалиям.

Данные факторы деструктивно влияют на формирование компетенций будущих специалистов, разрушая представления о процессе оказания помощи, о клиентах социальных служб, о необходимости профессиональной этики и о профессии в целом. Решение данной проблемы и минимизацию деформирующих факторов в студенческой среде

мы видим во введении рассредоточенной на весь семестр практики в график учебного процесса, начиная с младших курсов. Предлагаемое нововведение позволит более наглядно подкреплять теоретический материал практическими примерами реализации технологий социальной помощи и защиты.

С целью выявления профессиональных деформаций и копинг-стратегий, направленных на их преодоление, пилотное исследование было проведено на 6 специалистах, работающих в государственных и общественных организациях социальной сферы. Каждый прошел индивидуальное тестирование по представленным выше методикам и глубинное интервью, посвященное выяснению мотивов, установок и отношению к поставленной проблеме.

Отличительной характеристикой проведенного исследования стала форма и тип организаций, в которых работали респонденты. Они различались по форме собственности – государственные и некоммерческие. Соответственно и результаты исследования существенно отличались, что позволило сформулировать гипотезу о том, что бюрократический подход, нередко применяемый в деятельности государственных организаций, усиливает риск возникновения выгорания, которая нуждается в дальнейшей проверке путем количественного и качественного исследования.

Проведение анкетирования молодых специалистов с общим стажем от 5 месяцев до 3 лет выявило, что симптомы профессионального выгорания встречаются в деятельности специалистов организаций социальной сферы, независимо от формы подчинения [3, с. 303]. Но если в государственных организациях специалисты находятся на разных стадиях прогрессирования деформаций, то в общественной организации речь идет лишь об отдельно взятых симптомах, связанных в основном с эмоциональной сферой.

На развитие эмоционального выгорания влияет и стиль руководства. Если в общественной организации руководитель является лидером и собирает вокруг себя команду единомышленников, приверженных общей цели, то в государственной – руководство назначается и складывается иная система отношений – подчинение. При этом симпатия к руководителю и приверженность общим идеалам и стремлениям – не обязательна.

В общественной организации «А» наблюдаются семейные отношения в коллективе, высоко развиты корпоративные ценности. Коллеги имеют общую цель и принципы построения деятельности, которые озвучивают в унисон, даже находясь в разных местах. Их отличает сплоченность, наличие «мы» и осознание своей работы, направленной на развитие социальной сферы. Во главе их организации стоит руководитель, который обладает качествами лидера и является для сотрудников авторитетом, объектом любви и подражания.

В исследуемом государственном учреждении вместо лидера стоит назначенный руководитель, а подчинение его условиям и стилю руководства влияет на развитие синдрома эмоционального выгорания. В государственных организациях многие проблемы «упираются» в бюджет и финансирование, поэтому для руководителя важно продумать вопрос о формировании корпоративных ценностей и культуры, направить свои усилия на то, чтобы коллектив их разделял. Для этого необходимо построить с начала трудоустройства диагностику сотрудников – для профилактики профессиональных деформаций, с целью выявления личностных характеристик – для организации в соответствии с ними комфортных условий труда. Эффективным способом совладания с выгоранием будет избегание «формализма» в отношении «руководитель – специалист» и «специалист – клиент». Проведение совместных мероприятий, тренингов коллектива, не только на базе своей организации, но и во взаимодействии с другой службой, повысит сопротивляемость служащих стрессу.

Исследование не только подтвердило тезисы авторов, занимающихся проблемой выгорания, но и выделило в них ряд противоречий. Синдром эмоционального выгорания складывается не просто из индивидуальных проявлений копинг-стратегий или степени реакции человека на стресс. На него влияет и степень сплоченности коллектива, наличие команды профессионалов, работающих для решения общей цели, корпоративная культура организации, осознание специалистом необходимости профилактики психических расстройств, при работе в системе «человек – человек», и наличие у грамотного руководителя опыта применения апробированных методик, повышающих стрессоустойчивость коллектива и эффективно влияющих на работу социальных организаций. Насколько сделанные выводы правы, покажут дальнейшие исследования.

1. Копинг-поведение как сознательные стратегии преодоления стрессовых ситуаций и методы их определения: пособие для врачей и психологов / Б. Д. Карвасарский, В. А. Абабков, А. В. Васильева и др. СПб. : Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2007. 28 с.

2. Амирхан Д. Фактор аналитического измерения копингов: показатель копинг-стратегий. М.: Медицина, 1990. 98 с.

3. Заглодина Т. А. Копинг-стратегия как метод профилактики синдрома эмоционального выгорания у молодых специалистов по социальной работе // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 18–19 апреля 2013 г. М., 2013. С. 302–304

© Заглодина Т. А.

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ***

В статье поднимается проблема сопряжения профессиональных и федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования при проектировании основных профессиональных образовательных программ. Указываются социокультурные факторы и нормативно-методические основания применения профессиональных стандартов в процессе разработки образовательных программ высшего образования. На основе анализа публикаций, обобщения мнений экспертов выделены проблемы и риски, с которыми сталкиваются разработчики образовательных программ высшего образования в процессе их проектирования с учетом требований соответствующих профессиональных стандартов. Представлена характеристика алгоритма проектирования основных профессиональных образовательных программ высшего образования с учетом образовательных и профессиональных стандартов.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональный стандарт, федеральный государственный образовательный стандарт, основная профессиональная образовательная программа, базовая кафедра.

Процессы, происходящие в современном обществе, исследователи обозначают по-разному, но независимо от того, что выдвигается на первый план – информатизация, глобализация, ускорение темпов социальных изменений – это неизменно отражается на всех формах деятельности, в том числе и на профессиональной деятельности специалистов разных отраслей. Меняются технологические основы профессии, социологи отмечают тот факт, что складывается «новая трудовая реальность». Гибкий и мобильный характер современных производственных процессов приводит к тому, что профессионал должен быть готов к постоянному обновлению требований к его компетенции. Стремление государства обеспечить контроль в этой сфере отражается в тенденции стандартизации образования и профессиональной деятельности. В настоящее время в России осуществляется масштабное обновление национальной системы квалификаций работников и формирование системы профессиональных стандартов. Этот процесс затрагивает практически все отрасли российской экономики и социальной сферы. В скором времени профессиональные стандарты вытеснят привычные квалификационные характеристики. Не вдаваясь в отличия квалификационных требований и профессиональных стандартов, отметим, что в современных условиях актуальными становятся представления

* Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России (проект 27.168.2016/НМ).

**DESIGNING BASIC PROFESSIONAL
EDUCATIONAL PROGRAMMES OF HIGHER
EDUCATION ON THE GROUND
OF PROFESSIONAL STANDARDS***

The article deals with the problem of alignment between professional and Federal State Educational Standards in higher education while designing basic professional educational programmes. The author explains the sociocultural factors, normative and procedural foundations for implementing professional standards into the process of designing educational programmes of higher education. Based on the analysis of publications and summary of expert opinions, the author shows the issue and risks that the developers of educational programmes of higher education face while designing these programmes in accordance with related professional standards requirements. The characteristics of algorithm for designing basic professional educational programmes of higher education in accordance with educational and professional standards are given in the article.

Keywords: higher education, professional standard, Federal State Educational Standard, basic professional educational programme, basic chair.

о том, что квалификационная рамка должна задаваться уже не просто группой требований, но комплексным профессиональным стандартом. Рынок труда постепенно принимает все более стандартизированные формы и превращается в «современный рынок компетенций и квалификаций» [1]. Значимыми причинами стандартизации профессиональной деятельности в нашей стране эксперты называют обновление состава профессий, изменение форм и типов занятости, а также потребность соответствовать европейской практике. Необходимость разработки и введения профессиональных стандартов определена Указом Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Официально понятие «профессиональный стандарт» введено в Трудовой кодекс РФ и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании» Федеральным законом № 236-ФЗ от 3 декабря 2012 г. «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ».

Подготовка кадров в своей основе имеет высшее образование, среднее профессиональное образование и национальную систему квалификаций. Их согласование всегда было сложным, для этого существовали свои механизмы, с введением в действие профессиональных стандартов именно они становятся средством, которое будет этому содействовать.

* The research has been carried out with the financial support provided by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Minobrnauka), project 27.168.2016/НМ.

Образовательные стандарты в высшей школе уже представляют собой третье поколение, на подходе и четвертое, а в сфере стандартизации профессиональной деятельности сделаны только первые попытки. Особую трудность представляет стандартизация профессиональной деятельности в сфере «человек-человек». Так, например, профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», был утвержден в октябре 2013 г. Его введение в действие было отложено до 1 января 2017 г., и уже сейчас по результатам апробации сделаны выводы о том, что в том виде, в котором он был принят, реализовать его в полной мере будет крайне затруднительно, потребуется конкретизация отдельных положений [2]. Взаимосвязь образовательного и профессионального стандартов определяется их иерархией и понятно, что разработке федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) должно предшествовать введение в действие соответствующих профессиональных стандартов. Во ФГОС ВО четвертого поколения это, имеющееся на сегодняшний день рассогласование, будет устранено.

Нормативные основания ориентации подготовки кадров не только на ФГОС, но и на профстандарты уже сложились. В Федеральном законе «Об образовании в РФ» содержится такое требование, во ФГОС ВО указывается, что обновление программ высшего образования должно происходить с учетом развития науки, техники, культуры, экономики и социальной сферы, что подразумевает необходимость обращения к профессиональным стандартам в ходе разработки основных профессиональных образовательных программ (ОПОП). В перспективе в ФГОС ВО четвертого поколения и примерных основных образовательных программах, разрабатываемых учебно-методическими объединениями вузов с участием работодателей, будут перечислены профессиональные стандарты, соответствующие данному направлению (профилю) подготовки.

Как отмечают эксперты [1; 2] ситуация ревизии образовательных программ СПО и их ориентация на требования профессиональных стандартов хорошо поддается алгоритмизации, и ее можно только приветствовать, но аналогичные процессы в высшем образовании сложнее и их трудно оценить однозначно. На этом пути есть ряд трудностей, проблемных зон и практических вопросов.

Прежде всего бросаются в глаза терминологические различия. ФГОС ВО оперирует понятиями «компетенция», «объекты и виды профессиональной деятельности», а в профстандарте речь идет об «обобщенных трудовых функциях», «трудовых действиях». Помимо этого, у названных документов принципиально разная временная перспектива: профессиональный стандарт фиксирует ситуацию реальной профессиональной деятельности, сложившуюся практику, а ФГОС ВО нацелен в будущее, ведь в компетенциях как образовательных результатах заложен механизм развития соответствующей области профессиональной деятельности, они учитывают перспективные требования рынка труда [1].

Кроме того, виды профессиональной деятельности, указанные в ФГОС ВО, не совпадают с видами профессио-

нальной деятельности, выделенными в профессиональных стандартах. Методические рекомендации Минобрнауки [3] при установлении соответствия видов профессиональной деятельности предлагают обращаться к формулировкам обобщенных трудовых функций профессиональных стандартов. На наш взгляд, это может привести к ухудшению ситуации в высшей школе, повлечет за собой снижение качества подготовки выпускников. Например, в ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (бакалавриат) указываются следующие виды профессиональной деятельности: педагогическая, проектная, исследовательская, культурно-просветительская, тогда как в профессиональном стандарте педагога [4] цель профессиональной деятельности определена предельно узко – «Оказание образовательных услуг по основным общеобразовательным программам образовательными организациями (организациями, осуществляющими обучение)». А в качестве обобщенных трудовых функций выделены: «Педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в образовательных организациях дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования» и «Педагогическая деятельность по проектированию и реализации основных общеобразовательных программ». Нам представляется, что ориентация подготовки будущих педагогов исключительно на оказание услуг приведет к ухудшению положения в системе педагогического образования, в перспективе негативно скажется на качестве образования в целом.

Одним из самых серьезных противоречий на пути сопряжения образовательных программ высшего образования и профессиональных стандартов выступает современный социокультурный контекст, значимыми характеристиками которого выступают непрерывность образования, смена профиля профессиональной деятельности вследствие изменения требований рынка труда. Мы разделяем мнение профессора В. С. Сенашенко о том, что «в условиях свободного трудоустройства и возникающей при этом неопределенности в выборе будущей профессии профессиональные стандарты могут оказаться ограничителем профессиональной мобильности» [5, с. 32]. Особенности современного высшего образования (уровневый характер, фундаментальность, наукоемкость образовательных программ, универсальный характер компетенций как результатов образования) вступают в противоречие с жестким функциональным подходом, закрепленным в макетах и реализованным в уже утвержденных Министерством труда профессиональных стандартах.

Препятствием на пути согласования образовательных и профессиональных стандартов может стать и недостаточность теоретического обоснования подходов к проектированию образовательных программ для различных уровней высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура). Существующие различия как концептуального, так и технологического порядка между целями, структурой, требованиями к реализации программ высшего образования, их академическая либо прикладная направленность изначально создают разные возможности для учета требований профессиональных стандартов в ходе проектирования ОПОП высшего образования. Эта позиция находит

свое отражение в Методических рекомендациях Минобрнауки. В них указывается, что «степень учета квалификационных требований профессионального стандарта может различаться в зависимости от уровня высшего образования (возможность учета требований профессионального стандарта в программах бакалавриата и аспирантуры может быть ниже, чем в программах специальностей и магистратуры)» [6, с. 30].

Ключевым в рассматриваемой проблеме является вопрос о том, что именно должно измениться в ФГОС ВО (как нормативной основе для разработки ОПОП), а также в самих образовательных программах высшего образования с принятием профессиональных стандартов? По замыслу специалистов Минобрнауки, подготовивших Методические рекомендации [3; 6], это прежде всего характеристика профессиональной деятельности и требования к результатам освоения основных профессиональных образовательных программ. В ходе разработки стандартов четвертого поколения на основе анализа обобщенных трудовых функций будут уточнены виды профессиональной деятельности и профессиональные задачи, трудовые функции и трудовые действия лягут в основу перечня компетенций, а необходимые умения и знания в ходе проектирования ОПОП станут содержательной основой для разработки карт компетенций.

Для осуществления процесса согласования ФГОС ВО и профессиональных стандартов в процессе проектирования ОПОП в Методических рекомендациях [6] предложен алгоритм из десяти шагов. Отметим несколько позиций, которые нам представляются наиболее важными в этом процессе.

Первый шаг предполагает формирование рабочей группы. Необходимо включить в рабочую группу представителей работодателей для подтверждения социального «заказа» на программу, для уточнения ее профиля (направленности). Лучше, если в числе приглашенных специалистов будут люди, знакомые с реалиями высшего образования, например, принимающие участие в работе базовых кафедр вузов, имеющие опыт общения со студентами в ходе производственной практики и т. д. Рабочая группа осуществляет выбор профессионального стандарта (это может быть отдельный профессиональный стандарт; часть одного или нескольких профессиональных стандартов – 1–2 трудовые функции; несколько профстандартов).

Второй шаг состоит в определении объема учета профстандарта в ОПОП, который зависит от степени согласованности ФГОС ВО и профессионального стандарта. Рабочая группа на основе выработанных в вузе подходов к пониманию особенностей программы, ее прикладной либо академической направленности определяет этот объем. Исходя из того, что приоритет отдается ФГОС ВО, очень важно соотносить формулировки ФГОС и профессионального стандарта, чтобы потом на третьем шаге, на основе анализа обобщенных трудовых функций обоснованно определить виды профессиональной деятельности, обосновать необходимые изменения и дополнения в пояснительной записке к ОПОП. Четвертый и пятый шаги предусматривают анализ трудовых функций, уточнение задач профессиональной деятельности и формирование перечня компетенций, внося-

мых в образовательную программу. Перечень компетенций не должен строго соответствовать всем трудовым функциям и трудовым действиям, указанным в профессиональном стандарте, но при этом компетенции должны обеспечивать возможность выполнения выпускником вуза основных трудовых функций, достаточных для эффективной трудовой деятельности на этапе адаптации к профессии. Нам представляется, что не стоит стремиться к тому, чтобы все квалификационные требования, заявленные в профстандарте нашли отражение в компетентностной модели выпускника, сами авторы Методических рекомендаций [6] признают, что формулировки профессиональных компетенций, формируемых в период обучения, несколько отличаются от трудовых функций и трудовых действий, указанных в профстандарте, так как последние предполагают наличие профессионального опыта, который у студентов по определению ограничен.

Шестой шаг связан с формированием результатов освоения ОПОП с учетом профессиональных стандартов, он обеспечивает определение и описание измеримых результатов обучения, необходимых для формирования компетенций выпускников («расшифровка компетенций», создание их «паспортов»). Компетенции, указанные во ФГОС следует рассматривать как планируемые результаты освоения ОПОП, а результатами обучения по каждой дисциплине (модулю) и практике являются знания, умения, навыки и (или) опыт деятельности, которые характеризуют этапы формирования компетенций и обеспечивают достижение планируемых результатов освоения основной профессиональной образовательной программы. Наибольшую трудность для авторов ОПОП составляет соотнесение формулировок компетенций из ФГОС ВО и описаний результатов обучения (знать, уметь, владеть) в картах компетенций с трудовыми функциями и трудовыми действиями, указанными в профессиональном стандарте. Знания и умения, которые выступают основой формирования компетенций определяются вузом с учетом квалификационных требований, сформулированных в профессиональных стандартах применительно к отдельным трудовым функциям. На этой основе в ходе выполнения седьмого шага алгоритма идет соотнесение требований профстандарта с материалами проектируемого фонда оценочных средств. В первую очередь это процесс уточнения формулировок образовательных результатов и проектирование логики их оценивания. Если исходить из того, что «компетенция обозначает комплекс способностей, знаний, представлений, межличностных, интеллектуальных, инструментальных навыков, этических установок, которые вырабатываются параллельно и совокупно в процессе всех форм учебной деятельности студента» (освоение отдельных дисциплин, модулей, практик, НИР, самостоятельной работы, текущей, промежуточной и итоговой аттестации)» [7, с. 11], то, чтобы корректно сформулировать, каким образом, в какой последовательности и на каком уровне формируются в ходе реализации программы компетенции, а самое главное, как проверяется их формирование, разрабатываются соответствующие инструменты оценки, карты или «паспорта» компетенций. Они являются основой для создания фондов оценочных средств, описывают этапы достижения компетенции через конкретные и измеряемые результаты обучения, включая

критерии их оценки. В настоящий момент эта работа делается каждым вузом самостоятельно, после утверждения примерных основных образовательных программ, в них появятся типовые карты компетенций для каждого направления подготовки.

Восьмой шаг нацелен на учет профстандарта при формировании структуры и содержания образовательной программы. Именно уточненный перечень компетенций задаст набор дисциплин (модулей), практик. Соответственно, необходимо соотнести компетенции с отдельными позициями учебного плана. При проектировании ОПОП возникает проблема соответствия между формулировками компетенций и их отражением в названиях традиционных дисциплин, а также с формулировками их целей и задач. Если отказаться от традиционных названий дисциплин (например, «Педагогика», «Психология», «История», «Социология» и др.), перейти к более «дробным», близким к соответствующим компетенциям названиям, это приведет к проблеме отсутствия учебно-методического обеспечения «новой» дисциплины, а в разрезе государственной аккредитации усугубит проблему наличия у преподавателей, которые участвуют в реализации таких дисциплин, специального образования, соответствующего профилю преподаваемой дисциплины. Попытки излишней формализации в этой сфере приводят к явной профанации.

Девятый шаг связан с разработкой учебного плана и календарного графика. С точки зрения соответствия ОПОП требованиям профессионального стандарта он очень значим, поскольку позволяет выстроить логику программы, закрепить приоритеты ведущего вида деятельности, определяющего направленность программы за счет перераспределения зачетных единиц и сроков освоения отдельных дисциплин (модулей). Заключительный, десятый шаг, предполагает проведение экспертизы, разработанной ОПОП с привлечением сотрудников базовых кафедр вузов, представителей работодателей, выпускников, обучающихся и преподавателей, участвующих в реализации образовательной программы.

Подводя итоги, отметим, что учет требований профессионального стандарта необходим, но нельзя их соотносить механически, нужно учитывать, что ни ФГОС ВО, ни профессиональный стандарт в этом процессе не могут обойтись один без другого (у них разные цели, разные области применения, разные уровни обобщенности и т. д.). Кроме того, при разработке ОПОП важно учитывать профессиональный стандарт, ориентироваться на требования к знаниям и умениям, которые в нем отражены, так как именно на них

будут основываться работодатели при проведении процедуры отбора кандидатов на соответствующие должности. В перспективе возможно появление практики проведения профессионального экзамена как механизма входа в профессию, и тогда уровень готовности выпускников основной образовательной программы к таким испытаниям будет наиболее явным показателем ее качества.

1. Белоцерковский А. В. К вопросу о согласовании профессиональных и образовательных стандартов // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 26–31.

2. Основные итоги работы Всероссийского съезда участников апробации и внедрения профстандарта педагога, 2015. URL: <http://www.xn--80aaaaoadbi1fjidjfmsf6a.xn--p1ai/> (дата обращения: 25.12.2015).

3. Методические рекомендации по актуализации действующих федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования с учетом принимаемых профессиональных стандартов (утв. Минобрнауки России 22 января 2015. № ДЛ–2/05вн), 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175196/ (дата обращения: 25.12.2015).

4. Приказ Минтруда России от 18 декабря 2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (зарегистрировано в Минюсте России 6 декабря 2013 г. № 30550), 2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/12/18/pedagog-dok.html> (дата обращения: 25.12.2015).

5. Сенашенко В. С. О соотношении профессиональных стандартов и ФГОС высшего образования // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 31–36.

6. Методические рекомендации по разработке основных профессиональных образовательных программ и дополнительных профессиональных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов (утв. Минобрнауки России 22 января 2015 г. № ДЛ–1/05вн), 2015. URL: <http://www.dokipedia.ru/document/5208903> (дата обращения: 25.12.2015).

7. Елина Е. Г., Ковтун Е. Н., Родионова С. Е. Компетенции и результаты обучения: логика представления в образовательных программах // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 10–20.

© Макарова Н. С., 2016

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ ПО МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме организации экспериментальной работы как неотъемлемой составляющей магистерских диссертаций по методике преподавания иностранного языка. На основе собственного опыта руководства магистерскими диссертациями и рецензирования автор определяет правила организации и проведения экспериментальной работы в процессе подготовки магистерского исследования по методике преподавания иностранного языка. Кроме того, определены типичные ошибки, допускаемые студентами магистратуры филологических специальностей на этапе организации и проведения экспериментальной работы.

Ключевые слова: иностранный язык, магистерская диссертация, методика преподавания, правило, типичная ошибка, экспериментальная работа.

В условиях необходимости углубления международного сотрудничества и установления подлинного межнационального диалога, основанного на принципах многополярного мира, уважения интересов и особенностей всех народов, особую актуальность приобретает изучение иностранного языка как средства межнациональной коммуникации. Удовлетворение социального заказа на овладение иностранным языком в значительной степени зависит от личности преподавателя, уровня его педагогической, филологической и методической компетентности. Одним из способов подготовки высококвалифицированных специалистов в области иностранной филологии является обучение студентов в магистратуре. Обучение в магистратуре способствует повышению уровня филологической и методической компетентности специалиста, развитию его профессиональной культуры. Следует сказать, что в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению 032700 «Филология» установлен перечень общекультурных и профессиональных компетенций выпускника магистратуры, определен круг профессиональных задач, к решению которых должен быть готов магистр иностранной филологии [1, с. 3–5].

Успешность деятельности преподавателя-филолога в значительной степени зависит от способности четко определять актуальные проблемы филологии или методики преподавания иностранного языка, требующие дополнительного изучения, планировать и проводить исследовательскую работу, а также внедрять полученные результаты в практику работы. Следовательно, неотъемлемой составляющей обучения в магистратуре является проведение самостоятельного научного поиска. За научно-исследовательской работой обучающихся закреплен статус обязательного раздела основной образовательной программы магистратуры,

EXPERIMENTAL WORK AS PART OF MASTER PAPERS IN METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The article deals with the problem of conducting experimental work as an integral part of Master papers in methodology of teaching foreign languages. Personal experience of scientific supervision and that of reviewing help the author to reveal the rules of conducting experimental work in the process of preparation of Master research in methodology of teaching foreign languages. Moreover, the typical mistakes made by Master students of philological specialties at the experimental stage are revealed.

Keywords: foreign language, Master paper, methodology of teaching, rule, typical mistakes, experimental work.

имеющего целью формирование общекультурных и профессиональных компетенций [1, с. 9].

Неотъемлемой составляющей магистерской диссертации по проблемам методики преподавания иностранного языка выступает экспериментальная работа, по результатам которой можно судить об эффективности предложенных автором теоретических положений (методических разработок) и, как следствие, достижения цели исследования. Практика научного руководства магистерскими диссертациями свидетельствует о том, что студенты магистратуры нередко испытывают определенные затруднения в вопросах организации и проведения экспериментальной работы, что снижает положительное впечатление от интересных и перспективных исследований.

Исходя из изложенного выше материала, **цель** статьи – определить правила организации экспериментальной работы в процессе проведения исследования по методике преподавания иностранного языка.

Достижение цели исследования предполагает анализ сущности ключевого понятия публикации «правило обучения». Как справедливо полагает О. Ю. Ефремов, правила представляют собой конкретные указания педагогу на то, как поступить в конкретной педагогической ситуации [2, с. 182]. Экстраполируя данное определение на задачи нашего исследования, возьмем на себя смелость предположить, что под **правилами** организации экспериментального исследования по методике преподавания иностранного языка следует понимать *совокупность указаний молодому исследователю по организации экспериментальной работы в сфере методики преподавания иностранного языка, обеспечивающих объективность и успешность педагогического эксперимента*.

Выявление правил организации экспериментальной работы по методике преподавания иностранного языка

требует определения этапов педагогического эксперимента и задач каждого из этапов. На наш взгляд, экспериментальная работа состоит из следующих этапов:

1) *констатирующий* этап (направленный на подбор диагностических методик для изучения явления или формируемого качества, диагностику исходного уровня проявления признака (качества), определение контрольной и экспериментальной группы);

2) *формирующий* этап (имеющий целью практическую реализацию теоретических положений диссертации; внедрение методических разработок и новаций, предложенных автором);

3) *контрольно-оценочный* этап (предполагающий оценку результативности экспериментальной работы; разработку методических рекомендаций по организации учебного процесса, основанных на анализе проведенного эксперимента).

Успешность подбора диагностических методик в значительной степени зависит от четкости критериев и показателей эффективности экспериментальной работы, их соответствия конечной цели исследования. Критерии и показатели позволяют судить об эффективности научного поиска и надежности полученных результатов. Под *критерием* в научной литературе понимают главный признак, на основании которого происходит оценивание, определение, классификация предметов, явлений и качеств; способ суждения [3, с. 471]. Верификация результативности экспериментальной работы требует определения показателя как величины, дающей возможность оценить степень проявления критерия. В «Словаре русского языка» термин «показатель» определяется как данные, по которым можно судить о развитии и ходе чего-нибудь [4, с. 547].

В одной из наших предыдущих публикаций мы приводили пример магистерской диссертации «Обучение аудированию учеников среднего звена общеобразовательной школы на уроках китайского языка», автор которой в качестве критерия эффективности экспериментальной работы по обучению аудированию на уроках китайского языка предложила *интерес к китайскому языку* (заданием). Мы подчеркнули, что вряд ли предложенный вариант можно считать удачным, поскольку на основе критерия невозможно оценить эффективность работы по формированию у школьников навыков аудирования [5, с. 149]. На наш взгляд, критерии и показатели должны отражать конечную цель исследования, раскрывать аспекты формируемого качества или умения. Как вариант в уже упоминавшейся работе в качестве критериев можно определить время восприятия иноязычной речи, адекватность реакции на услышанное сообщение или вопрос (feedback) и т. д.

Безусловно, определение критериев и показателей находится в исключительной компетенции автора и зависит от научного замысла. Непременным условием значимости экспериментальной работы считаем соответствие критериев (показателей) оценивания конечной цели исследования. Таким образом, правило организации экспериментальной работы по методике преподавания иностранного языка заключается в **определении критериев (показателей) оценивания экспериментальной работы, отражающих исследуемое явление и соответствующих цели и задачам исследования по методике преподавания иностранного языка.**

Как мы уже говорили, целью экспериментальной работы является либо подтверждение гипотезы (предложенных автором новаций), либо ее отрицание («нулевая» гипотеза). Непременным условием эффективности педагогического эксперимента выступает наличие у испытуемых положительных качественных и количественных изменений в конце формирующего этапа эксперимента по сравнению с данными констатирующего среза. Причем экспериментатор сталкивается с необходимостью зафиксировать изменения и «увязать» их непосредственно с проведенной работой. Иными словами, необходимо доказать, что изменения произошли под влиянием внедренных автором новаций, а не стали результатом комбинации случайных факторов. Следовательно, подтверждение выдвинутой гипотезы требует сравнения результатов экспериментальной группы с результатами, полученными в контрольной группе.

Как справедливо замечает Г. Х. Валеев, отличие экспериментальной группы от группы контрольной заключается в том, что испытуемые экспериментальной группы подвергаются экспериментальному воздействию, а члены контрольной группы такому воздействию не подвергаются [6, с. 33]. Иными словами, в экспериментальной группе внедряются авторские разработки, а студенты контрольной группы обучаются по той программе, по которой они обучались до начала педагогического эксперимента. На наш взгляд, процесс формирования экспериментальной и контрольной групп должен строиться на следующих принципах:

1) количество испытуемых в группах должно быть примерно одинаковым;

2) студенты в экспериментальной и контрольной группах должны иметь примерно одинаковый уровень знаний, обучаться по одинаковым программам;

3) на начало формирующего этапа педагогического эксперимента студенты экспериментальной и контрольной группы должны отличаться несущественно.

В процессе научного руководства написанием магистерской диссертации «Использование метода проектов в формировании социокультурной компетенции учеников средней школы в процессе изучения английского языка» автор этих строк обратил внимание студентки магистратуры на допущенную ошибку при организации экспериментальной работы. Так, для проведения эксперимента студентка сформировала только экспериментальную группу, что не устанавливало непосредственной связи между экспериментальной работой и полученными результатами, не исключало случайный характер их получения. Свидетельством эффективности экспериментальной работы являются положительные изменения у испытуемых экспериментальной группы по сравнению со студентами контрольной группы. Причем исходный уровень подготовки студентов экспериментальной и контрольной группы должен быть примерно одинаковым. Иными словами, в экспериментальную группу нельзя включать только отличников или учащихся специализированных школ, а в контрольную – только троечников или учащихся общеобразовательных школ. Следовательно, объективность педагогического эксперимента по методике преподавания иностранного языка предполагает формирование экспериментальной и контрольной группы из испытуемых с приблизительно одинаковым уровнем языковой подготовки.

Результативность эксперимента оценивается на основе сопоставления данных контрольной и экспериментальной группы до и после формирующего этапа. Объективность данных об исходном уровне качества (умения, навыка) обеспечивается путем использования комплекса взаимосвязанных методов. Практика руководства магистерскими диссертациями по специальности «Язык и литература (английский)» или «Язык или литература (китайский)» показывает, что к методам диагностики, зачастую используемым в исследованиях по методике преподавания иностранного языка, относятся анкетирование, тестирование, метод экспертной оценки.

Диагностическим инструментом анкетирования является *анкета*. Под анкетой понимают, с одной стороны, опросный лист; с другой – составленный исследователем список вопросов, ответы на которые служат материалом для обобщений [6, с. 64]. Объективности анкетирования, на наш взгляд, будут способствовать следующие принципы подготовки материала:

- анонимность диагностического материала (возможность респондента не раскрывать личные данные);
- разъяснение сущности диагностируемого качества (во избежание различий в трактовках респондентами одного и того же качества);
- минимализм анкеты (четкость и лаконичность формулировок);
- включение в опросный лист разных видов вопросов (закрытые, открытые, вопросы на ранжирование, вопросы-фильтры [7]);
- исключение субъективной оценки (оценки респондентом уровня развития качества).

Следует сказать, что нередко формулировки опросного материала, составленного молодыми исследователями, провоцируют субъективизм респондентов. Так, автором магистерской диссертации «Формирование коммуникативной компетенции учащихся средней школы на занятиях по английскому языку» был предложен такой вопрос: «Бегло ли Вы говорите по-английски?». На наш взгляд, предложенная формулировка не исключала неправдивого ответа респондентов, продиктованного желанием респондентов выгодно представить свои способности. Безусловно, подобное желание могло негативно повлиять на объективность результатов анкетирования.

Исключению субъективизма респондентов способствует, на наш взгляд, использование исследователем метода экспертных оценок. Сущность метода заключается в том, что к оценке исследуемого явления (качества, умения, навыка) привлекаются независимые эксперты – авторитетные специалисты-практики. Еще одним методом, способствующим объективности результатов диагностики, является анализ продуктов деятельности респондентов. Например, оценка уровня знаний по грамматике иностранного языка может проводиться на основе анализа грамматических тестов, подготовленных на занятии сочинений, творческих работ и т. д. Таким образом, правилом организации экспериментальной работы как неотъемлемой части магистерского исследования по методике преподавания иностранного языка выступает нацеленность исследователя на нивелирование эффекта «социальной

желательности» в процессе диагностики уровня иноязычной подготовки.

Одним из методов определения исходного уровня развития качества является *тестирование*. Этот метод позволяет оценить исследуемое явление по результатам выполненных испытуемыми специально подготовленных заданий, называемых тестами. Анализ выраженности явления происходит по критериям (показателям), отражающим аспекты его проявления. Определяющими характеристиками теста являются его весомость (возможность с помощью теста получить наиболее полные данные) и надежность (возможность получить объективные данные). Следовательно, студент магистратуры в процессе организации экспериментальной работы должен опираться на тестовые методики, получившие признание научной общественности. Безусловно, тесты могут быть адаптированы в соответствии с задачами конкретного исследования. Данное условие применимо также к процедуре анализа полученных данных. Как утверждается в научной литературе по проблемам методологии исследовательской работы, в результате тестирования получают определенную количественную характеристику, показывающую степень проявления у респондента исследуемого явления [8, с. 100]. В этой связи особую актуальность приобретает проблема наличия четкой и понятной шкалы подсчета результатов диагностики. Итак, правило организации экспериментальной работы в области методики преподавания иностранного языка заключается в использовании тестовых методик, соответствующих критериям (показателям) выраженности исследуемого явления и имеющих четкую шкалу оценивания.

На формирующем этапе педагогического эксперимента происходит внедрение авторских методических разработок, призванных оптимизировать процесс изучения иностранного языка. Внедрение может производиться как непосредственно исследователем, так и учителями-практиками под руководством исследователя. Причем второй вариант организации экспериментальной работы считаем предпочтительным, поскольку он позволяет оценить значимость и логичность новаций «со стороны» глазами независимого аналитика, коим выступает учитель-предметник. Таким образом, успешности экспериментальной работы студентов магистратуры в области методики преподавания иностранного языка способствует привлечение преподавателей иностранного языка к процессу апробации (внедрения) авторских методических разработок.

Достижение цели исследования в значительной степени зависит не только от значимости самих новаций, но и от успешной их реализации в учебном процессе. Как мы уже говорили, студент магистратуры может просить учителей принять участие во внедрении предложенных им методических разработок (комплекса упражнений, методики и т. д.). Залогом успешной реализации новаций выступает, на наш взгляд, понимание преподавателем сути методических разработок. Так, во время консультации мы обратили внимание автора магистерской диссертации «Формирование коммуникативной компетенции учащихся средней школы на занятиях по английскому языку» на то, что суть методических разработок изложена достаточно туманно, равно как

и порядок их внедрения. Следовательно, эффективность экспериментальной работы по методике преподавания иностранного языка в значительной степени зависит от логичного изложения авторских разработок по методике преподавания иностранного языка и особенностей их использования в учебном процессе.

Успешность экспериментальной работы оценивается по степени качественных и количественных изменений, произошедших в экспериментальной группе после формирующего этапа педагогического эксперимента. Причем сравниваются данные контрольного среза (после эксперимента) с данными констатирующего среза (полученными до практической реализации авторских разработок). Свидетельством эффективности педагогического эксперимента, научной новизны и практического значения исследования являются положительные изменения у студентов экспериментальной группы, полученные в идентичных условиях анализа. Итак, объективность результатов экспериментальной работы по методике преподавания обеспечивается использованием одинаковых диагностических методик до и после формирующего эксперимента.

Как совершенно справедливо замечает Г. Х. Валеев, отличительной особенностью педагогического эксперимента является его повторяемость [6, с. 34]. Иными словами, значимость предложенных автором методических разработок и новаций определяется возможностью их применения в учебном процессе учителями-практиками и получения аналогичных результатов. Как следствие, одной из задач контрольно-оценочного этапа экспериментальной работы должна стать выработка автором рекомендаций по организации учебного процесса, позволяющих преподавателю достичь поставленной цели. Кроме того, методические рекомендации являются своеобразным концентрированным описанием хода и результатов экспериментальной работы по методике преподавания иностранного языка. Так, автор этих строк обратил внимание студента магистратуры, работавшего над темой «Обучение спонтанной речи учащихся 5 – 9 классов средней школы на уроках английского языка» на необходимость подготовки методических рекомендаций как квинтэссенции научного поиска. Таким образом, правилом организации студентами магистратуры экспериментальной работы по методике преподавания иностранного языка является разработка методических рекомендаций по организации преподавания иностранного языка, направленных на решение актуальной проблемы исследования.

Обучение в магистратуре способствует повышению уровня филологической и методической компетентности специалиста, развитию его профессиональной культуры. Неотъемлемой составляющей магистерской диссертации по проблемам методики преподавания иностранного языка выступает экспериментальная работа. Успешность экспериментальной работы как неотъемлемой части магистерского исследования по методике преподавания иностранного языка зависит от соблюдения молодым исследователем правил организации экспериментальной работы. Под правилами организации экспериментального исследования по методике преподавания иностранного языка в статье понимается совокупность указаний молодому исследова-

телю по организации экспериментальной работы в сфере методики преподавания иностранного языка, обеспечивающих объективность и успешность педагогического эксперимента. На основе выделения этапов экспериментальной работы и задач каждого этапа были определены следующие правила организации экспериментальной работы как составляющей исследования по методике преподавания иностранного языка:

- 1) определение критериев (показателей) оценивания экспериментальной работы, отражающих исследуемое явление и соответствующих цели и задачам исследования по методике преподавания иностранного языка;
- 2) формирование экспериментальной и контрольной группы из испытуемых с приблизительно одинаковым уровнем языковой подготовки;
- 3) нацеленность исследователя на нивелирование эффекта «социальной желательности» в процессе диагностики уровня иноязычной подготовки;
- 4) использование тестовых методик, соответствующих критериям (показателям) выраженности исследуемого явления и имеющих четкую шкалу оценивания;
- 5) привлечение преподавателей иностранного языка к процессу апробации (внедрения) авторских методических разработок;
- 6) логичное изложение авторских разработок по методике преподавания иностранного языка и особенностей их использования в учебном процессе;
- 7) использование одинаковых диагностических методик до и после формирующего эксперимента;
- 8) разработка методических рекомендаций по организации преподавания иностранного языка, направленных на решение актуальной проблемы исследования.

Безусловно, материал статьи не решает всех аспектов рассматриваемой проблемы. Перспективы дальнейшего научного поиска в данном направлении видим в выявлении особенностей научно-методологического аппарата магистерского исследования по иностранной филологии.

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» (квалификация (степень) «магистр»). URL: <http://www.fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/32/20110321080916.pdf> (дата обращения: 13.05.2015).

2. Ефремов О. Ю. Педагогика : учеб. пособие. СПб.: Питер, 2010. 352 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.

5. Мацько Д. С. Типичные ошибки в организации магистерских исследований по иностранной филологии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 146–150.

6. Валеев Г. Х. Методология и методы психолого-педагогических исследований : учеб. пособие [для студентов 3–5-х курсов пед. вузов по специальности 031000 – «Педагогика и психология»]. Sterlitaamak: Sterlitaamak. гос. пед. ун-т, 2002. 134 с.

7. Образцов П. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования : курс лекций. Орел: Изд-во Орловского ун-та, 2002. 292 с.

8. Загвязинский В. И., Атаханов Р. Методология и методы психолого-педагогического исследования : учеб. пособие. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 208 с.

© Мацько Д. С., 2016

УДК 8122

Т. В. Некрасова
T. V. Nekrasova

КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОСТИ ЕГО КОМПЕТЕНЦИИ

COMMUNICATIVE LINGUISTIC PROFESSIONAL MOBILITY OF MILITARY SPECIALISTS AS THE CONDITION FOR SUCCESS OF THEIR COMPETENCE

В статье рассмотрены некоторые современные подходы к формированию профессиональной мобильности будущего военного специалиста при обучении иностранному языку в неязыковом вузе для обеспечения качественной подготовки специалиста нового типа как пользователя иностранным языком. Процесс языкового развития личности опосредован образом языка специальной предметной области, которая концептуально представляет собой субъективную идею о возможности общения с другим человеком по содержанию профессиональной деятельности. Особо отмечена специфика формируемой коммуникативной компетенции. Представлено технологическое обеспечение образовательного процесса.

The article deals with some modern approaches to the formation of professional mobility of the future military specialist in teaching a foreign language at non-linguistic universities to provide the quality training of a new specialist as a foreign language user. The process of the personal language development is indirectly connected with the special subject area, which conceptually represents a subjective idea of the possibility of communicating with another person on the content of professional activities. Specificity of the formed communicative competence is specially marked. The technological support of the educational process is described.

Keywords: professional mobility, communicative competence, technological support, educational process.

Ключевые слова: профессиональная мобильность, коммуникативная компетенция, технологическое обеспечение, образовательный процесс.

Условия формирования профессиональной компетенции специалиста в целом и в военной сфере в частности обусловлены необходимостью своевременного взаимодействия профессионалов в едином глобальном образовательном пространстве. Так, общим в сфере профессиональной военной деятельности является система STANAG или standardisation agreement (соглашение по стандартизации), которая устанавливает и определяет способы, порядок действий, терминологию и условия для унификации в рамках единых вооруженных сил или технических операций или оборудования (материальной части) [1]. Целью соглашения является проведение единых оперативных и административных мероприятий, материально-технического обеспечения таким образом, чтобы вооруженные силы одного государства-участника могли использовать материальные средства и материально-техническое обеспечение вооруженных сил другого государства-участника. Кроме того, соглашение создает основу для технической взаимозаменяемости среди большого разнообразия систем связи и информации, важных для проведения военных операций. Рассматривая данный аспект, мы говорим об интеграции высшего профессионального образования в единое европейское образовательное пространство как об условии

взаимопонимания по основным вопросам профессиональной деятельности: выработке единых подходов, разработке современных образцов техники и др. Такое направление развития современного образования обусловило необходимость использования в образовательном пространстве новых технологий, методов, форм и средств обучения иностранному языку [2].

Современным является подход, при котором рассматривается группа знаний в определенной области (related knowledge), навыки и отношения, влияющие на значительную часть профессиональной деятельности (роли или зоны ответственности), которые связаны с выполнением деятельности, могут быть измерены по принятым стандартам и развиты через обучение. Компетенции представляют сумму знаний, умений и личностных качеств, которые позволяют человеку совершать различные действия.

В нашем понимании компетентность – это профессиональная подготовленность и способность субъекта труда к выполнению задач и обязанностей по занимаемой должности. Компетентность выступает мерой и основным критерием определения соответствия требованиям совокупного труда. Каждая из сторон труда (профессиональная деятельность, повседневные отношения, сам развивающийся субъект

ект и результаты его труда) может быть оценена с помощью критериального модуля. Его показателями являются объективно необходимые знания, умения, навыки, а также профессиональные позиции, психологические особенности (качества) и акмеологические инварианты.

Применительно к области иноязычной филологии компетентностный подход давно нашел свое отражение в формулировке цели обучения. Уже несколько десятилетий основной целью обучения иностранному языку является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции, которую традиционно определяют как позволяющую осуществлять деятельность с использованием собственно языковых средств.

Изменения в общественной жизни России определили необходимость сделать особый акцент на формирование профессиональной мобильности будущего военного специалиста при обучении иностранному языку в неязыковом вузе для обеспечения качественной подготовки специалиста нового типа как пользователя иностранным языком. Требования профессиональной мобильности предполагают некоторые изменения цели, содержания, процесса и формы организации учебного процесса по иностранному языку, разработку новой технологии и специального методического обеспечения, направленного на интенсификацию языковой подготовки и применение новых технологических подходов в образовательном процессе военного вуза.

Формируемая коммуникативная компетенция, характеризующая профессиональную мобильность, может включать в себя следующие аспекты: знание особенностей использования языка для различных целей и выполняемых функций; определение специфики языка в зависимости от коммуникативной ситуации и ее участников; умение создавать, читать и понимать тексты различного профиля и жанра; умение поддерживать профессионально ориентированный разговор [3]. Значимым является определение компетенции как знания, навыка, способности или характеристики, связанных с выполнением профессиональной деятельности на высоком уровне, такие как *problem solving*, аналитическое мышление или лидерский потенциал [2].

Современная цель обучения иностранным языкам не сводится лишь к формированию языковых навыков и речевых умений, прежде всего необходима профессиональное общение. Общение же в каждой из профессиональных сфер требует специальных знаний и навыков, которые необходимы для достижения прагматического воздействия и успеха в коммуникации. Поэтому очень важно, для формирования профессиональной коммуникативной компетентности:

1) обучать свободному овладению жанрами, которые являются профессионально определяющими для данной специальности. Это умение считается основополагающим, так как каждый жанр имеет свою специфическую форму и композиционное построение согласно цели коммуникации. Разнообразие жанровых форм определяется коммуникативными задачами и целями общения. Знание специфических характеристик каждого жанра является чрезвычайно важным для коммуникации;

2) знакомить с терминами в деловом контексте и акцентировать внимание на том, что способ употребления слов в деловом контексте отличается от обыденно-привычного;

3) формировать у обучающегося комплекс этикетно-речевых формул делового общения, которые являются неотъемлемой частью профессионального речевого общения;

4) обучать основам риторики;

5) демонстрировать влияние на коммуникацию ряда экстралингвистических факторов: обстоятельства процесса общения, личностных качеств специалиста, служащих важным параметром оценки коммуникативной ситуации и планирования коммуникативных действий;

6) обращать внимание на статусно-ролевые характеристики партнера (психологическая компетентность) как на фактор успешной/неуспешной коммуникации.

В процессе обучения языку обучающиеся развивают свою коммуникативную компетенцию, посредством которой происходит формирование остальных ключевых и (на профильном этапе обучения) самых элементарных основ профессиональных компетенций с целью решения задач социальной деятельности в ее различных сферах.

Под коммуникативной компетенцией мы понимаем умение соотносить языковые средства с конкретными сферами, ситуациями, условиями и задачами общения. Языковой материал рассматривается нами как средство реализации речевого общения. Следует отметить, что научить свободно ориентироваться в иноязычной среде, адекватно реагировать в различных языковых ситуациях профессиональной направленности можно посредством коммуникативного подхода, направленного на формирование смыслового восприятия и понимание иностранной речи, а также овладение аутентичным языковым материалом для построения конкретных речевых высказываний [4]. Особое внимание при этом фокусируется на таких моментах, как взаимодействие участников в процессе общения, достижение общей коммуникативной цели, объяснение различными способами, расширение компетенции одного участника коммуникации за счет общения с другими участниками.

Эффективность формирования профессиональной мобильности зависит от реализации следующих особенностей коммуникативного обучения:

– обязательное введение аутентичных текстов в учебную ситуацию;

– предоставление возможности сфокусировать внимание на изучаемом языке и на процессе его изучения;

– привлечение личного опыта обучаемых в качестве одного из элементов процесса обучения;

– связь академического изучения языка с использованием его в реальной профессиональной коммуникации.

Значимыми компонентами, положенные в основу содержательного наполнения коммуникативной компетенции, являются:

– лингвистическая (языковая) компетенция – способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения, актуальных для того или иного функционального стиля;

– дискурсивная компетенция – способность соединять предложения в связный текст, дискурс, используя для этого соответствующие средства связи;

– социолингвистическая компетенция – способность понимать и продуцировать речь, соответствующую социо-

лингвистическому контексту акта коммуникации, протекающую в рамках всех необходимых сфер деятельности;

– иллокутивная (прагматическая) компетенция – способность надлежащим образом формировать речевые акты в соответствии с коммуникативными намерениями и ситуациями общения в рамках всех необходимых сфер деятельности;

– стратегическая компетенция – способность эффективно участвовать в общении, выбирать правильную стратегию для повышения эффективности коммуникации;

– предметная компетенция – способность ориентироваться в содержательном плане высказывания в рамках актуальной профессионально значимой тематики, предусмотренной учебными программами специальных дисциплин [5].

Мобильность характеризуется умением обучаемых отразить основные лингвистические особенности выполнения своего задания. Коммуникативный подход предполагает использование принципа группового взаимодействия, при котором выполняются коммуникативные задания проектного плана или профессиональные ролевые игры коммуникативной направленности. Эффективности выполняемых действий способствуют аутентичные материалы, например, об образцах отечественной и зарубежной военной техники и вооружении; о компаниях-производителях бронетанковой и автомобильной техники; об устройстве боевых машин и т. д. Таким образом, можно сказать, что речевая мобильность обучаемых характеризуется владением лексико-грамматическими стереотипами на уровне речевых автоматизмов и навыками участия в устном общении на иностранном языке на военно-технические темы.

Содержание такого аутентичного языкового учебного материала должно быть образовательным и социально значимым в широком смысле и лично направленным в соответствии с потребностями курсанта. Такой учебный материал призван сформировать в курсантах собственный стиль иноязычного речевого и социального поведения. Практические задания опираются как на уже изученный материал, так и на фоновые знания. Учет фоновых знаний необходим, так как они способствуют формированию новых профессиональных интересов, что, в свою очередь, ведет к повышению профессиональной речевой мобильности курсантов. Требуется определенное время, чтобы курсанты усвоили, что в профессиональном общении их ответы должны быть объемными, что вместе с ответом на вопрос нужно выразить доказательство или опровержение, представляющие и обосновывающие позицию и определяющие отношение говорящего к ситуации. Практика показывает, что при запоминании курсантами определенного алгоритма ответа, они выражают свои мысли более активно и выстраивают их в определенной логической последовательности. Каждое из коммуникативных заданий системы соотносится с конкретным уровнем

обученности курсанта и способствует его личностному развитию посредством иноязычной коммуникации [6]. При этом обязательно учитывается принцип профессиональной ориентированности, который является основополагающим принципом обучения курсантов, неразрывно связан с проблемой профессионализации обучения как процесса и результата овладения определенными социальными и профессиональными ролями и функциями [7]. Данный принцип обучения предполагает создание внутренних мотивов речевой деятельности курсантов путем внешней социальной мотивации их поведения; подлинной предметности профессионального общения и значимости для них всех обсуждаемых на занятиях проблем; необходимости овладения языковой формой для достижения уровня компетентности в иностранном языке; формирование и поддержание коммуникативной потребности общения между собой; использование современных педагогических технологий для обучения фоновым знаниям по специальности.

Задача преподавателя как организатора учебного процесса – создание педагогических условий, располагающих к коммуникации, выполнению коммуникативных заданий и рефлексии по результатам выполненных учебных действий. Реализация коммуникативного подхода в обучении иностранному языку обеспечивает формирование профессиональной мобильности будущих специалистов и способствует успешному формированию их иноязычной коммуникативной компетенции.

1. STANAG. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/STANAG> (дата обращения: 25.12.2015).

2. Каплина С. Е. Технология формирования профессиональной мобильности будущих инженеров в процессе изучения гуманитарных дисциплин // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 2. С. 154–158.

3. Клименко И. П., Ескина И. М. Иноязычная коммуникативная компетенция как фактор формирования профессиональной мобильности. // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 358–360.

4. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

5. Медведева Н. Е. Коммуникативный метод обучения и профессиональная компетенция преподавателя // Современные теории и методы обучения иностранным языкам. М.: Экзамен, 2006. С. 201–205.

6. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранному языку: базовый курс лекций. М.: АСТ/Астрель, 2008. 132 с.

7. Каплина С. Е. Концептуальные и технологические основы формирования профессиональной мобильности будущих инженеров в процессе изучения гуманитарных дисциплин: дис. ... д-ра пед. наук. Чебоксары, 2008. 570 с.

© Некрасова Т. В.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены актуальные вопросы совершенствования профессиональной подготовки студентов экономических специальностей в учреждениях среднего специального образования, посредством внедрения и использования интерактивных форм проведения занятий, востребованных новой образовательной ситуацией.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, интерактивные формы, познавательный процесс, эффективность, обучение.

Главной задачей современного среднеспециального профессионального образования является развитие личности, которая готова качественно жить и успешно действовать в обществе. Другими словами, студент должен не только получить теоретические знания, но и овладеть определенными навыками, умениями действовать в конкретных жизненных ситуациях, планировать собственную жизненную стратегию и нести личную ответственность.

Многие методические инновации, используемые в преподавании экономических дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования, связаны сегодня с применением интерактивных форм обучения. Слово «интерактив» образовано от слова “interact” (англ.), где “inter” – взаимный, “act” – действовать. «Интерактивность» означает способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога. Следовательно, интерактивное обучение – это прежде всего диалоговое обучение. Диалог возможен и при традиционных методах обучения, но лишь на линиях «учитель – ученик» или «учитель – группа учащихся (аудитория)». При интерактивном обучении диалог строится также на линиях «ученик – ученик» (работа в парах), «ученик – группа учащихся (работа в группах)», «ученик – аудитория» или «группа учащихся – аудитория (презентация работы в группах)», «ученик – компьютер» и т. д. [1, с. 125].

Интерактивная форма проведения занятий – это специальная форма организации познавательной деятельности, когда учебный процесс протекает таким образом, что практически все учащиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они знают и думают. Совместная деятельность учащихся в процессе познания, освоения учебного материала означает, что каждый вносит свой индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Происходит это в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет учащимся не только получать новое знание, но и развивать свои коммуникативные умения: умение выслушивать

FEATURES OF INTERACTIVE FORMS OF TRAINING IN ECONOMIC DISCIPLINES AT INSTITUTIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

The article discusses actual issues of improving professional training of students of economic specialties at institutions of secondary vocational education, through the implementation and use of interactive forms of training required by the new educational situation.

Keywords: teaching activities, interactive forms, educational process, efficiency, training.

мнение другого, взвешивать и оценивать различные точки зрения, участвовать в дискуссии, вырабатывать совместное решение. Значительны и воспитательные возможности интерактивных форм работы. Они способствуют установлению эмоциональных контактов между учащимися, приучают работать в команде, снимают нервную нагрузку, помогая испытать чувство защищенности, взаимопонимания и собственной успешности [2, с. 211].

По сравнению с традиционными формами проведения занятий в интерактивном обучении меняется взаимодействие педагога и студентов: активность педагога уступает место активности студентов, а задачей педагога становится создание условий для инициативы.

Интерактивные методы обучения являются одним из наиболее важных средств совершенствования профессиональной подготовки студентов в учреждениях среднего профессионального образования. Результаты многих исследований установили, что использование интерактивных методов является самым эффективным путем обучения, способствовавшему оптимальному усвоению нового и закреплению старого материала. Применение интерактивных форм проведения занятий по экономическим дисциплинам решает следующие задачи:

- формирует интерес к экономическим знаниям;
- насыщает социальный опыт студента путем переживания конкретных экономических ситуаций;
- учит формулировать собственное мнение и уважать альтернативную позицию, слушать других людей;
- развивает самостоятельную и творческую деятельность студентов [3, с. 155].

Для решения воспитательных и учебных задач преподавателем среднеспециального учебного заведения могут быть использованы следующие интерактивные формы:

- круглый стол (дискуссия, дебаты);
- метод морфологического анализа;
- метод паратеатра;
- мозговой штурм (брейнсторм, мозговая атака);
- деловые и ролевые игры;

- case-study (анализ конкретных ситуаций, ситуационный анализ);
- мастер класс.

В процессе преподавания экономических дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования считаем важным предложить использование следующих методов.

Метод морфологического анализа разработал Фриц Цвики, известный американский астрофизик. Цель метода – выделить наиболее важные параметры конкретной проблемы, а затем изучить соотношения между ними. Данный метод направлен на то, чтобы использовать все имеющиеся альтернативы, которые может дать многомерная модель.

Метод паратеатра. Технология данного метода предусматривает исполнение ведущим трех ролей: сценариста, режиссера и менеджера. Сцена задается сценаристом. Как режиссер ведущий инструктирует актеров, распределяет роли и, учитывая, как развиваются ситуации, как сценарист моделирует ту или иную сцену. Как менеджер ведущий должен выполнить следующее: сделать очевидными промахи обучаемых; продемонстрировать отрицательные последствия; дать возможность обучаемым апробировать решения, на которые в жизни они бы не отважились; сделать наглядными удачные ходы обучаемых, чтобы развить потенциальный успех в действительный. Ведущий может одобрительными репликами подсказывать правильность хода.

Метод разыгрывания ролей. Этот метод применяется в основном при рассмотрении ситуаций, в основе которых лежат проблемы взаимоотношений в коллективе, а также при изучении тем, касающихся совершенствования стиля и методов руководства.

Метод дискуссии. Традиционно дискуссия рассматривается как диалог, деловой спор, свободное обсуждение проблем. Назначение дискуссии заключается в поисках истины посредством сопоставления в столкновении разных точек зрения. Кроме этого, дискуссия является мощным средством соединения теории с практикой, методом формирования интегральных знаний и развития навыков творческого мышления, инструментом отшлифовки идей и выработки убеждений.

Метод полемики. Цель полемики – не достижение согласия, а победа над другой стороной, утверждение собственной точки зрения. Средства, употребляемые в полемике, не обязательно должны быть настолько нейтральными, чтобы с ними соглашались все участники. Каждый из них применяет те приемы, которые находит нужными для достижения победы, и не считается с тем, насколько они соответствуют представлениям других участников полемики о допустимых приемах и средствах.

Методы круглого стола. Эта группа методов объединяет около полутора десятка разновидностей учебных занятий, в основе которых лежит принцип коллективного обсуждения проблем. Методы круглого стола можно объединить в следующие группы:

1. Учебные семинары.

Межпредметные. На занятие выносятся тема, которую необходимо рассмотреть в разных аспектах. На семинар могут быть приглашены специалисты соответствующих профессий. Между слушателями распределяются задания для

подготовки сообщений по теме. Такой семинар позволяет расширить кругозор обучающихся, способствует комплексному подходу к оценке проблем.

Проблемные. Перед изучением каждого раздела курса преподаватель предлагает обсудить проблемы, связанные с содержанием данного раздела. Накануне обучающиеся получают задание отобрать, сформулировать и объяснить суть проблемы. На семинаре в условиях групповой дискуссии проводится обсуждение проблем. Метод проблемного семинара дает возможность выявить уровень знаний слушателей в определенной области и сформировать стойкий интерес к изучаемому разделу учебного курса.

Тематические. Эти семинары готовятся и проводятся с целью акцентировать внимание обучающихся на какой-либо актуальной теме или на наиболее важных и существенных ее аспектах.

Ориентационные. Предметом обсуждения на этих семинарах являются новые аспекты известных тем, способов решения уже поставленных и изученных проблем, опубликованные официальные материалы, директивы.

Системные. Проводятся для более глубокого знакомства с разными проблемами, к которым имеет прямое или косвенное отношение изучаемый курс или тема.

2. Учебные дискуссии. Они могут проводиться по материалам лекции; по итогам практических занятий; по проблемам, предложенным самими слушателями; на основе событий и фактов из практики изучаемой сферы деятельности; по публикациям в печати.

Учебные дискуссии закрепляют знания; увеличивают объем новой информации; помогают выработать умения спорить, доказывать, защищать и отстаивать свое мнение и прислушиваться к мнению других.

3. Учебные встречи за «круглым столом». Для слушателей бывают чрезвычайно полезны в познавательном отношении периодические встречи за «круглым столом» со специалистами – учеными, экономистами, деятелями искусства, представителями общественных организаций, учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений, государственных органов и др. Перед каждой такой встречей преподаватель предлагает слушателям заявить интересующую их тему и сформулировать вопросы для обсуждения. Отобранные вопросы передаются гостю «круглого стола» для подготовки к выступлению и ответам. Одновременно на «круглый стол» могут быть приглашены несколько специалистов, занимающихся исследованием данной проблемы. Чтобы заседание «круглого стола» проходило активно и заинтересованно, необходимо настроить слушателей на обмен мнениями и поддерживать атмосферу свободного обсуждения.

По нашему мнению, наиболее эффективным методом активации процесса обучения, особенно в преподавании экономических дисциплин, является метод проблемного изложения. Объяснение нового материала становится похоже на диалог, преподавание имитирует исследовательский процесс; выдвигаются первоначально несколько ключевых вопросов по теме занятия, изложение выстраивается по принципу самостоятельного анализа и обобщения студентами учебного материала. Стимулируя разрешение проблемы, преподаватель снимает противоречия между имею-

щимся ее пониманием и требуемыми от студента знаниями. Эффективность метода в том, что отдельные проблемы могут подниматься самими учащимися, тем самым преподаватель добивается от аудитории «самостоятельного решения» поставленной проблемы. При подготовке семинарских занятий по экономическим дисциплинам может быть использован такой метод, как метод дискуссий, который представляет собой массовое сосредоточенное целенаправленное обсуждение студентами учебной проблемы, что помогает устремить их к поиску нового задания-ориентира для следующей самостоятельной деятельности. Дискуссия помогает вовлечь больше будущих специалистов в обсуждение содержания проблемы и используется как эффективное средство активизации профессиональной подготовки, как способ углубленной работы с содержанием предмета, выходя за пределы механического освоения определенных сведений, творческого получения знаний. Такая форма занятий целесообразна на этапе закрепления сведений, творческого осмысления материала и формирования ценностных ориентаций.

УДК 378.1

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с включением в профессию студентов в период прохождения учебной практики. Основная задача исследования – предложить новую форму, дополняющую существующие виды практики.

Ключевые слова: «включение в профессию», практика, функции классного руководителя, компетенция, модуль.

Результатом подготовки в современном педагогическом вузе является, профессиональная педагогическая компетенция, являющаяся интегральной характеристикой, определяющей способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей. Коллективом исследователей РГПУ им. А. И. Герцена были установлены сущностные признаки компетентности, которые обусловлены постоянными изменениями мира и определяют требования к «успешному взрослому»:

– компетентность имеет деятельностный характер обобщенных умений в сочетании с предметными умениями и знаниями в конкретных областях;

– компетентность проявляется в умении осуществлять выбор на основе адекватной оценки себя в конкретной ситуации.

2015 год стал годом внедрения проекта общественно-педагогической практики в систему подготовки бакалавров в ОмГПУ. Она была встроена в концепцию Новой

Таким образом, использование методов интерактивного обучения в преподавании экономических дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования повышает уровень развития продуктивной деятельности на основе взаимодействия всех участников образовательного процесса, обмена информацией между ними, сотрудничеством, совместным принятием решений в атмосфере взаимопонимания и уважения.

1. Смолин А. Б. Методы интерактивного обучения. М.: Дрофа, 2002. 276 с.

2. Лернер И. Я. Дидактические основы методов обучения. М., 2004. 355 с.

3. Хуторской А. В. Современная дидактика. СПб.: Питер, 2009. 376 с.

© Федоров В. М., 2016

*Л. В. Федяева, Н. А. Дука, Э. Р. Диких
L. V. Fedyeva, N. A. Ducka, E. R. Dikikh*

ON THE CHANGING FORM PEDAGOGICAL PRACTICE

The article reveals the topics connected with the inclusion into the profession of students during the period of their educational practice. The main purpose of the article is to propose a new form of educational practice which will supplement with the existing ones.

Keywords: 'inclusion into the profession', practice, functions of a form-master, competence, module.

модели практики (см. рис.), предложенной Н. В. Алтынниковой [1].

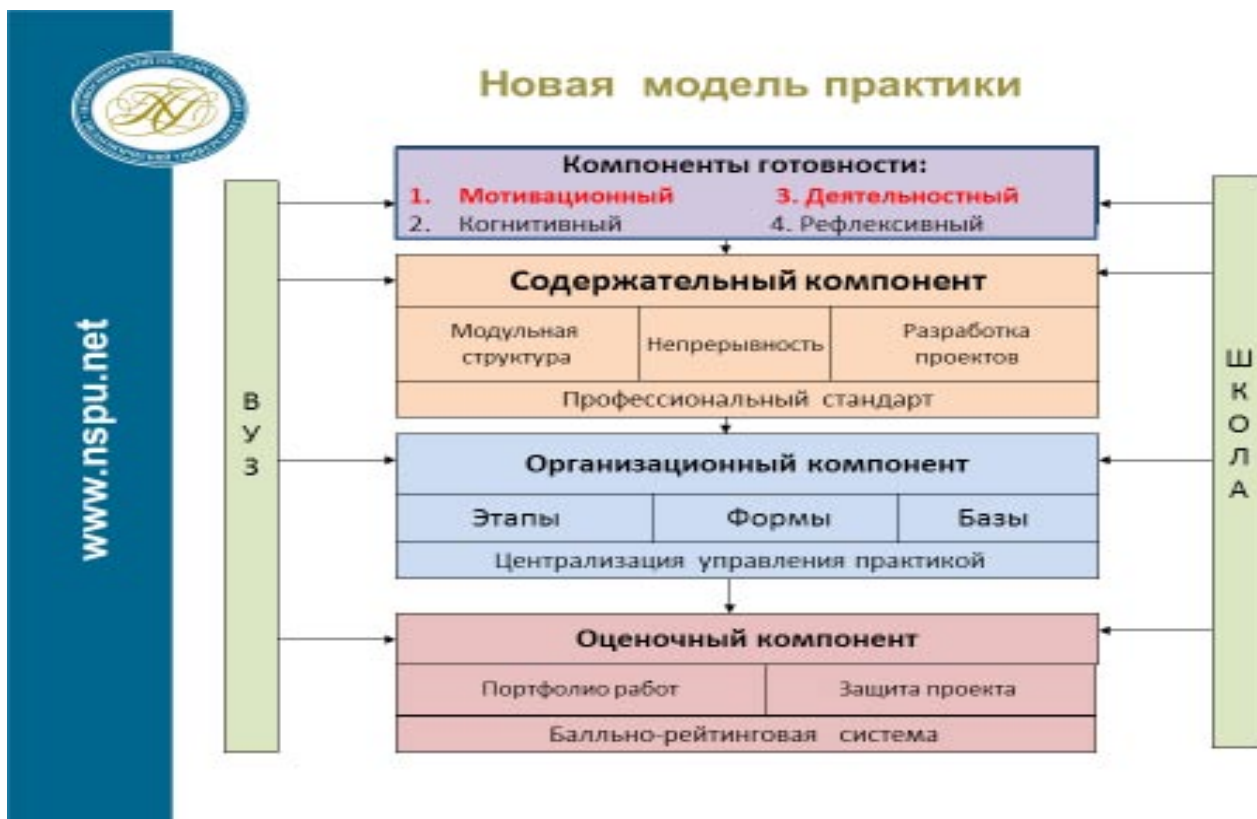
Эта модель предусматривает сочетание концентрированной и рассредоточенной практик. Общественно-педагогической практика восполняла отсутствие рассредоточенной практики в учебном плане ОмГПУ. Рассредоточенная практика предусматривает еженедельное присутствие студентов в образовательном учреждении с частичным погружением в работу образовательного учреждения. Рассредоточенная практика должна соответствовать образовательным запросам студента и отражать компоненты готовности.

Изучение работ ученых и практиков [2; 3] показывает, что педагогическая практика выполняет ряд функций: адаптационную, обучающую, воспитывающую, развивающую, рефлексивную.

Адаптационная функция проявляется в том, что студент не только знакомится с разными видами образовательных учреждений, организацией работы и корпоративной культуры в них, но и привыкает к ритму педагогического процесса, к взаимодействию с детьми и учителями, начи-

нает ориентироваться в системе горизонтальных и вертикальных связей и отношений. Будущий учитель начинает

реально представлять себе все радости и трудности педагогической деятельности.

Новая модель практики

Обучающая функция состоит в формировании вопросов, ответы на которые должны быть получены в процессе изучения курсов педагогики и психологии.

Воспитывающая функция состоит в формировании мотивации к будущей профессиональной деятельности, становлении педагогической культуры, формировании профессиональной «Я-концепции» и стиля педагогической деятельности.

Развивающая функция реализуется в развитии педагогических способностей студента. Студент развивается как в личностном, так и в профессиональном планах: он учится мыслить и действовать как педагог.

Рефлексивная функция практики является одной из важнейших. Только на практике студент может оценить свое эмоциональное состояние в процессе общения со всеми субъектами педагогической деятельности, проанализировать и оценить свои личностные и профессиональные качества как будущего учителя, понять, готов ли он посвятить свою жизнь этой профессии.

Первоначально общественно-педагогическая практика была ориентирована на «вхождение в функционал классного руководителя». Для проведения общественно-педагогической практики был выбран модульный способ. Суть способа заключалась в следующем: в течение 1–4 семестров бакалавры самостоятельно знакомятся с функциями клас-

сного руководителя. При модульном принципе организации практики предлагалось одновременное освоение всех четырех основных функций классного руководителя с постепенным усложнением профессиональных задач.

Во втором семестре 2014/2015 учебного года проект общественно-педагогической практики был апробирован в образовательных учреждениях Омска. Изучение результатов общественно-педагогической практики показало ее неэффективность в рамках предложенных модулей. Образовательные учреждения не были готовы к приему студентов, поэтому нужно было или отказаться от общественно-педагогической практики вообще или изменить формат работы, переориентировав направления общественно-педагогической практики. Необходимость общественно-педагогической практики не вызывает сомнений хотя бы потому, что содержание существующих видов учебной практики недостаточно связано с актуальными задачами и направлениями развития системы образования, а также с профессиональным стандартом «Педагог». Также не вызывает сомнений и модель практики, положенная в основу проекта общественно-педагогической практики. Поэтому второй этап создания проекта общественно-педагогической практики был связан с пересмотром функционала студента.

На этой стадии работы над проектом общественно-педагогической практики был проведен опрос преподава-

телей ОмГПУ. Беседы с ними показали, что большинство тепло вспоминает о своей работе в школе в период обучения в институте. Советская школа была заинтересована в участии студентов в общественной жизни школы. Кроме того, штатное расписание школ того времени предусматривало должность старшего пионерского вожатого, который отвечал за работу студентов в школе. Понятно, что это время уже не вернуть, но сейчас мы переживаем бум внеурочной деятельности, поэтому именно она стала основной в программе общественно-педагогической практики.

Мы включаем общественно-педагогическую практику в широкий круг разнообразных видов педагогической деятельности студентов. Общественно-педагогической практика представляет собой начальное звено в процессе самостоятельного познания студентами педагогических явлений и создает основу последующего теоретического осмысления их в процессе изучения наук психолого-педагогического цикла. В новой концепции общественно-педагогическая практика выполняет двоякую роль:

- является средством профессиональной подготовки будущих учителей;
- предусматривает оказание помощи педагогическим коллективам учреждений основного и дополнительного образования.

При этом объектом педагогического воздействия студентов могут быть дети различных возрастных групп, взрослая аудитория (родительская), студенческая среда. Настоящий проект ориентирован на внеурочную деятельность образовательных учреждений, что позволяет расширить перечень образовательных учреждений и сделать более комфортным процесс прохождения общественно-педагогической практики. В данном проекте основными задачами общественно-педагогической практики являются:

- углубление и закрепление психолого-педагогических и специальных знаний, превращение этих знаний в устойчивые компетенции;
- ознакомление со спецификой профессиональной деятельности педагога основного и дополнительного образования во время внеурочной деятельности;
- воспитание социальной ответственности;
- изучение особенностей различных возрастных групп детей;
- изучение опыта работы по Федеральному государственному образовательному стандарту;
- овладение профессиональными и общекультурными компетенциями, необходимыми для выполнения профессиональных функций учителя.

Общественно-педагогическая практика ставит перед студентами следующие задачи:

- овладение организационно-педагогическими умениями, в том числе умением планировать работу с отдельными учениками, организовывать небольшие группы учащихся для выполнения определенного задания и учитывать работу каждого ученика в группе;
- освоение средств изучения учащихся: наблюдение, диагностика, тестирование, анализ творческой работы учащихся, самоанализ;
- проведение определенных видов воспитательной работы со школьниками.

Основными принципами организации общественно-педагогической практики являются:

- непрерывная связь практической деятельности студентов с изучением теоретического материала;
- приобретение каждым студентом компетенций организатора и воспитателя, органическое сочетание получаемых знаний с приобретением практических умений, взаимосвязь и преемственность отдельных форм практики. Общественно-педагогическая практика носит самостоятельный характер и является обязательной для каждого студента педагогического вуза.

В новой концепции общественно-педагогической практики изменилось и содержание, которое ориентируется на внеурочную работу учреждения основного и дополнительного образования:

1. Помощник руководителя кружка, секции, факультатива.
2. Дополнительные занятия с учащимися.
3. Индивидуальное шефство над трудными подростками.
4. Помощник классного руководителя во внеурочное время.

Таким образом основные направления общественно-педагогической практики на сегодняшний день представляются следующими:

1. Общественно-педагогической практика проводится в течение II семестра в образовательных учреждениях Омска: средних общеобразовательных школах, гимназиях, лицеях, учреждениях дополнительного образования, учреждениях коррекционной направленности.

2. Выход студентов в образовательные учреждения осуществляется 1 раз в неделю после занятий, группами по 5–7 человек.

3. Общественно-педагогической практика осуществляется во внеурочное время и направлена на знакомство и организацию работы в образовательных учреждениях (коллективное творческое дело, кружки, факультативы, секции, группы продленного дня, помощь в выполнении домашних заданий, занятия с отстающими детьми).

4. Для руководства общественно-педагогической практикой обучающихся приказом по университету назначаются руководители практики от кафедры педагогики.

5. Контроль за прохождением общественно-педагогической практики осуществляется руководителем практики (консультации, проверка отчетной документации – дневника педагогической практики).

6. Результаты общественно-педагогической практики отражаются в технологической карте предмета (10 баллов).

Не зря говорят, что отрицательный результат – тоже результат. Неудача первого этапа позволила переосмыслить программу общественно-педагогической практики, сделать ее максимально приближенной к потребностям Омского региона (см. табл.).

Коллектив кафедры педагогики ОмГПУ начинает второй этап внедрения общественно-педагогической практики и выражает надежду, что эта практика войдет в систему подготовки бакалавриата и позволит повысить качество подготовки будущих учителей.

Содержание общественно-педагогической практики

№ п/п	Этапы общественно-педагогической практики	Сроки выполнения этапа	Виды работы на практике, включая самостоятельную работу студентов	Формы текущего контроля
1	Ознакомительный	1 неделя практики	Знакомство с содержанием практики, проведение инструктажа по технике безопасности, знакомства с формами отчетности по результатам практики, заочное знакомство с базой практики (изучение сайта учреждения, достижений педагогов)	Дневник общественно-педагогической практики
2	Деятельностный	2–9 неделя практики	Осуществление подготовки и проведения внеурочной деятельности в разных видах образовательных учреждений (школьные кружки, группы продленного дня, занятия с отстающими учениками, секции, группы обучающихся в учреждениях дополнительного образования)	Дневник общественно-педагогической практики
3	Итоговый	10 неделя	Оценивание работы студентов, оформление отчетной документации	Рефлексивный лист оценки профессиональной деятельности в дневнике общественно-педагогической практики

1. Алтынникова Н. В. Герасев А. Д. Стратегические приоритеты развития современного педагогического вуза (из опыта Новосибирского государственного педагогического университета) // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-prioritety-razvitiya-sovremennogo-pedagogicheskogo-vuza> (дата обращения: 25.12.2015).

2. Кетриш Е. В. Непрерывная педагогическая практика в формировании проективной компетенции будущих

педагогов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 3 (97). С. 96–101.

3. Лазарева М. В. Формирование профессиональной компетентности бакалавров в процессе педагогической практики в условиях вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 30 с.

© Федяева Л. В., Дука Н. А., Диких Э. Р., 2016

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ВИГЛОПЛОГЛЯ

Гордеева З. А.

Образ кошки в современной культуре

Новикова Е. Б.

Агональные аспекты эстрадно-джазовых вокальных конкурсов

Шефер О. В.

PR-дискурс в корпоративном ньюсмейкинге

ОБРАЗ КОШКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Актуальность статьи в том, чтобы определить образ кошки в современной культуре, проанализировав книги, фильмы, мультфильмы, различные сайты (в том числе социальные сети) по данной тематике.

Ключевые слова: Интернет, образ кошки, массовая культура, социальные сети, интернет-мем.

Форумы и видеохостинги заполнены популярными роликами и картинками про кошек с миллионами просмотров и тысячами комментариев. Кошки оставили свой след почти во всех проявлениях сетевого фольклора, надежно закрепив за собой культовый статус. Не раз можно услышать фразы: «Интернетом правят кошки» или «Интернетом правят коты и социальные сети».

Доказательств этому есть немало. Даже статистика говорит, что пользователи крупнейших социальных сетей, таких как Вконтакте, Одноклассники, Twitter, Facebook, делятся фотографиями кошек в два раза чаще, чем фотографиями знаменитостей: фото кошек получают около 3,8 млн репостов ежедневно, тогда как свежие фото известных личностей – всего лишь 1,4 млн репостов.

Каждый пятый владелец кошки создает для своего питомца собственную страничку в социальных сетях, считая, что животное не менее важно, чем его хозяин, а около 15 % котовладельцев со всего мира регулярно выкладывают в Интернет фотоснимки и видеозаписи со своим питомцем, надеясь, что в один прекрасный день их кот станет новой интернет-знаменитостью [1]. В мире действительно существует целая социальная сеть для кошек, где пользователь обязан быть котом или кошкой – *catmoji.com*, а также огромное количество сайтов, созданных любителями кошек для любителей кошек.

Анализируя так называемые «просторы Интернета», можно увидеть много доказательств «мирового господства кошек».

Если обратиться к свободной интернет-энциклопедии «Лукоморье», то можно увидеть такое толкование слова «кошка»: кошка (англ. *Cat*) – ленивое домашнее животное, считающее хозяина-человека своим рабом, одно из наиболее популярных (как и собаки) «животных-компаньонов» (друзья человека); по совместительству является официальным животным Интернета и в этом аспекте по популярности уступает только порнографии [2].

Максим Кронгауз, известный лингвист, доктор филологических наук, директор Института лингвистики РГГУ, в своей книге «Самочитель олбанского» [3] называет одним из лингвистических подтверждений сетевой любви к кошкам *лолспик* (*lolspeak*).

Лолспик/лолкэт (*Lolspeak/Lolcat*), от LOL «смеюсь до упаду» + *speak/cat* «разговор»/«кошка» – особый вариант английского языка, «кошачий английский». Основные принципы лолспика – сокращение слов и игнорирование или

«CAT» IMAGE IN THE MODERN CULTURE

The topicality of this article is in the definition of 'cat' image in the modern culture through the analysis of books, cartoons, websites (including social networks).

Keywords: Internet, 'cat' image, mass culture, social networks, Internet meme.

искажение грамматики. Впервые лолспик появился на фотографиях, изображающих кошек как способ передачи речи животного. Идея заключалась в том, что кошки плохо знают английский и говорят на нем с ошибками – как дети, но «по-кошачьи» [4].

В указанной работе М. А. Кронгауз анализирует и еще одно специфическое слово – *котэ*. Можно назвать несколько предположительных причин возникновения этого слова:

1. *Котэ* появилось случайно. Клавиша э русской клавиатуры находится рядом с клавишей *Enter*. При быстром наборе текста некоторые люди нажимали э вместо или вместе с *Enter*, и получалось *Котэ*. Впоследствии это закрепилось в жаргоне.

2. *Котэ* произошло от грузинского имени *Котэ* (*Константин*).

3. *Котэ* произошло от японского слова *котэ* («наручи, часть доспехов, защищающая руки от локтя до кисти, или перчатки, используемые в японских единоборствах»).

4. *Котэ* – нейтральное слово для вида, одинаково подходящее для самцов и самок. Здесь, правда, встает вопрос, чем же не угодило русское слово *кошка*, выполняющее эту роль? [4].

5. Появление слова «котэ» связано с сайтом Упячка (*upyachka.ru*), одним из важных источников мемов в рунете. На Упячке появилась анимация, изображающая кота с попкорном, и именно этот кот был впервые назван словом *котэ* или *Котэ*, поскольку иногда это существительное интерпретируется как имя собственное.

6. Существует гипотеза, что появление слова «котэ» связано с актером и известнейшим спортивным комментатором *Котэ Махарадзе*, который являлся автором известнейших перлов.

Еще одно популярное в современной культуре слово, пришедшее в русский язык сравнительно недавно и имеющее непосредственное отношение к кошкам – *няша*. *Няша* (*няшка*, *ня*) – выражение, присущее любителям аниме, отаку, японское мяу, звукоподражание мяуканью кошки. Если говорить о значении, то *няша* – это синоним к словам *милый*, *приятный*. Как правило, данное слово употребляется по отношению к смазливим людям. К примеру, предложение *Она такая няшка!* по смыслу равноценно словам *Она такая симпатичная* [5].

Если продолжать рассуждать о влиянии японской культуры на современную русскую культуру, то можно привести еще один яркий пример. Все видели приветливых фарфо-

ровых или пластиковых котят, машущих лапкой с прилавок суши-баров. Несложно догадаться, что это талисман на удачу. Эти фигурки называются манэки-нэко, что переводится с японского, как «приглашающая, манящая кошка». Если у кошки поднята левая лапка, она привлекает клиентов, если правая – деньги и удачу.

Интересно, что Интернет принес славу многим конкретным кошкам. Каждый пользователь всемирной сети может назвать несколько «знаменитых» кошек, так называемых интернет-мемов.

Интернет-мем – явление спонтанного распространения некоторой информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством тиражирования всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.), а также сама эта информация или фраза [6]. Интернет-мемы, посвященные кошкам, можно перечислять бесконечно. Остановимся на самых популярных:

1. Grumpy Cat (Сердитый кот, Угрюмый кот). Сердитый кот – герой многочисленных фотографий, демотиваторов, фотожаб и карикатур. Из-за своего постоянно сердитого выражения лица этот кот завоевал супер-популярность в Интернете как в России, так и вне ее.

2. Есть также Colonel Meow или полковник Мяу. Этот кот награжден природой повышенной лохматостью, брутальным взглядом и суровым характером. При этом из-за повышенной лохматости его брови образуют достаточно выразительный взгляд, которым кот постоянно пользуется.

3. Мару – любитель коробок. Мару любит пакеты и коробки. А еще он любит валяться в раковине и вообще валяться. Хозяйка Мару загрузила видео со своим питомцем на YouTube, и этот ролик набрал рекордное количество просмотров, все хотели наблюдать за забавными играми котика породы скоттиш стрейт.

4. Кот Снупи, Двуликая кошка Венера, самая забавная кошка – Ли Баб, Лаймовый кот, кот с выдающимися бровями Сэм, Нора, которая играет на пианино, Широенко – самый ленивый кот на свете, Хани Би – слепая кошка-путешественница, Банье – всегда удивленный кот, Гамильтон – кот-хипстер, Килер – кот, который выглядит как Гитлер, и многие другие.

В чем причина популярности этих кошек? Возможно, в том, что они похожи на людей внешне или по характеру. Люди привыкли сравнивать себя с животными. А кошка дает множество таких оснований.

Следует упомянуть и о явлении исключительно научном, но, благодаря Интернету, приобретающем популярность. Это кот Шредингера – герой мысленного эксперимента, предложенного австрийским физиком Эрвином Шредингером в 1935 году. Эксперимент призван продемонстрировать проблемы копенгагенской интерпретации квантовой механики [7]. Образность персонажа, а также парадоксальность ситуации, в которой он находится (кот и жив, и мертв) сделало кота Шредингера объектом многих аллюзий. Массовая культура быстро подхватила такой двусмысленный образ.

Среди современных писателей кошка также пользуется популярностью: «Уличный кот по имени Боб» и «Мир глазами кота Боба» Джеймса Боуэна, «Кот по имени Алфи» Рейчел Уэллс, «Полные записки кота Шашлыка» Алекса Экс-

лера, «Как стать счастливым котом» Чарльза Плата, серия книг «Кошки в доме» Дорин Тови, серия «Необыкновенный кот и его обычный хозяин. История любви» Питера Гитерса, детективные истории о котках Ширли Мэрфи, детективная серия «Следствие ведут коты» Лилиан Джексон Браун. Даже в жанре фэнтези коты очень популярны: «Женщина-кошка» Роберта Асприна, «Знак кота», «Кошачьи врата», «Кошачьим взглядом», «Все кошки серы», серия «Звездный коот» Андрэ Нортон, «Кошачий бог» Ярославлы Кузнецовой, «Весь мир на блюдецке сметаны» Виталия Бодрова.

А сколько новых слов образуется из-за любви человека к кошке: КОТэ, КОТопес, КОТэлло, КОТО-SHOP, КОТопеномен, КОТелок, КОТ да Винчи, КОТовасия, КОТОмир, КОТия, КОТюня, штрих-КОТ, Хард КОТ, КОТ брюле, оКОШко, Терра-КОТ, КОТдог, КОТ-нуар, КОТОтьюб, КОТОфото, КОТОселфи, Ледовый КОТок, нарКОТики, Ай-Да-КОТ, КОТаны, КОТовторники, саМУРай, КОТОкафе.

Борьбе с засильем кошечек в интернете посвятил свой известный проект «Котя» Борис Бергер [8], который называет себя арт-технологом. Бергер инкорпорирует фотографии кота в произведения живописи: «Последний день Помпеи», «Бурлаки на Волге», «Явление Христа народу»... Но как бы ловко художник ни объяснял свой проект (например: «Котя был всегда. Или его никогда не было. Котя – это особое состояние реальности. Это элемент нашей культуры и нашего сознания»), популярен Котя стал все-таки именно благодаря умильной внешности. Именно морда Коти, одновременно наглая и невинная, заставляет нас делать перепост этих картинок, а не творческая составляющая ироничного проекта.

Возможно, причина такой любви к кошкам кроется в том, что биологи относят кошку к разряду животных-компаньонов, т. е. тех, кого человек приручил намеренно в качестве универсального антидепрессанта. Само слово «кошка» уже содержит уменьшительно-ласкательный суффикс и происходит от древнерусского «котька».

Психологи склонны объяснять сверхпопулярность кошек в социальных сетях сегодняшним дефицитом телесного контакта, телесного тепла – кошки компенсируют их в первую очередь [9]. Во всем мире даже открывают котокафе, в котором «работают» кошки. В этом кафе можно пить кофе и гладить кошку.

Заметим, завершая, что причина популярности кошек, по нашему мнению, кроется в том, что кошка является пространственным и «удобным» домашним животным, общение с которым приятно и комфортно; это также животное, с которым человек сравнивает себя по многим параметрам, начиная от внешнего вида (красота, грациозность, походка) и заканчивая физическим сходством (ловкость, быстрота, гибкость).

1. Кошки // Все о ваших домашних животных. URL: <http://www.all4pet.ru/cat/index.html> (дата обращения: 25.12.2015).

2. Кошка // Lukomore – свободная энциклопедия правды. URL: <http://www.lurkmore.to/Кошка#D0.9A.D0.BE.D1.82.D0.BE.D1.91.D0.B1.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.BE> (дата обращения: 25.12.2015).

3. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013. 288 с.

4. Санникова А. Г. Интернет и письменная речь: искажение графики // Филологические проекции Большого Урала: материалы студенческой конф. Пермь: ПермГУ, 2009. С. 128–134.

5. Няша – это что за неологизм? URL: <http://www.fb.ru/article/193901/nyasha---eto-cto-za-neologizm> (дата обращения: 25.12.2015).

6. Интернет-мем. URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/940981> (дата обращения: 25.12.2015).

7. Кот Шредингера в массовой культуре // Википедия. URL: <http://www.cyclowiki.org/wiki/> (дата обращения: 25.12.2015).

8. Аналог сетевого фольклора. URL: http://www.netlore.ru/koty_unart (дата обращения: 25.12.2015).

9. Интервью Марлена Мкртычевича Асланяна, ученого-генетика, профессора биофака Московского государственного университета имени Ломоносова. URL: <http://www.mn.ru/friday/86017> (дата обращения: 25.12.2015).

© Гордеева З. А., 2016

УДК 130.2

Е. Б. Новикова

E. B. Novikova

АГОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭСТРАДНО-ДЖАЗОВЫХ ВОКАЛЬНЫХ КОНКУРСОВ

В статье рассматриваются агональные аспекты эстрадно-джазовых вокальных конкурсов с точки зрения их проявления в контексте континуума специфической конкурсной среды. Показываются качества участника, необходимые для высокого результата. В частности, рассматриваются природные данные (тембр, сила голоса, диапазон), степень образованности конкурсанта, его умение пользоваться своим голосом, способность к конкуренции, воля к победе. Затрагиваются проблемы агональности, связанные с работой жюри. Выявляется игровая природа конкурсов, философско-антропологический смысл агональности, который состоит в совершенствовании мастерства, в развитии личностных качеств конкурсанта.

Ключевые слова: агональность, конкурс, вокал, эстрадно-джазовый исполнитель.

AGONAL ASPECTS OF POP-JAZZ VOCAL COMPETITIONS

The article discusses the agonal aspects of pop-jazz vocal competitions from the point of view of their manifestation in the context of the continuum of specific competitive environment. The qualities of a participant needed for achieving high results are revealed. In particular, such physical characteristics as timbre, voice power and range, the level of education of participants, their ability to use their voices, the ability to compete and the will to win are analyzed. The author addresses agonal issues relating to the work of the jury. The playful nature of the contests as well as philosophical and anthropological meaning of agonality, which includes improving skills and developing personal traits of the participant, is revealed.

Keywords: agonality, competition, vocal, pop-jazz performer.

Под агоним (αγών – агон, греч. состязание, борьба) понимается основной вид выступления в античном обществе, вся жизнь которого была пронизана принципом состязательности. Агоны были спортивные, музыкальные, поэтические, драматические [1, с. 19]. Агон постоянно осмыслился исследователями античной философии, их внимание было обращено к агональности «греческого чуда», и постепенно термин вошел в научный оборот. Категорией агональности пользовались Я. Буркхардт, Ф. Ницше, Ж. Лиотар, А. Ф. Лосев, анализируя специфику культуры древних греков, их социального строя.

А. И. Зайцев отмечал, что «древнегреческое общество принадлежало, во всяком случае от гомеровской до классической эпохи, к категории обществ, в которых важное значение имела установка индивида на то, чтобы превзойти окружающих в достижении своих жизненных целей» [2, с. 81]. Будем иметь в виду, что термином «агон» обозначается как борьба, так и состязание. Поскольку борьба актуализировалась в момент возникновения военной ситуации в обществе, в мирное время актуальным становилось состязание. Конечно, говоря о вокальном конкурсе, мы обращаемся

к агональности-состязательности. По словам Н. Калашниковой: «Агон представляет собой универсальное качество культуры, заключающееся в состязательности, вытекающей из потребности присваивать, сделать своим иное пространство» [3, с. 16].

Вокалист на вокальном конкурсе состязается в своем мастерстве с другими, стараясь завоевать, т. е. присвоить себе, главный приз (премию, диплом), тем самым доказав, что он самый достойный кандидат из всех, кто стоял во время конкурса на сцене, и пространство сцены принадлежит по праву лучшего ему. Для победы он использует весь свой арсенал. В первую очередь важны качества голоса. Учитывается тембр, диапазон, сила звучания, подвижность, полетность голоса. То есть сам голос важен как инструмент, с помощью которого вокалист способен исполнить художественное музыкальное произведение.

С одной стороны, прекрасный голос может быть дан человеку от природы. Известны случаи, когда от природы у человека практически профессиональное дыхание, резонирование, звукоизвлечение. С другой – голос чаще является результатом развития певческих качеств с помощью

упражнений, обучения и работы певца с преподавателем. Опять-таки, сочетание прекрасной природы и правильной вокальной работы приводит к незаурядным результатам.

Не менее значима способность вокалиста пользоваться своим инструментом. Можно иметь в собственности прекрасный рояль или скрипку, но при этом совершенно беспомощно исполнять на этих инструментах музыку. Воспитанные, «музыкальные» уши у вокалиста, являются неотъемлемой частью комплекса, необходимого для полноценного выступления артиста. От того, какого уровня музыкальное развитие у исполнителя, будут зависеть нюансы, фразировка, характер звучания, а это важнейшие факторы в исполнительском творчестве, позволяющие создавать музыкальный художественный образ. Основной принцип искусства у Ф. Ницше – подражание импровизации. «Художник знает, что его произведение оказывает полное воздействие, лишь когда оно возбуждает веру в импровизацию, в чудесную внезапность возникновения; поэтому он при случае сознательно содействует этой иллюзии и вводит в искусство элементы вдохновенного беспокойства, слепого беспорядка, чуткой грезы при начале творения – в качестве средств обмана, которые должны настроить душу зрителя или слушателя так, чтобы она верила во внезапное появление совершенного» [4, с. 115]. Конечно, такая иллюзия может создаваться вокалистом не только технически развитым, обладающим прекрасным голосом, но также способным к актерской игре в момент исполнения. Вокалист, способный произвести впечатление своей актерской и музыкальной интерпретацией вокального произведения, создать живое, непосредственное впечатление у публики, а также у членов жюри, имеет большие шансы занять более высокое место на конкурсе.

Поскольку в данной статье мы рассматриваем эстрадно-джазовых певцов в условиях вокального конкурса, еще одним немаловажным фактором является способность вокалиста контактировать со звукооператором. Жюри конкурса оценивает то, что слышит, а не то, что могло бы быть услышано в случае оптимальной настройки аппаратуры под конкретного певца. Поэтому умение вокалиста быстро наладить профессиональный контакт, донести до звукооператора свои пожелания (чуть убавить громкость микрофона, добавить или, наоборот, прибрать реверберацию, вывести звук в мониторы и т. п.) может сыграть на вокальном конкурсе решающую роль. Но даже обладающий всеми вышеперечисленными качествами певец не покажет высоких результатов, если у него отсутствует воля, интенция к саморазвитию, самодисциплина, желание постоянно расширять свою зону комфорта, совершенствовать вокальное мастерство, осваивать новые формы существования на сцене. Пожалуй, волевые качества являются первейшим условием рождения качественного исполнителя. Зачастую изначально не обладающий богатой природой вокалист благодаря желанию и целеустремленности достигает поразительных результатов и становится в один ряд с солистами мирового уровня. Также история музыкальной педагогики знает немало примеров, когда прекрасная природа не реализуется из-за пассивности и лени ее обладателя.

Если говорить о вокальном конкурсе, то конкурентоспособность, состязательность исполнителя невозможна без

воли к труду и к победе. Во внутреннем профессиональном кругу даже существует негласное разделение музыкантов на «конкурсных» и «неконкурсных» исполнителей. Очень часто талантливый солист филармонии в условиях конкурсной борьбы не умеет показать весь спектр своих возможностей и не занимает самых высоких мест. Тогда как на его концерты публика ходит с большой охотой и удовольствием. В свою очередь, получающий удовольствие от состязания, стрессоустойчивый, способный рисковать, стремящийся к победе, но умеющий принять неудачу, а также адекватно воспринимающий победу артист, особенно ценен как в континууме конкурса, так и в условиях концертной повседневности. Ф. В. Шеллинг, рассуждая о красоте, которая «есть неразличимость свободы и необходимости, созерцаемая в реальном», имплицитно затрагивает проблему свободы творчества в жесткой системе канонов музыкального исполнения. «Так, мы называем прекрасным такой облик, при создании которого природа как бы играла с величайшей свободой и самой возвышенной обдуманностью, не выходя из форм и границ строжайшей необходимости и закономерности» [5, с. 84]. Сочетание творческой свободы и владение строгими основами вокального мастерства приводит к красоте, к тому, что художественный продукт становится прекрасным. Певец, способный ощутить и протранслировать внутреннюю свободу в условиях конкурсной борьбы, не нарушающий при этом эстетических музыкальных законов и норм, производит свежее, запоминающееся впечатление, что увеличивает его шансы на победу.

Жюри вокальных конкурсов, это, как правило, состоявшиеся известные эстрадные или джазовые певцы и (или) авторитетные преподаватели, обладающие набором регалий, так или иначе проявившие себя в данной области музыкального исполнительства. Конкурсанты демонстрируют свое мастерство на сцене, жюри в зале оценивает их выступление по определенной в положениях конкурса (либо в процессе договоренности между собой) оценочной шкале, как правило, от одного до десяти баллов, реже от одного до ста баллов. Но соревнуются не только участники конкурсных выступлений. В определенной мере агональность присутствует и в работе жюри. Члены жюри соревнуются между собой в способности профессионально, корректно формулировать свое мнение, отстаивать свою точку зрения. Сложные ситуации возникают в том случае, если в конкурсе принимают участие ученики самих членов жюри. Здесь возникает состязательный момент, чей ученик лучше. В таких случаях вердикт жюри не всегда бывает объективным. Хотя, при правильно сформированной политике обсуждения, преподаватели не включаются в обсуждение своих учеников, а вердикт выносят остальные члены жюри. Здесь может включиться скрытый момент состязательности и желание принизить потенциального соперника остальными членами жюри либо, напротив, из уважения к авторитету педагога, члены жюри могут прийти к необъективно высокой оценке для данного участника.

И все же, какой бы серьезной не была подготовка к конкурсу, с каким бы рвением не состязались участники, какими значимыми бы не были последствия его результатов, все-таки конкурс это всего лишь игра, это не вся жизнь, а всего

лишь ее отдельный эпизод. Й. Хейзинга [6] в концепции игры определяет ряд ее сущностных характеристик: свободу, специфику пространственно-временного континуума, порядок, отсутствие целеполагания, повторяемость, состязательность, напряженность, стремление к красоте. Состязательность – это часть игры, одна из ее составляющих, без которой игра невозможна. Поэтому к состязательности следует относиться как к необходимому условию игры, к необходимости, через которую возможно получить удовольствие, заряд от игры при любом ее исходе. Ведь цель игры не в получении главного приза, а в самом процессе игры. Исполнитель-вокалист должен стремиться к созданию полноценного художественного образа, используя полный арсенал своих технических, артистических, антропологических, эстетических, музыкальных возможностей. В конкурсном исполнении важен кураж, характер, эмоция, созданная солистом. Любое «художественное произведение имеет целью обнаружить какой-нибудь существенный характер и для этого употребляет совокупность собранных воедино частей, отношения которых художник комбинирует или видоизменяет по своему произволу» [7, с. 29].

Таким образом, континуум эстрадно-джазового вокального конкурса заполнен сложными, полифоническими агональными психологическими переплетениями. Существовать в нем способны индивидуумы, обладающие определенными профессиональными и бойцовскими качествами, получающими удовлетворение от подобной системы существования. Агональность является важнейшим фактором формирования культурного поля, в частности эстрадно-джазового направления. Как отмечал Й. Хейзинга: «В процессе развития каждой цивилизации агональные функции и структуры уже в архаический период достигают своей

самой явной и по большей части самой прекрасной формы» [6, с. 87]. Соревновательность дает возможность субъекту искусства, исполнителю, расширять свои творческие возможности, расти, выходить за пределы зоны комфорта и таким образом стремиться к совершенству и достигать его в искусстве исполнения, приближаться к своей лучшей ипостаси артиста-вокалиста. Философско-антропологический смысл агональности состоит в совершенствовании мастера, в развитии лучших качеств личности, в формировании ценностно-нормативного комплекса профессиональной деятельности.

1. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: словарь-справочник. М., 1995. 383 с.

2. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII – V вв. до н. э. Л., 1985. 320 с.

3. Калашникова Н. К. Агональные основы культуры донского казачества: дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д., 2005. 117 с.

4. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. По ту сторону добра и зла: Сочинения. М.: ЭКСМО-пресс; Харьков: Фолио, 2002. С. 11–294.

5. Шеллинг В. Ф. Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова; пер с нем. П. С. Попова. М.: Мысль, 1999. 608 с.

6. Хейзинга Й. Homo Ludens / пер. с нидерланд. В. Ошица. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. 539 с.

7. Тэн И. Философия искусства / подгот. к изд., общ. ред. и послесл. А. М. Микиши. М.: Республика, 1996. 351 с.

© Новикова Е. Б., 2016

УДК 316.774

О. В. Шефер
O. V. Shefer

PR-ДИСКУРС В КОРПОРАТИВНОМ НЬЮСМЕЙКИНГЕ

В статье изучается ньюсмейкинг как инструмент Public Relations в информировании СМИ и групп общественности. Основным средством корпоративного ньюсмейкинга рассматривается PR-дискурс, который отражает корпоративную культуру и формирует благоприятный имидж организации.

Ключевые слова: PR-коммуникация, ньюсмейкинг, корпоративная культура, PR-дискурс, пресс-релиз, имидж.

PR DISCOURSE IN CORPORATE NEWSMAKING

The article studies newsmaking as the public relations tool for informing mass media and public groups. PR discourse is viewed as the major means of corporate newsmaking, it reflects corporate culture and promotes a positive image of an organization.

Keywords: PR communication, newsmaking, corporate culture, PR discourse, news release, image.

В условиях растущей конкуренции корпорации стараются различными средствами удержать своих клиентов. Одним из инструментов информирования, формирующего и поддерживающего положительный имидж организации, является коммуникативная технология Public Relations.

PR-коммуникация представляет собой единую систему управления информацией, способствующую развитию и поддержанию взаимоотношений между организацией и ок-

ружающей ее средой, а более конкретно – между организацией и различными группами общественности, распространяя информационные материалы для целенаправленного создания желаемого общественного мнения. Результативность PR-коммуникации определяется реакцией массового адресата, у которого формируется или корректируется отношение к источнику сообщения, в данном случае к корпорации.

Имиджформирующая информационная деятельность осуществляется персонафицировано для каждого сегмента общественности, отражая корпоративную культуру, которая, являясь синтезом духовных и материальных ценностей, реализуемых как внутри организации, так и за ее пределами, способствует созданию положительного имиджа. Корпоративная культура представляет собой совокупность ценностей, норм и правил, позволяющих организации иметь определенную индивидуальность. При этом основными средствами корпоративной культуры, оказывающими определенное воздействие на формирование и утверждение корпоративной идентичности, являются корпоративные PR-коммуникации.

В основе информационной открытости, создающей коммуникацию между субъектом PR и общественностью, лежит сообщение новостного характера. Новость представляет собой новую и по возможности релевантную для целевой общественности PR-информацию, способную формировать публицити и привлечь внимание СМИ к субъекту PR [1, с. 149].

Необходимость донесения PR-сообщений компании до целевых групп определяется следующими факторами:

- информирование (о новых товарах и услугах);
- убеждение. Фирма стремится убедить аудиторию, что ее бренд обладает несомненными преимуществами;
- создание образа. На рынках, товары которых просты и похожи друг на друга, образы, созданные посредством коммуникаций, – единственный способ дифференциации марок потребителями [2, с. 10].

Процесс создания и распространения корпоративных новостей получил новое, пришедшее с Запада, название – ньюсмейкинг, образованное от английских слов «news» – новости и «making» – делать.

Особое место ньюсмейкинг занимает в корпоративных Public Relations. Создавая событие и распространяя информацию как для внутренней, так и для внешней аудитории, нужно помнить, что новость должна отражать корпоративную культуру, быть интересной целевой общественности и средствам массовой информации. Можно сказать, что ньюсмейкинг – это деятельность PR-специалиста по созданию информационных или новостных поводов, способствующих превращению факта в событие, которые в дальнейшем выступают имиджформирующей формой коммуникации с общественностью. Специалист по связям с общественностью должен четко представлять, какие новости – информационные поводы есть у корпорации (субъекта PR) и как их усилить.

Информационный повод – это событие социально значимого характера, которое инициируется субъектом PR для внесения информации в его коммуникационную среду [1, с. 153]. В зависимости от задач это может быть одно событие или несколько (при проведении информационных кампаний). Информационными поводами корпоративного ньюсмейкинга могут выступать: запуск нового проекта; предоставление новой услуги; награды и достижения; партнерские соглашения; события и интересные факты в жизни организации; общественно-политические, культурные и спортивные мероприятия и т. д.

В американской теории существует набор информационных поводов для ньюсмейкинга, включающий «32 способа создать новости для вашей организации»:

- создание привязки к новостям дня,
- работа с очередной публичной персоной,
- совместный проект с газетой или другим СМИ,
- проведение опроса или голосования,
- выпуск отчета,
- договор об интервью со знаменитостью,
- принятие участия в дискуссии,
- устройство коллективного награждения или чествования,
- организация речи,
- выступление с анализом или прогнозом,
- сформирование и объявление состава комитета,
- устройство выборов,
- объявление о назначении нового руководителя на одну из должностей,
- празднование годовщины,
- выпуск резюме фактов,
- использование для привязки праздника,
- устройство поездки,
- учреждение награды,
- устройство соревнования,
- вынесение резолюции,
- появление перед общественными органами,
- режиссирование специального события,
- написание письма,
- публикация полученного письма,
- адаптация общенациональных отчетов и опросов для местного применения,
- режиссура дебатов,
- использование для привязки к акции широко известной даты,
- награждение какой-нибудь организации,
- организация тура,
- проведение инспекции проекта,
- публикация похвалы,
- публикация протеста [3, с. 292].

Напомним, что при работе с информационным поводом необходимо знать, какие темы могут заинтересовать журналиста.

Одной из важнейших задач корпоративного ньюсмейкинга является формирование информационного потока. Существует несколько приемов формирования такого потока: организация события с приглашением на него представителей СМИ, написание журналистами материалов по заданию субъекта PR, подготовка журналистских материалов сотрудниками самого субъекта PR, «стихийный» информационный поток в виде реакции журналиста на событие или выступление в СМИ [1, с. 160].

Основным средством корпоративного ньюсмейкинга является PR-дискурс.

Н. Н. Оломская дает следующее определение PR-дискурса – это единая знаковая система, которая изучает комплекс высказываний, выполняющих определенные прагматические, социокультурные, психологические коммуникативные задачи посредством целенаправленного социального действия в рамках взаимодействия индивидуумов,

оказывающих влияние на формирование когнитивных процессов социума [4, с. 385].

Главными властно-стратегическими целями PR-дискурса выступают доверие, лояльность, благоприятный имидж и репутация. Иначе говоря, в основе коммуникативно-управленческой функции PR-дискурса лежит социетальная стратегия, формирующая и транслирующая социальные блага, скрепляющие связи организации с общественностью.

Также необходимо дать определение PR-дискурса с позиции семиотического подхода, представляющего собой динамически активную знаковую систему, формирующую единое смысловое поле в коммуникативном пространстве между организацией и группами общественности. В ходе конструирования данного смыслового поля посредством PR-дискурса задаются определенные матрицы ценностных ориентаций, значений слов и образов, складываются мифологемы и ритуалы. В семиотическом плане PR-дискурс формирует смысловые поля социетальной коммуникации и участвует в настройке ментальных структур общественных групп в соответствии с поставленными стратегическими целями.

PR-дискурс демонстрирует способы реализации стратегических задач с помощью интерактивных форм общения, проявленных как в устной, так и письменной формах, с помощью вербальных и невербальных средств, и представляет собой речевой поток согласованных с PR-целями и PR-задачами действий: информировать так, чтобы убедить, снять альтернативность выбора в условиях остро конкурентной среды [5].

Для проведения грамотного дискурс-анализа PR-коммуникаций необходимо первоначально осуществить структурно-коммуникативный анализ как PR-дискурса вообще, так и его конкретных воплощений. Иначе говоря, следует обратиться к вопросу об основном структурно-коммуникативном компоненте PR-дискурса, которым является PR-текст.

Под PR-текстом понимается вербальный текст (т. е. состоящий из языковых единиц):

- функционирующий в пространстве публичных коммуникаций;
- инициированный базисным субъектом PR;
- направленный одной из групп целевой общественности;
- содержащий PR-информацию;
- распространяемый при непосредственном устном контакте с представителями группы целевой общественности, либо через СМИ посредством прямой или личной доставки;
- обладающий скрытым или мнимым авторством [1, с. 198].

В свою очередь, аудиторию, на которую ориентирована PR-информация, можно разделить на внешнюю и внутреннюю. В данном исследовании нам хотелось бы остановиться на внешней по отношению к базисному субъекту PR-аудитории, одним из сегментов которой являются журналисты. Налаживание и поддержание диалога с представителями СМИ, через которые опосредуется корпоративная информация, важно прежде всего наличием обратной связи. СМИ выступают основным каналом распространения PR-информации.

В основе регулярного информирования СМИ о деятельности субъекта PR лежит постоянная рассылка информа-

ционных материалов в целевые СМИ с целью создания информационного фона в отношении организации, выступающей инициатором такой связи. Информационные материалы, рассылаемые субъектом PR в СМИ, необязательно должны быть связаны с громкими событиями или острыми проблемами; в них может содержаться информация о текущих успехах организации, корпорации, ее достижениях, ноу-хау, людях и т. д. Такие материалы позволяют поддерживать постоянный контакт с прессой, напоминать о себе, быть использованными в том случае, когда газета или канал имеет информационный пробел или, наоборот, совпадут с актуальной тематикой номера или, выпуска. Кроме того, постоянное напоминание субъекта PR о себе создает ощущение регулярного контакта с конкретным СМИ и его журналистами [2, с. 16].

С развитием Интернета у PR-специалиста появилось больше средств информирования и влияния на общественность.

К PR-мероприятиям в Интернете можно отнести:

- воздействие на аудиторию посредством публикации материалов и новостей в интернет-СМИ, сетевых обзорателей, сайтах off-line информационных агентств и СМИ, специализированных и тематических серверах;
- осуществление контакта с представителями СМИ посредством Интернета;
- работа с аудиторией в on-line конференциях, дискуссионных листах, рассылках;
- проведение в сети событий, лотерей, конкурсов [2, с. 42].

Ньюсмейкинг использует различные средства, однако наиболее доступными для широких слоев общественности являются лингвистические, отражающиеся в текстах, размещенных, в том числе на официальных сайтах.

Электронный PR-текст становится самым распространенным средством PR-коммуникации между базисным субъектом и целевыми группами общественности. Гипертекстуальность электронного PR-текста предполагает интерактивное взаимодействие между адресантом и адресатом PR-коммуникации. При этом адресат сам решает, по скольким ссылкам он пройдет. Чем интереснее будет представлен дополнительный материал в ссылках и чем актуальнее он будет для пользователя, тем длительнее будет его контакт с PR-текстом и тем больше информации он получит.

Следует также отметить тяготение интернет-текстов по связям с общественностью к мультимедийности или хотя бы к визуализации (использование в самом тексте фотографий, «картинок», анимированных сцен и т. п.). Наличие в электронном PR-тексте ключевых слов помогает пользователю оптимизировать поиск нужной информации. Четкая структурированность, разбивка на блоки, графические выделения способствуют более быстрому и адекватному восприятию содержания PR-текста, размещенного в Интернете.

Наиболее эффективной формой корпоративного ньюсмейкинга, реализуемого в Интернете, является пресс-релиз.

Пресс-релиз традиционно считается самым распространенным видом PR-текста, простым и эффективным средством передачи точной и оперативной информации о базисном субъекте PR, а также установления контактов

с общественностью. Пресс-релиз определяется как сообщение, несущее предназначенную для прессы актуальную оперативную информацию о событии, касающемся базисного субъекта PR [6, с. 132]. Распространяя информацию в готовой для публикации форме, данный текст знакомит общественность с организацией, создает позитивный имидж и благотворный информационный климат, используя наименьшие затраты. От грамотно составленного пресс-релиза зависит заинтересует ли он СМИ и станет ли потенциальным источником доведения информации о компании, ее деятельности до журналистов и общественности.

Также следует отметить, что этот инструмент корпоративного ньюсмейкинга, как и все PR-тексты, размещенные на корпоративном сайте PR-субъекта, ставит своей задачей отражение корпоративной культуры организации. Описание новостного события включает отражение миссии и ценностей, формируя оптимальную коммуникационную среду и положительное отношение к корпорации. А использование пресс-релизов в диалоге с общественностью способствует выстраиванию грамотной системы корпоративного информационного потока.

Таким образом, пресс-релиз, представляя собой электронную форму PR-дискурса, является основой корпоративного ньюсмейкинга в газетах, журналах или на телевидении.

К результатам корпоративного ньюсмейкинга средствами PR-дискурса можно отнести:

– формирование оптимальной информационной открытости базисного субъекта PR, построенной на регулярном информировании СМИ о деятельности корпорации;

– эффективное публицити, привлекающее внимание журналистов и создающее лояльность групп общественности, повышая конкурентоспособность организации;

– создание и поддержание положительного корпоративного имиджа, отражающего корпоративную культуру компании.

1. Кривоносов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2010. 384 с.

2. Филатова О. Г. Технологии и методы PR-продвижения информационных ресурсов. СПб.: НИУ ИТМО, 2012. 73 с.

3. Самое главное в PR / У. Аги, Г. Кэмерон, Ф. Олт и др. СПб.: Питер, 2004. 560 с.

4. Оломская Н. Н., Соотношение понятий «медиадискурс» и «PR-дискурс». Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. 419 с.

5. Синельникова Л. PR-дискурс как конвергентная социальная коммуникация // Современный дискурс-анализ. Вып. 8. URL : <http://www.discourseanalysis.org/ada8/st57.shtml> (дата обращения: 10.08.2015).

6. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб. : Петербургское востоковедение, 2002. 288 с.

© Шефер О. В., 2016

СЛОВО МОЛОДЫМ

Борисова О. Г.

Национальные особенности маркировки фразеологизмов

Ботова А. В.

Использование культурно-исторического наследия
Барнаула в реализации модуля «Основы
православной культуры»

Свотина К. В.

Новейшие аспекты изучения ономастического
пространства современного русского языка

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье реализуется лингвокультурологический подход к фразеологии, подтверждается ценность фразеологизмов как источника сведений о языковой картине мира. На материале устойчивых оборотов, лексическим элементом которых являются наименования реалий культуры и быта русского народа, рассматриваются национально-культурные особенности устойчивых оборотов, определяются признаки выражения в идиоме народной ментальности и культурных смыслов.

Ключевые слова: фразеологизм, маркировка, менталитет, символ, языковая картина мира.

NATIONAL PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS LABELING

The linguistic and cultural approach to phraseology is implemented and the value of the phraseological units as a source of information about the language picture of the world is proved in the article. On the basis of the idioms, lexical element of which is represented by names of the realia of the culture and everyday life of the Russian people, the national and cultural peculiarities of the idioms are considered as well as the features of expression of the people's mentality and cultural meanings in idioms are defined.

Keywords: phraseological unit, labeling, mentality, character, language picture of the world.

В контексте современного русского языкознания особенно интересным является исследование фразеологии в аспекте национальной культуры. Составляющие этой проблемы разрабатывались представителями различных научных направлений: философского (Д. К. Зеленин [1], Б. А. Успенский [2]), этнокультурного (Н. И. Костомаров [3], Л. Н. Гумилев [4]), психологического (Н. А. Бердяев [5]), лингвокультурологического (В. Н. Телия [6], В. М. Мокиенко [7]), рассматривающего фразеологизмы как отражение особенностей национальной языковой картины мира. Ученые убедительно доказывают, что через анализ формы и значения фразеологизмов можно выйти на описание ментальности народа.

Культурологическая ценность фразеологических оборотов определяется заложенным в них национально-культурным компонентом. В этой связи традиционно выделяются: 1) обороты, отражающие национальную культуру в идиоматическом значении комплексно (в таком случае в основу значения положены явления прошлого и настоящего страны, не имеющие аналогов в других культурах); 2) обороты с такими лексическими компонентами в своей структуре, которые имеют собственную культурологическую ценность.

Внутренняя форма фразеологизмов, отнесенных к первой группе, связана со специфическими явлениями жизни народа, с фактами его материальной и духовной культуры, быта, с особенностями национального менталитета. Такие фразеологизмы являются безэквивалентными, поскольку они отражают реалии прошлого и настоящего, не свойственные другим народам. Такими, например, являются включенные в «Словарь славянской мифологии и происхождения славянской мифологии и этноса» устойчивые обороты, указывающие на обычаи: *на порог не пускать, переступить порог чего-то, на порог показать* [8, с. 15]. Порог для наших предков был символом домашнего очага. Именно там, под порогом, жил дух-покровитель – домовый. Когда невестка впервые входила в дом, она не имела пра-

ва ступить на порог, его надо было переступить. И сегодня через порог стараются не здороваться и не прощаться, не передавать вещей. За порог дома нельзя выносить мусор. Так, фразеологизм *на порог не пускать* означает «закрыть дверь своего дома, не допустить какого-то дела»; *переступить порог чего-то* – «решиться на что-то» [8, с. 24]. Это переосмысленное понимание порога как важного рубежа определяет новое качество: *на порог показать* – «выгнать», *обивать пороги* – «часто приходиться к кому-то, надоедать» [8, с. 25].

Интересен для лингвокультурологического анализа и фразеологизм *бить тревогу*, также сообщающий об одном из обычаев русского народа. Во время опасности или важных событий на Руси использовали особую систему сообщения: звонили в колокола или били в барабаны. В современном русском языке фразеологизм *бить тревогу* означает «вызвать тревогу, привлекая внимание общественности к какой-либо опасности с целью предотвратить ее или призывая к борьбе с ней» [8, с. 27].

Заслуживает внимания группа фразеологизмов, отражающих представления о достоинстве, красоте человека, которые определяются национально-культурными, социальными, нравственными и другими факторами. Например, в характеристике внешности, которая дана в словаре Л. Т. Мирончикова, большое значение приобретают понятия усов, бороды у мужчин, волосы у казаков, косы у женщин. Эти представления отражены в фразеологизмах *мотать себе на ус, и в ус не поведешь, и в ус не дуть, мы сами с усами, борода не оказывает мудрым человека, борода до колен, а ума, как у ребенка, рвать чубы, посыпать пеплом косы, рвать волосы* [8, с. 58].

Во многих фразеологизмах, отражающих национальное мировоззрение комплексно, скрыты народные представления о добре и зле. Так, многие фразеологические обороты своими прототипами, своей внутренней формой отражают

лучшие черты, присущие русскому народу. Среди них: трудолюбие, хозяйственность, любовь к земле (*без труда не плода, труд перерастает в красоту, земля кормит людей, как мать детей* [8, с. 153]), мужество, отвагу в бою (*где отвага, там и победа, отвага мед пьет* [8, с. 158]), гостеприимство, вежливость, уважительное отношение к родителям (*земной поклон, в ногах правды нет* [8, с. 62]), доброта (*хорошему везде хорошо, с доброй душой* [8, с. 66]), сплоченность (*вместе и черта поборем, хорошо тому, кто вдвоем* [8, с. 69]), уважение к науке, обучение, ценность ума (*без муки нет науки, не дай Бог, счастья, а дай разум, учись – на старость будет как находка* [8, с. 77]). В фразеологизмах осуждаются лживость, подлость, трусость: *врать – не целом махать, лжи производит, бояться собственной тени, врет как собака* [8, с. 79]. Невежество, глупость разоблачаются в таких фразеологических оборотах, как *послушай дурного, то и сам глупым станешь, глуп, как сапог, глупый и твердит, дураком быть – не дуба гнуть* [8, с. 82].

Целый ряд фразеологизмов (вторя группа) содержит в своей семантике национально-культурный компонент или синхронный, с позиции современного языкового сознания, или диахронный, т. е. только через соотнесенность с национальной культурой. Прототипы могут освещать типичную русскую флору, средства сельскохозяйственного производства, традиционное питание и др. Историко-культурный компонент фразеологизмов заключается не в смысле исторического события, факта, пространства, характера, а в значении слов как обобщенных замечаний, основанных на человеческих оценках и концепциях.

Во фразеологическом фонде языка ярко выражается национальный способ мировоззрения. В значении устойчивых оборотов закреплены как культурные архетипы, так и сущностные моменты географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной, культурной реальности.

Важно то, что национальные особенности проявляются в специфической образности фразеологизмов, которая возникает в результате оригинального сочетания понятий, создается на основе постоянных ассоциативных реалий, т. е. словесных образов-символов, являющихся результатом творческого осмысления окружающего мира. В процессе анализа образной системы фразеологии становится понятным, что сам выбор образа-прототипа – это уже выражение национального мировосприятия.

В исследовании «Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточносла-

вянском культе Николая Мирликийского)» Б. А. Успенский пишет: «Менталитет влияет на обычаи, которые со временем часто забывают, но их остроумная, веселая, иногда острая атмосфера является подоплекой фразеологизмов. Любой фразеологизм отражает какой-то обряд, традиции русского народа» [2, с. 163]. Иллюстрацией этого тезиса, помимо упомянутых выше, могут быть и такие единицы, как зарабатывать *кровавыми мозолями* – тяжелым, упорным, изнурительным трудом, *своим (собственным) горбом* – тяжелыми собственными усилиями, *тащить на своем горбу* – тяжело работая, обеспечивать кого-либо средствами для жизни, иметь кого-то на своем содержании [1, с. 41].

Итак, специфика фразеологизма связана с культурой региона, которая является сложным образованием, вмещающим в себя национальные, социально-экономические, географические и другие особенности жизнедеятельности народа на всех этапах его развития.

1. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1994. 241 с.

2. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: МГУ, 1998. 245 с.

3. Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Костомаров Н. И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М., 1994. 331 с.

4. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. 544 с.

5. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.

6. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Наука, 1999. 408 с.

7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.

8. Мирончиков Л. Т. Словарь славянской мифологии и происхождение славянской мифологии и этноса. М.: Харвест, 2004. 392 с.

© Борисова О. Г., 2016

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ БАРНАУЛА В РЕАЛИЗАЦИИ МОДУЛЯ «ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ»

В статье анализируются необходимость и способы привлечения историко-культурного наследия конкретного населенного пункта в преподавании школьных дисциплин гуманитарного цикла, а именно модуля «Основы православной культуры» дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики».

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, Барнаул, ОРКиСЭ, храм, краеведение, экскурсия.

USE OF HISTORIC AND CULTURAL HERITAGE OF BARNaul IN REALIZATION OF THE ACADEMIC MODULE "BASICS OF ORTHODOX CHRISTIAN CULTURE"

The article deals with analysis of necessity and ways of using historic and cultural heritage of a certain locality in teaching school disciplines of the humanities, especially the academic module "Basics of Orthodox Christian Culture" of the subject "Basics of Religious Cultures and Secular Ethics".

Keywords: historic and cultural heritage, Barnaul, BRCanSE, church, regional study, excursion.

Реализация учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКиСЭ) предполагает не только учебные занятия, но и активную внеклассную работу. Посещение музеев, выставок, знакомство с памятниками культурно-исторического наследия помогают разнообразить учебный процесс, расширить и обогатить кругозор школьников.

ОРКиСЭ – это культурологический, а не религиозный предмет, предполагающий формирование уважительного отношения школьников к нравственным идеалам и ценностям представителей разных народов и религий. Поэтому знакомство с материальным воплощением этих ценностей является неотъемлемым элементом образовательного процесса.

Термин «культурно-историческое наследие» прошел длительную эволюцию. Согласно российскому законодательству он трактуется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [1, с. 1]. Однако в условиях мировой глобализации это понятие приобретает и иное, соответствующее запросам общества, значение. То есть наследие можно рассматривать как информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах и необходимый человечеству для развития общества в данный момент, а также сохраняемый для передачи будущим поколениям.

Традиция рассматривать природу и культуру в противопоставлении, когда под природой понимается действительность, не освоенная культурой, а под культурой – искусственно созданная среда, устарела. Субъектом наследия и в том, и в другом случае является человек или общество, созданное человеком, поэтому проблема наследия не может быть решена вне анализа жизненной среды человека. Согласно этой точке зрения, культурно-историческое

наследие понимается как часть жизненной среды, т. е. включенных в жизнедеятельность некоторого субъекта явлений внешнего мира [1, с. 2].

Сегодня существует множество классификаций культурно-исторического наследия. Наиболее соответствующей курсу ОРКиСЭ является типология, предложенная специалистами Российского НИИ культурного и природного наследия, по которой «культурно-историческое наследие понимается как память о жизни российских народов в прошлом, база современного культурного процесса в обществе, без которой невозможно его развитие», и включает в себя:

1) памятники природы, которые включают геологические и геоморфологические (отдельные валуны, формы рельефа и др.), гидрологические и гидрогеологические (реки, озера, ключи, родники, минеральные источники и др.), ботанические (лесные массивы, отдельные деревья и т. п.), ландшафтные (лесные и болотные урочища);

2) памятники культурно-природного наследия – искусственные формы рельефа (курганы, валы, насыпи, ямы), искусственные водоемы и насаждения;

3) исторические населенные пункты, которые сохранили свою историческую среду, связь с природным окружением, планировочную структуру, – особые элементы наследия региона, обладающие физической, исторической, эстетической и символической ценностями, содержащие в себе огромный объем исторической и культурной информации;

4) архитектурные памятники – культовые памятники военной и гражданской архитектуры, малые формы;

5) исторические памятники или памятные места, к которым относятся места или сооружения, связанные с историческими событиями, жизнью известных исторических деятелей, а также представителей литературы и искусства [2, с. 3–5].

Согласно этой типологии на территории Барнаула можно выделить такие памятники культурно-исторического

наследия, как природные, которые обусловили появление градообразующих предприятий в XVIII веке (высокий правый берег Барнаулки и низменные участки левобережья), археологические, иллюстрирующие страницы древней истории населения, проживающего на этой территории, архитектурные, включающие памятники, обелиски, мемориальные доски и пр.

На территории города сохранилось более 70 археологических памятников: от палеолита до развитого средневековья. Это городища, курганы, стоянки и поселения, большинство из которых расположены на левом берегу реки Оби – в Нагорной части Барнаула, в поселках Мохнатушка, Гоньба, Научный городок. Самые ранние археологические памятники относятся к концу эпохи верхнего палеолита – началу периода мезолита (например, Мохнатушка 1, Влашиха, около Казенной заимки и др.) [3, с. 231].

Среди архитектурных памятников особое место занимает медно-сереброплавильный завод, вокруг которого формировались слободы, площади, улицы, храмы, ансамбль Демидовской площади, многочисленные торговые дома, личные усадьбы и другие здания.

Таким образом, культурно-историческое наследие Барнаула представляет широкие возможности для его использования в преподавании курса ОРКиСЭ.

Отдельно хотелось бы остановиться на реализации модуля «Основы православной культуры». В Барнауле насчитывается около пятнадцати соборов, храмов, часовен, построенных в разное время и ставших свидетелями многих исторических событий. Знакомство с их историей, архитектурой, внутренним устройством и убранством во многом связано не только с курсом ОРКиСЭ, но и другими школьным предметами гуманитарного цикла: историей, мировой художественной культурой, изобразительным и искусством и др. Поэтому эту часть культурно-исторического наследия краевой столицы можно и нужно активно применять в преподавании модуля.

Спектр методов и способов их использования сегодня очень широк. Универсальным и наиболее популярным среди них является экскурсия. Ее главная цель – конкретизировать учебный материал, визуализировать его, так как наглядность способствует более полному усвоению информации. Кроме того, психофизиологические особенности детей 9–11 лет диктуют и выбор определенных методов и форм обучения, так как этот возраст считается переходным от младшего школьного к подростковому и характеризуется активным развитием мотивационно-потребностной сферы, самосознания, формированием мировоззрения и картины мира [4, с. 237]. Экскурсия в данном случае помогает решать многие педагогические задачи.

Содержание экскурсии должно соответствовать программному содержанию изучаемого курса, конкретизируя или расширяя осваиваемый материал. Учитель определяет наблюдаемые объекты, их целесообразность, последовательность наблюдений, систему вопросов, тематику заданий.

В качестве примера можно привести экскурсию по православным храмам и соборам Барнаула. Согласно Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников и примерным учебно-методическим комплек-

сом учебного курса ОРКиСЭ эти мероприятия логично впишутся в проведение занятий по таким темам, как «Православный храм и другие святыни», «Символический язык православной культуры», «Христианское искусство (иконы, фрески, прикладное искусство)».

За почти трехвековую историю в городе было построено множество церковных сооружений, относящихся к разным историческим эпохам, архитектурным стилям, возведенных для разных целей. В качестве обязательных для посещения можно выбрать Покровский собор, Храм во имя Святого Дмитрия Ростовского, Никольскую церковь.

История каждого храма тесно вплетена в историю города, поэтому при знакомстве учащихся с ней будет реализован и региональный, краеведческий компонент. Во время экскурсии учитель должен обращать внимание на такие вещи, как год и условия постройки храма, его форму, внутреннее содержание. На вооружение он может взять и развить следующую информацию. Дмитриевская церковь сегодня является старейшей во всем Алтайском крае и Республике Алтай, ее строительство входило в проект Демидовской площади и было закончено в 1831 г. Здание представляет собой круг, над которым возвышается большой купол с крестообразно отходящими от него в четыре стороны пристройками (ротонда) [5, с. 29; 6, с. 56]. Покровский собор и Никольская церковь были построены уже в начале XX века, в 1904 и 1906 г. соответственно [6, с. 32, 64]. Первый строился для населения формировавшейся Заячьей слободы, а вторая – как солдатская, или полковая, церковь. В городе в то время находился Барнаульский стрелковый полк. И Покровский собор, и Никольская церковь выстроены в русско-византийском стиле [7, с. 114]. При этом последняя – яркий пример базилики (вытянутого прямоугольника). Такая форма храма была выбрана с тем расчетом, чтобы внутри мог выстроиться полк. Также в экскурсионный маршрут можно включить места, где располагались первые городские соборы, например Петропавловский, освященный в 1751 г. (Соборная площадь, сегодня – площадь Свободы) [6, с. 6]. Параллельно с посещением храмов школьники познакомятся также со старыми названиями улиц и площадей.

Таким образом, посетив предложенные храмы, школьники смогут:

- воссоздать хронологическую последовательность их строительства, что впоследствии пригодится им на уроках истории и краеведения;

- выделить отличительные особенности архитектурных стилей XIX–XX вв.;

- выйти на уровень анализа таких духовных концептов, как храм, дом, душа.

Кроме этого, существует масса других вариантов такой экскурсии, где учитель может сам расставить акценты с учетом пожеланий родителей, интересов учеников, поурочного планирования.

Историческое пространство, в которое окунается ребенок в ходе подобного мероприятия, непосредственно связано с его реальной жизнью, жизнью его родителей, знакомых, оно близко и понятно ему. На этом пространстве начинает формироваться его самоидентичность – чувство принадлежности к конкретному народу, культуре, религии.

Поэтому грамотное и своевременное знакомство школьников с памятниками истории и культуры поможет решить многие воспитательные задачи, выходящие за рамки курса ОРКиСЭ.

1. Петрова И. А., Кибасова Г. П., Назаров А. А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. № 4 (9). Декабрь. URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 25.12.2015).

2. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа) / Ю. А. Веденин, А. А. Лютый, А. И. Ельчанинов [и др.]. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. 119 с.

3. Шамшин А. Б. Археологические памятники Барнаула: проблемы изучения и охраны // Наука – городу Барнаулу. Барнаул, 1999. С. 231–233.

4. Шаповаленко И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. 349 с.

5. Ермакова Л. И., Скворцова Т. В. Церковь Святителя Дмитрия Ростовского г. Барнаула: история и современность. Барнаул: Алтайский дом печати, 2011. 125 с.

6. Кривоносов Я. Э., Скворцова Т. В. Православные храмы Барнаула. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. 175 с.

7. Степанская Т. М. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул: Изд-во «А. Р. Т.», 2006. 300 с.

© Ботова А. В., 2016

УДК 81-139

К. В. Свотина

K. V. Svatina

**Научный руководитель: кандидат педагогических наук,
доцент Ю. К. Картавая**

**Research supervisor: candidate of pedagogics, associate
professor Yu. K. Kartavaya**

НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Актуальность статьи обусловлена постоянным интересом к значению личного имени, а также недостаточной изученностью вопросов мотивации имени наречения как одной из универсалий, присущей любому культурно-языковому пространству.

Ключевые слова: антропоним, оним, аппелятив, полифункциональный формант, ономастика.

THE NEWEST ASPECTS OF STUDYING ONOMASTIC SPACE OF MODERN RUSSIAN

Relevance of the article is caused by the constant interest in meaning of personal names and the insufficient study of issues of motivations for naming as one of the universals inherent to any cultural and language space.

Keywords: anthroponym, onym, appellative, multifunctional formant, onomastics.

Имя собственное дает уникальную возможность донести через века информацию об исторических деятелях, исторических событиях, определенной территории, заселенной конкретным этносом или народом, его культуре, быте, верованиях и т. п. Собственное имя (оним) является объектом исследования особой области лингвистики – ономастики, изучающей историю их возникновения, развитие и функционирование, структуру, а также распространение онимов в языке и речи, в литературной и диалектной сферах. По сравнению с другими филологическими науками, ономастика достаточно молодая отрасль знания, а потому многие аспекты остаются невыясненными и привлекают к себе внимание многих современных исследователей русского языка.

Общеизвестно, что ономастика является междисциплинарной областью лингвистики, поскольку сочетает в себе культурологические, исторические, этнографические, социо-

логические, психолингвистические и другие знания. Особый языковой статус имен собственных, зачисляемых в разряд знаменательных лексических знаков, а также интерес, который они вызывают у лингвистов, приводят к формированию различных отраслей ономастики с четко очерченными объектами изучения, многоаспектными проблемами и методами исследований.

К основным отраслям ономастики в отечественной лингвистике относятся: 1) антропонимика; 2) топонимика и 3) этнонимика.

Антропонимика изучает антропонимы (имена людей, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы), их этимологические, семантические и словообразовательные особенности, основные принципы номинации человека, пути перехода аппелятива в антропонимы, и наоборот, диахронические характеристики антропонимов, функционирование тех или иных антропонимов в языке на разных этапах ее развития.

Топонимика изучает происхождение, значение и функционирование топонимов, т. е. имен географических объектов с позиции индивидуализации, идентификации определенного географического объекта между ему подобными. Топонимы имеют большое познавательное значение, поскольку их появление и развитие связаны с общей историей народа, его культурой, религией, экономическим развитием и т. д.

Этнонимика является исторической дисциплиной, зависит от развития археологии, этнографии и специальных исторических дисциплин, поскольку изучает этнонимы, т. е. названия этносов, отдельных этнических групп, этнических территорий, стран и др.

К наиболее молодым отраслям ономастики, получившим развитие с конца XX века, относятся:

- 1) литературная ономастика, или поэтическая ономастика;
- 2) когнитивная ономастика.

Литературная ономастика выделилась в научную дисциплину относительно недавно и занимается изучением специфики ономастического пространства, т. е. совокупности всех онимов художественном тексте. Весомый вклад в развитие этой отрасли отечественной ономастики внес В. М. Калинин, разработавший методологическую базу теоретического осмысления семасиологии и поэтики онимов [1, с. 26]. По мнению ученого, предметом исследования поэтической ономастики является поэтоним – трансформированное имя собственное художественного произведения, в котором должны быть отражены такие существенные моменты, как:

- 1) вторичность («фиктивность»);
- 2) отнесенность к речи;
- 3) подвижность семантики;
- 4) базовый характер в терминотворчестве [1, с. 58].

Актуальность когнитивного подхода к изучению языковых явлений привела к возникновению новой лингвистической области – когнитивной ономастики, сочетающей достижения ономастики и когнитивной лингвистики. Среди современных отечественных исследований, посвященных описанию онимов с когнитивных позиций, стоит упомянуть фундаментальную докторскую диссертацию А. Ю. Карпенко «Когнитивная ономастика как направление познания имен собственных» [2]. Когнитивная ономастика, по мысли автора, решает определенный круг проблем, важнейшими из которых являются:

- 1) бытие имен собственных в ментальном лексиконе;
- 2) формы концептуализации имен собственных;

3) формы и функции ономастических концептов в языке мозга;

4) способы организации ономастических концептов в ономастические фреймы на почве унифицированных конструкций знаний об их связи с внеязыковыми носителями и т. п.

Кроме того, когнитивная ономастика имеет определенное своеобразие благодаря таким «специфическим приметам онимов, как:

- 1) их огромное количество (имен собственных в каждом языке минимум в тысячу раз больше, чем общих);
- 2) их однореферентность (каждое имя собственное имеет только одного носителя);
- 3) отсутствие у них семантического дна (имя собственное не выражает понятия, а следовательно, и не имеет семантических ограничений: вся информация о денотате охватывается его названием, служит практически всегда заголовком всего семантического объема данного конкретного денотата).

Важное значение для проведения анализа имен собственных имеет выбор методов исследования. Современные лингвисты в своих работах отдают предпочтение комплексному подходу. Так, Н. В. Васильева предлагает использовать интегрированный подход к онимам, основанный на ономастической информации – комплексе знаний носителя языка, в который входят информация об имени собственном как языковой единице, информация о денотате, а также ассоциации (коннотации), которыми характеризуются онимы для отдельного носителя языка или лингвокультурного сообщества [3, с. 153].

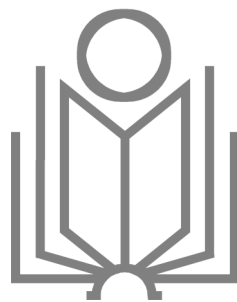
Итак, ономастическое пространство современного русского языка имеет большой потенциал для дальнейшего изучения с учетом новейших достижений как отечественных, так и зарубежных лингвистов.

1. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.

2. Карпенко А. Ю. Когнитивная ономастика как направление познания имен собственных: дис. ... д-ра филол. наук. Одесса, 2006. 416 с.

3. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. 244 с.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Воробьева З. В.

Мы родом из 60-х. К 80-летию Ю. В. Воробьева

Федяев Д. М.

Памяти Д. В. Пивоварова

З. В. Воробьева

МЫ РОДОМ ИЗ 60-Х. К 80-летию Ю. В. Воробьева

Жизнь коротка. Но с этим особенно трудно примириться, когда, не дожив до пенсионного возраста, уходят люди талантливые. Юрий Викторович Воробьев относился именно к таким. Сколько было ему от природы дано! Поэт и ученый, педагог и организатор. Обделенным он оказался только одним – здоровьем.

Юрий Викторович многое хотел сделать, он был полон творческих планов, но 13 июня 1995 года его не стало. Но остались его труды, его стихи. Он живет так же в воспоминаниях друзей, коллег, учеников.

Юрий Викторович 27 лет отдал преподавательской работе в вузах, воспитав не одно поколение студентов. Ученики были разные – сильные и слабые, но помнят своего преподавателя и те и другие.

Татьяна Борисовна Киргинцева, коллега*

Я 17 лет работала с Юрием Викторовичем на кафедре ОГПИ и вместе с ним перешла на кафедру в СибАДИ где мы планировали работать еще долго, но отработали всего год. Я начала заниматься поэтикой, когда мне было всего лет 30. После того как Юрий Викторович пришел в институт, спустя некоторое время, он предложил мне заняться этой темой. У меня не было никакого представления о поэтике, вернее, мои представления были чисто любительскими. Он начал давать мне книги из домашней библиотеки, затем было много дискуссий и споров на эту тему, потом я сама увлеклась и стала активно изучать это направление. Помощь Юрия Викторовича была ненавязчивой, и мне казалось, что я до всего доходила сама. Когда я писала вступительный реферат в аспирантуру, Юрий Викторович был в отпуске, и я отправила реферат без его корректировки. Получив положительный отзыв о реферате, я поняла, как много вложил в меня Юрий Викторович. Работая над кандидатской, я изучила много диссертаций и поняла, что диссертация Юрия Викторовича уникальна в своем сочетании глубины материала и простоты его изложения. Я благодарна судьбе за то, что она дала мне возможность работать с Юрием Викторовичем и учиться у него. Он дал мне не только научные знания, он научил меня работать. Это просто перевернуло мою жизнь. Он своим примером показал мне, каким должен быть учитель. Он был учителем, который отдает свои знания и не требует наград. Это ценное качество, которым я пользуюсь до сих пор. Мы обычно отдаем вперед и не ждем благодарности. Благодарность в том, что дело движется вперед. Я рада что жизнь свела меня с этим прекрасным человеком и учителем.

Автор благодарит А. А. Палий, а также И. В. Краевскую и Т. В. Семенову за помощь и советы в составлении и подготовке статьи к печати.

* Из выступления 26 октября 1997 г. на презентации книги «Строфика английской поэзии» в библиотеке имени А. С. Пушкина.

Сергей Горошкевич, выпускник 1982 г.**

Юрий Викторович работал с нами недолго, всего один семестр. Было видно, что это человек из другого мира, мира настоящей интеллигенции, профессионал с большой буквы. Большинство из нас не знали ничего, кроме «London is the capital of Great Britain», поэтому он выглядел на нашем фоне оксфордским профессором, профессором среди папуасов. Не скажу, что мы получили от него много конкретных знаний: слишком уж мало времени мы провели возле него и слишком уж низок был наш исходный уровень. Зато мы получили отличный образец интеллигентности и профессионализма, ориентир, в направлении которого появилось желание развиваться. Спасибо ему за это.

Оксана Смогунова, выпускница 1993 г.***

Я помню нашу первую встречу. У окна за преподавательским столом как-то полубоком сидел Юрий Викторович и кивал всем входящим, при этом каждый раз замуривая глаза. Удивительным образом эти кивки сразу снимали напряжение с нас, первокурсников. Перед новым преподавателем, перед сложным предметом. К концу пары мы уже были во власти потрясающего обаяния Юрия Викторовича. Предельно вежливый, отзывчивый, он производил впечатление той степени воспитанности, когда человеку не нужна внешняя твердость для самоутверждения.

Мне, наверное, повезло больше других, я была вхожа в дом к Юрию Викторовичу и Зинаиде Васильевне. Семья моих преподавателей стала для меня образцом взаимоотношений мужчины и женщины. Эти отношения были совсем не похожи, на то, что нас окружает в обыденной жизни. Казалось, что вся суетность окружающего мира остается за порогом их дома. Влюбленные, увлеченные общим делом, они делали друг друга счастливыми. А ведь только у счастливого педагога ученики испытывают состояние счастья. Вот и сейчас я счастлива от того, что память так легко возвращает образ Юрия Викторовича, его голос, манеру общения. Вот он поднимается по институтской лестнице, вот он едет домой в том же автобусе, что и я, вот он стоит в дверном проеме и радушно приглашает в свой дом...

Юрий Викторович обладал уникальным талантом – умением дружить. Он очень дорожил дружбой, но так и не научился прощать подлость и предательство:

** Зав. лабораторией дендрологии ИМКЭС СО РАН, доктор биологических наук, директор Сибирской академии деревьев и кустарников. В 2011 г. С. Н. Горошкевич стал победителем конкурса «Человек года» в номинации «Прорыв».

*** Зам. директора бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей г. Омска и детского (юношеского) центра «Смена».

Не предавал друзей я никогда,
И если с ними вдруг случилось горе,
Я помогал, не чванясь и не споря,
И их беда была моя беда...

Прощу обиду мертвому врагу,
Прощать живых – простите, не могу.
Ю. В. Воробьев

Многие друзья молодых лет остались друзьями осиротевшей семьи.

Александр Федорович Абельсон*

О моем любимом брате. Воспоминания и размышления

Самые ранние мои воспоминания о любимом брате Юрочке относятся примерно к 1948 году. Это было в Скоморохах на Украине, точнее, в военном городке около Скоморохи, в 15 км от г. Житомира, где мой отец служил тогда и жил с семьей.

В тот период и до 1953 года у нас в семье многократно гостили и подолгу жили – иногда в полном составе, а иногда лишь младшие представители – семейств Сазыкиных и Воробьевых.

На фотографии слева направо в верхнем ряду Рива Яковлевна Сазыкина, Лев Степанович Сазыкин, бабушка Берта, Дина Яковлевна Воробьева, Милочка (моя мама) и я у нее на руках. В нижнем ряду Володя Сазыкин, Алик и Юра Воробьевы. Сазыкины – семья сестры Дины Яковлевны Воробьевой

Это может показаться странным, но я очень хорошо помню Юрочку еще с этих пор. К сожалению, более поздних фотографий этого периода у меня не осталось, но помню, что это были очень теплые и дружественные отношения с моими братьями.

Следующие мои воспоминания относятся примерно к 1958 году. Мы тогда временно (до получения отцом своего жилья как подполковника в отставке) жили в Москве у Сазыкиных. Несколько раз в то время у Сазыкиных гостил и Юра, и он много времени уделял мне, пополняя мои знания о жизни – в ту пору мне было 12 лет.

* Двоюродный брат, канд. техн. наук, специалист по деревообработке.

Тогда же он привил мне интерес к собиранию марок и подарил мне прекрасный кляссер с марками.

Потом я помню очень хорошо период жизни Юры в пору его учебы в аспирантуре в Москве в институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Сначала он жил в общежитии на Стромынке, где я у него неоднократно бывал. Помню, что соседом по комнате в общежитии у Юры был личный переводчик Гамаль Абдель Насера, второго президента Египта.

Позднее Юра перебрался в общежитие того же института в Петроверигском переулке. Здесь у Юры уже была отдельная комната, и я бывал у него еще чаще.

Следующая наша совместная с Юрой сохранившаяся фотография относится примерно к этому периоду (фото на балконе дома моего отца в г. Щелково, где Юра также часто бывал и гостил)

В это время я уже учился на первом-втором курсах Московского лесотехнического института. Я часто приезжал к Юрочке для занятий английским языком, и Юра много времени посвятил моему английскому. Хороший языковой фундамент, заложенный в меня школьной учительницей английского языка Галиной Дормидонтовной с 6 по 11 классы школы, Юра существенно развил.

По его мнению, изучение языка можно уподобить восхождению на гору, когда вверх идти трудно, но потом, после перевала, дорога дается уже гораздо легче. По мнению Юры, я в этот период уже «видел вершину», и был шанс реально овладеть языком на настоящем уровне. К сожалению, далее по жизни я уже меньше контактировал с английским языком, но тем не менее основы языка, заложенные ранее и укрепленные Юрой, мне очень пригодились впоследствии при сдаче на отлично экзамена кандидатского минимума.

А гораздо позднее, в 90-х годах, я месяц провел в США и три недели в Канаде и почти свободно общался с аборигенами. До такой степени, что в Канаде, где мы были в служебной командировке в составе делегации их 4-х человек, одну неделю у нас вообще не было переводчика, и я, спасибо Юрочке, вполне справлялся с этой ролью, так как остальные члены делегации английского языка вообще не знали.

Помню, как Юра писал свою кандидатскую диссертацию, и его минимальной нормой было написать хотя бы одну страницу в день. И это свято соблюдалось.

Хорошо помню банкет после Юриной защиты диссертации. Было много людей, и все тосты были о Юрочке. Он, конечно, в день защиты переволновался и ничего не кушал. И в какой-то момент Юра подошел ко мне и тихо на ушко сказал: «Саня, мне плохо, помоги».

Помню, как мы с Юрочкой сидели в ресторане «Чистые пруды» (был такой ресторан на 2-м этаже в здании на Чистых прудах), пили коньяк и много-много говорили обо всем.

Я очень любил Юру и люблю сейчас!!!

Помню, как я метался по Москве, когда Юрочка болел, и это кончилось, к несчастью, его уходом – я искал и отправлял в Омск какие-то редкие лекарства по просьбе Зины.

Помню мои встречи с Юрой на его юбилее в 76-м году. Помню, как Юра готовил для гостей кофе и учил меня правильно заваривать кофе, да и чай тоже.

К этой встрече Юра написал стихи с посвящением А. А (это я, Александр Абельсон).

А. А.

Ты на встречу шагнешь из проема дверей,
Словно годы назад, без потерь и разлук.
Приезжай поскорей, прилетай поскорей,
Мой единственный брат, мой испытанный друг!

И такой, как всегда, будет встреча у нас.
И не сорок тебе и не мне пятьдесят,
И не слезы – вода будет литься из глаз,
Мой испытанный друг, мой единственный брат!

И, быть может, настанет весна в феврале,
И зеленые ветки склонятся вокруг...
Мне тепло от того, что живет на земле
Мой единственный брат, мой испытанный друг.

Помню, как мы ездили с ним и с Зиной в дом отдыха в окрестностях Омска. Утром по дороге в столовую Юрочке стало плохо (упал уровень сахара), и мы тащили его на кухню, где отпаивали очень сладким чаем.

Помню, как Юра гостил у меня, когда я жил в Подрезково с Тamarой, и мне пришлось вызывать к нему скорую помощь.

Помню, как мы когда-то приехали с моими родителями на один день из Алушты в Ялту и случайно встретили Юру на улице.

Вообще, память хранит огромное количество воспоминаний о Юрочке, и все они самые теплые и щемящие душу.

Ты всегда в моем сердце, дорогой и любимый брат.

Валерий Мельников, журналист

Родом мы из 60-х

Сажу перед чистым листом бумаги и думаю, как рассказать о многолетней дружбе с Юрием Воробьевым? С чего начать? Со школы? Да, у нас были общие учителя, один директор Хаим Евсеевич Аксельрод, который всю свою жизнь исключая, может быть, фронт, положил на ниву просвещения, каждодневно побуждая своих учеников думать, действовать, интересоваться. С его легкой руки все выпу-

ски школы № 72 называли, а может, и сейчас называют себя лобковцами голубых кровей. Да, у нас с Юрой была одна и та же стенгазета с жалящим названием «Оса», в которой, как выяснили мы оба позже, и он и я публиковали свои опусы, но в школе мы не встречались. Юра был старше на целых четыре класса. А это много. Познакомились мы в далеком 1964 году в НИИ средств связи. Сейчас это ОНИИП – серьезное учреждение, разрабатывающее сверхдальние виды связи. А в то время институт только начинался, его госзаказы и разработки посвящались надежной связи подводных кораблей, в каких бы морях они не находились, поэтому наряду с маститыми учеными в его стены привлечено было много молодых «физиков и лириков». Я пришел сюда сразу после службы в армии в январе 1963 года и, конечно же, был дурак дураком, хотя в радиосхемах немного разбирался. Поэтому меня и взяли. Сейчас уже и не припомню, какую схему с описанием на английском подsunул мне начальник лаборатории Виктор Иванович Смык. С импортным журналом я спустился на первый этаж и зашел в отдел переводов. И здесь неожиданно для себя столкнулся с Геннадием Ефимовичем Кукля. В школе № 72 он когда-то преподавал английский язык и меня почему-то сразу узнал. «А вот еще один лобковец, – Кукля повернулся к невысокому черноволосому парню. – Это Юрий Викторович, он вам будет переводить». Так мы познакомились, разговорились и оказалось, что мы одинаково любим Булата Окуджаву и не признаем «Треугольную грушу» Андрея Вознесенского. И еще мы выяснили: у нас была одна и та же учительница русского языка и литературы – Сара Яковлевна Козликова. Сейчас, когда ее уже нет, я убежден, что вложила она в своих учеников столько, что хватило им на всю оставшуюся жизнь. В ее старом доме на улице Маяковского (почти все наши учителя в 60-е годы проживали, как сейчас говорят, в шаговой доступности от школы) Юра читал свои новые стихи и переводы из английских поэтов, а мы с Эдиком Анфингером (еще один лобковец) пили чай с вишневым вареньем и слушали: «Страну покрывал»... В этом доме мы бывали всегда, когда школа № 72 праздновала юбилей либо устраивала вечер встречи выпускников. Однако вернуться к бурной жизни НИИ средств связи 60-х годов. Там неожиданно и вроде бы сам собой образовался литературный кружок. Хотя, если честно, собирала всех, кто умел читать, писать и декламировать выпускница Томского университета Зоя Брюквина. До сих пор помню, как она носилась по лабораториям нашего первого корпуса. «Лириков» обнаружилось всего пятеро, зато «физиков» – хоть отбавляй. Собирались в одной из лабораторий, потому что больше нигде было. Читали вслух Рождественского, Ахмадулину, Окуджаву, входившего тогда в моду Высоцкого. Прочел что-то из английских поэтов (свои стихи представлять тогда не рискнул) и Юра Воробьев. «Физики» неистовали от избытка чувств и просили еще. Тогда и родилась у кого-то полезная мысль: создать общественно-политическую (без этого никак было нельзя) и литературную газету, где «физики и лирики» могли бы мирно сосуществовать и реализовывать свои идеи. Нас поддержал главный инженер НИИ Николай Сартасов, хотя директор Карро-Эст поначалу был против, очевидно ему донесли, что по вечерам его сотрудники не сидят за осцил-

логафами, а слушают диссидентские стихи. Собираться в лабораториях мы уже не могли... Потом, когда я поступал в МГУ на факультет журналистики мои «заметки в газетку» пригодились. Нужна была творческая характеристика. А где ее взять, если трудился я в НИИ, а не в СМИ? Сочинил ее Юрий Воробьев, как редактор институтской стенгазеты, где подверг строгому и беспристрастному анализу все, что я к тому времени опубликовал – и стихи и прозу. Не знаю, пригодилась она или нет, но в 65 году я преодолел конкурс в 15 человек... Память его была феноменальна. Уже в Москве, в институте Мориса Тореза, где он проходил аспирантуру, Юра без запинки процитировал: «Я всю мечущуюся совестью ответ выискивал в мученье: а что же я такое собственно, и в чем мое предназначенье? Я не раздумывал завистливо про чью-то жизнь среди почета, а был я счастлив, что зависело и от меня на свете что-то». Я как-то прочел ему «Елену Прекрасную» внезапно вошедшего в литературу поэта Василия Федорова и через несколько дней сильно удивился: Воробейчик (так я его в Москве обзывал, а он меня Мельницын) прочитал почти все это довольно длинное стихотворение про ахейцев, которые в битвах под Троей устали спотыкаться о клятвопреступные бороды свои... В Москве, да наверное во всей стране, очень любили поэтические вечера. А где еще можно было послушать умных людей? Только в Политехническом музее. Он, можно сказать, располагался в шаговой доступности от Петроверигского переулка, где стоит общежитие института имени Тореза. По четвергам в Политехническом яблоку негде было упасть. Как-то мы с Юрой пришли послушать Ираклия Андроникова, но нам повезло еще больше – рассказывал, пел и играл на гитаре сам Булат Окуджава. И еще раз был такой же странный случай: пришли на входившую в моду Татьяну Кузовлеву, а выступала Бэла Ахмадулина. Впрочем, Бэлла Воробейчику показалась какой-то манерной – он назвал ее куклой заводной. В старинном общежитии МГУ на Стромынке, в котором в XIX веке селили разночинцев и студентов-революционеров, у Воробейчика была отдельная комната, письменный стол, зеленая лампа и подержанная импортная пишущая машинка. На ней он писал статьи о строфике английской поэзии для будущей кандидатской диссертации и находил время для стихотворных переводов. В этой небольшой комнате бывали многие известные в то время люди. Здесь я однажды столкнулся с деканом филфака МГУ профессором Пospelовым, по учебникам которого все мы учили русский язык, а с поэтом-переводчиком Владимиром Роговым здесь же быстро нашел общий язык. Он почему-то обнаружил во мне внешнее сходство с поэтом Вяземским. Как-то мы встретились у книжного подвальчика, что в Столешниковом переулке, и слегка подвыпивший Рогов мне долго рассказывал, за что Воробьева надо ценить и охранять. Ценить это понятно, но охранять... От кого? – спросил я. – Да мало ли? Время такое. Знаете, сколько сексотов на Стромынке? Очевидно Воробейчик об этой стороне тогдашнего бытия даже не догадывался. С одной стороны, он был скептиком, с другой – очень доверчивым и добрым. Но все же сменил обложки изданного в Нью-Йорке четырехтомника Николая Гумилева. Я ему посоветовал – никому его не показывать. Юра очень любил его Капитанов. «...Или, бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет, так что сып-

лется золото кружев, с розоватых брабантских манжет». За Гумилева можно было схлопотать срок, но он завораживал... Книжку Василия Федорова я так и не нашел, хотя побывал в четырех или пяти книжных магазинах, но Юра, кажется, не очень-то огорчился. Он только что закончил перевод из Кипплинга, лицо его было усталым и каким-то отрешенным, но Воробейчик начал: «Когда похоронный отряд уйдет и коршуны улетят, приходит о мертвом взять отчет мудрых гиен отряд. За что он умер и как он жил – это им все равно. Добраться до мяса, костей и жил им надо, пока темно. Гиены вонзают в песок клыки и чавкают, и рычат. И вот уж солдатские сапоги навстречу луне торчат. И вот он и вышел на свет солдат: ни друзей, никого. Одни гиены глаза глядят в пустые зрачки его». Цитирую по памяти. Там были еще строки про гиен, но я их забыл. – У меня мороз прошел по коже. Юра, я представил эту жуткую картину. Теперь спать не буду, а у меня завтра экзамен. – Ничего, сдашь... Мы выпили по рюмочке армянского коньяка. У него в тумбочке всегда была записка. Юра повеселел: – А хочешь, я тебе подарю еще кое-что? – И он быстро отпечатал на листке «Глаза» – тоже перевод из Кипплинга. Этот листок заложен у меня в какой-то книге. Может, еще отыщется...

Нина Федоровна Величко*

Юрия Викторовича я знала много лет. С тех пор, как моя самая близкая подруга, моя наставница Зинаида Васильевна связала с ним свою судьбу. Наши семьи были неразлучны. И хотя виделись не так часто, но наши мысли и сердца были постоянно вместе. Мы радовались каждой нашей встрече. К моему приезду в Омск у Юры уже были новые стихи, и он их читал нам ночами напролет. Он всегда очень ждал меня и радовался встрече. Я и сейчас говорю Зине: «Меня уже в Омске никто так не ждет и не встречает, как Юра». Это так.

Я горжусь тем, что знала этого человека. Его целеустремленность, незаурядные способности ученого, организатора привлекали к себе внимание. Он умел оценить обстановку и принять единственно верное решение. Это ему помогало опережать время. Юрию Викторовичу доверяли. Это был человек увлеченный и неравнодушный. Он умел объединить людей вокруг себя. К нему тянулись все. Очень уважительно к нему относились мои дети, любили его любовью искренней, сыновней. Юрий Викторович сумел увидеть в моем сыне хорошие задатки. Теперь мой сын – юрист, председатель Тюменского суда, кандидат юридических наук, доцент Тюменского госуниверситета. В этом есть и заслуга Юрия Викторовича.

Юрий Викторович до конца своих дней был полон энергии, строил планы, выдвигал идеи. Он был душевно чутким человеком. На мой юбилей он написал чудесные стихи:

В тихом доме тихи вечера.
 Подросли и разъехались дети.
 Мир тебе, дорогая сестра!
 Пусть тепло тебе будет на свете!..

* Заведующая детским садом в Павлоградке, отличник народного просвещения, Отличник просвещения СССР.

У него всегда было место в сердце для друзей, близких. И главное – он не ждал отдачи за свою доброту. Таким он остался в наших душах, сердцах навсегда.

П. А. Краевский, И. В. Краевская*

Мы пришли в семью Воробьевых за полтора года до кончины Юрия Викторовича... Сразу возникло ощущение, что люди «одной крови» и одного духа. Жаль, что встреча не состоялась раньше. Юрия Викторовича нет с нами уже больше двадцати лет, но он все равно остается в нашей памяти и в наших сердцах. Он остается и в наших внуках.

Друзья всегда были неотъемлемой частью семьи Воробьевых, без них нельзя и представить этот теплый дом. Они и сейчас рядом, хотя Юрия Викторовича нет и нет уже некоторых из друзей...

Софья Шамсеевна Болгарская, учитель французского языка**

Ученица Дины Яковлевны, из первого набора казанских «французов». Она оставалась преданной семье Воробьевых, считая Юрия Викторовича названным братом. И эту любовь и уважение передала дочери и внуку. На одной из фотографий она написала посвящение Дине Яковлевне: «О моя радость! (и страдание). Может быть подобную Вам больше не встречу в жизни...» Казань 26 августа 1950 года».

Леонид Георгиевич Горынин***

Будучи сам заядлым охотником и чемпионом России по стендовой стрельбе, он подарил Юрию Викторовичу ружье и однажды пригласил его с собой на охоту, скорее, для того, чтобы доставить удовольствие другу. Удовольствие получили оба, поскольку значительную часть времени на природе посвящали не удовлетворению охотничьего азарта, а чтению стихов. В Горынине уживался физик и лирик, а объединяло их с Юрием Викторовичем то, что они оба были интеллигентами и очень любили поэзию и музыку. Остались стихи, посвященные Леше Горынину.

Мы четверть века с тобой идем,
Идем бок о бок по всем дорогам,
Над многим шутим, грустим о многом,
Мой старый друг, Человек с ружьем!..

Эльвира Федоровна Зайкова****

Эльвира Федоровна была врачом от Бога. Юрий Викторович относился к ней с большим доверием. Их объединяла любовь к поэзии, музыке. Оба были интеллигентами из 60-х. Когда ему было плохо, он мог позвонить ей, и она всегда приезжала...

Сергей Николаевич Лосев, одноклассник, врач-хирург

В то время когда Лосев и Воробьев учились в школе, С. Есенин был под запретом. Сергей тайком приносил

* Петр Александрович – экономист, Ирина Владимировна – журналист.

** Была учителем года в Москве.

*** Ректор СибАДИ в 1993–1998 гг.

**** Кандидат медицинских наук, врач-инфекционист, организатор Центра по борьбе с ВИЧ-инфекцией в Омске.

в класс томик стихов Есенина, и мальчишки читали его, держа под партой. Юрий Викторович посвятил другу стихи.

Нам все кажется, что еще много
Жить, надеяться, верить и ждать.
Приезжай поскорее. Серега!
И спеши! Я боюсь опоздать!

Виктор Вячеславович Межеричев, выпускник СибАДИ*****

После окончания института работал в Новокузнецке. С Юрием Викторовичем был знаком со школьных лет. Их дружба была спаяна любовью к поэзии. Межеричев был физиком и лириком одновременно. Будучи директором НИИ, приезжая в Омск, он обязательно бывал в доме Воробьевых и рассказывал массу удивительных историй. Даже обычные вещи у него выходили веселыми и занимательными. В семье Воробьевых хранится много фотографий Межеричева, которые он дарил, сопровождая забавными надписями («Юрию Викторовичу Воробьеву, «сыночку» от «папаши» Виктора Межеричева. Гляди и не пугайся». 9/IX 1954 г.). Виктору Межеричеву посвящены стихи.

Вспоминай, хоть иногда!
Если стужа. Если слякоть,
Если дождик будет плакать
И в окно стучать беда.

Вот уж осень, а не май,
И к концу идет дорога.
Нас осталось так не много,
Так что помни, вспоминай!

Эмиль Григорьевич Потиевский, врач-бактериолог, кандидат медицинских наук.

С Юрием Викторовичем познакомился в Ессентуках. В номере санатория встретились два омича, студенты-первокурсники, чтобы остаться друзьями навсегда. Когда семья Потиевских жила во Владивостоке, Воробьевы в полном составе гостили у них на берегу залива Петра Великого в уссурийской тайге. Затем, когда Потиевские перебрались в Ташкент, семья Воробьевых посетила их и там.

Завершением этих воспоминаний могут послужить строки стихотворения Ю. В. Воробьева, в которых отразилось настроение его поколения – поколения шестидесятников.

Человеку не много нужно,
Чтоб росли поскорее дети,
Чтоб была хорошая дружба,
Чтоб не было войн на свете.
Очень мало нам в жизни надо, –
Чтобы были зима и лето,
И была бы подруга рядом,
Для которой не жаль полсвета.
Мы и этому будем рады,
Лишь бы солнце всегда светило,
Мы скромны, нам немного надо,
Только надо чтоб это было.

***** Доцент, управляющий Волжского филиала НИПИ «Промстальконструкция».

Д. М. Федяев

ПАМЯТИ ДАНИИЛА ВАЛЕНТИНОВИЧА ПИВОВАРОВА

Ушел из жизни Даниил Валентинович Пивоваров – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой религиоведения Уральского федерального университета (ранее – Уральский государственный университет им. М. Горького). Мои коллеги по кафедре, выпускники УрГУ, помнят Даниила Валентиновича как студенты – любимого преподавателя, а мне незаслуженно повезло: я оказался его аспирантом, а потом докторантом.

Родился Даниил Валентинович в Шанхае, куда эмигрировал его дед по материнской линии, служивший в армии Колчака. Впоследствии семья вернулась в Россию (уже СССР) и обосновалась в Свердловске. После окончания школы в 1961 году Даниил Валентинович поступил на физический факультет УрГУ, откуда был призван в армию. Философией увлекся именно в армии, читая вузовские учебники из полковой библиотеки. По возвращении в университет, после успешной сдачи дополнительных экзаменов по общественным и гуманитарным наукам, был переведен на философский факультет. Тем не менее интерес и вкус к точному знанию сохранился: однокурсники до сих пор вспоминают, как «Дан» спасал их от провалов по математике.

После окончания университета в 1970 г. Д. В. Пивоваров был приглашен на кафедру диалектического материализма, где и проработал до 1986 года. Атмосфера на кафедре (мой коллега В. В. Николин и я попали туда в качестве аспирантов в 1983 году) была весьма своеобразной. К аспирантам относились как к равным. Организационных вопросов на заседаниях кафедры почти не обсуждали, они как-то решались в рабочем порядке. Обсуждали диссертации и научные доклады преподавателей. Доклады, как правило, подвергались жесткой критике, но преподаватели продолжали выступать со своими идеями без всякого принуждения. Наверное, дело было в том, что в критике была не только жесткость, но и конструктивные идеи, позволяющие развивать тему.

Даниил Валентинович нередко вступал в полемику с «буйно-марксистскими товарищами» (был у него такой термин), а когда по поводу его воззрений кто-нибудь патетически восклицал: «Это не марксизм!», он спокойно отвечал: «Защита марксизма есть его развитие». Впоследствии он написал, что советский «диамат» хотя и ограничивал философскую мысль, но дисциплинировал ее, требовал скрупулезного категориального анализа и строгих дефиниций исходных понятий, что в его рамках родилось немало теоретических новаций. Диамат давал хорошую основу, от которой можно было двигаться дальше.

В 1972 г. Д. В. Пивоваров защитил кандидатскую диссертацию по теме «Некоторые аспекты практической проверки истинности научной теории»; в 1987 г. – докторскую диссертацию «Операционный аспект идеального отражения». Перипетии подготовки и защиты докторской диссертации в некоторой степени отражают дух времени. Считалось, например, хорошим тоном раз-другой помянуть в диссертации какое-нибудь решение съезда КПСС. Когда Даниил Валентинович заканчивал работу над диссертацией, очередной съезд как раз ожидался. Пивоваров уверенно написал, что именно «было решено» на съезде. Когда же съезд состоялся, оказалось, что ничего подобного не решили. Пришлось заменить некоторые страницы диссертации, которая была уже отпечатана в чистовом варианте (на пишущей машинке, а не на принтере). Как позже выяснилось, предсказанные решения (именно такие) были приняты только на следующем съезде – последнем в истории КПСС. Далее – легенда об утверждении диссертации ВАКом. Некий «доброжелатель» написал в ВАК письмо, в котором утверждалось, что Д. В. Пивоваров – ярый антисемит. Допустимо ли присваивать докторскую степень антисемиту?! Надо сказать, что Даниил Валентинович никогда не обнаруживал юдофобских настроений, да и странно было бы ожидать их у ученика М. Н. Руткевича. В ВАКе приняли соломоново решение: направили диссертацию на «черное рецензирование» профессору Д. И. Дубровскому, которого никак нельзя было заподозрить в антисемитизме. Положительный отзыв Д. И. Дубровского стал решающим.

В 1986 г. в УрГУ была создана кафедра истории и теории научного атеизма (впоследствии – кафедра религиоведения). Даниил Валентинович был назначен ее заведующим. На кафедру, хоть бы и атеизма, немедленно потянулись священнослужители, причем разных конфессий. Пивоваров был удивительно терпимым к убеждениям, мнениям, точкам зрения, отличавшимся от его собственных. Так, о диссертациях он говорил: «Не важно что, важно как». Пусть идея будет завиральной, но изволь ее обосновать. Как правило, именно при попытке обоснования несостоятельность идеи становилась очевидной. В 90-е гг. он увлекся бахаизмом, причем с такой энергией, что существенно повысил статус этой религиозной конфессии в России. Затем пришел к православию, но никогда никому не навязывал своих убеждений.

Даниил Валентинович в совершенстве владел английским языком – как собственно английским, так и его американизированной версией. В 1977–1978 гг. он стажировался по программе Британского совета на философском факультете Кембриджского университета; в 1989 г. – по программе Фулбрайта отправился в качестве визитинг-профессора в Северо-Западный университет г. Эванстона (Чикаго, США). Читал авторские курсы общей философии и философии религии, а также специальные курсы: «Проблема идеального», «Теория рефлексии Гегеля», «Основные категории онтологии», «Операциональный аспект научного знания», «Визуальное мышление в изобразительном искусстве», «Религия как социальная связь», «Знание и вера в науке и религии». В результате обеих поездок у него появились новые друзья как в Англии, так и в США.

Д. В. Пивоваров является автором более 600 научных работ, среди которых 40 монографий и учебных пособий. Он подготовил 18 докторов и 30 кандидатов философских наук. Считается, что настоящая научная школа состоялась, если сложились три поколения исследователей. Школа Даниила Валентиновича включает четыре поколения: Он – первый, наше поколение – второе, наши ученики – доктора философских наук – третье, их «остепененные» ученики – четвертое.

В 1983 г. я попал к Даниилу Валентиновичу в аспиранты почти случайно. Тогда я еще не знал, что у меня появился учитель и друг на многие годы. У него была своеобразная манера критиковать. Когда ему не понравилась одна фраза в моей статье, было сказано: «Это звучит несколько необычно». Когда же не понравилась вся статья, Пивоваров сказал: «Ты пишешь, как академик!» – после чего дал команду в следующей статье совершить качественный скачок. Запомнилась и самая высокая похвала, которой я однажды удостоился. Даниил Валентинович показал мне, какие у него заготовлены темы и идеи для аспирантов. Когда же я спросил, почему же мне ничего не досталось из этого богатства, Пивоваров ответил: «А тебе-то зачем?».

Мой учитель отличался исключительной разносторонностью интересов, знаний и умений. В молодости он был разносторонним спортсменом (гимнастика, самбо, фехтование, волейбол) и всю жизнь – мастером на все руки. Много лет они с женой Азой Михайловной прожили в доме, который считался памятником архитектуры: невероятной толщины стены, тесные комнаты при пятиметровых потолках. Даниил осуществил перепланировку, построил антресоли, разместил шкафы для вещей в толще стен. Когда они переехали в другую квартиру, он снова сделал все сам. Никогда ни для каких работ не приглашались специалисты. В новой квартире он оборудовал мастерскую с верстаком, набором инструментов и приспособлений, из которых многие были изготовлены своими руками. Пел и играл на гитаре и банджо. Интересовался основами любой области знания и действия, с которой сталкивался. Когда у него начались проблемы с сердцем, живо заинтересовался химией и принципом действия различных лекарств на организм. В совершенстве владел компьютером. Главным же делом была, разумеется, философия.

Д. В. Пивоваров широко известен своими работами в области онтологии, теории познания, истории и философии религии. Он разработал синтетическую концепцию идеального, построил интегральную концепцию религии как сакральной связи человека с Богом. Его понимание культуры как идеалообразующей стороны человеческой деятельности легло в основу множества исследований в области философии культуры. Введены в научный оборот новые термины-понятия: «объект-язык» и «субъект-язык», «экзистенциальная истина», «осваивающее и отчуждающее познание», «имманация», «виртуал», «былое бытия», «диалектико-логический алгоритм», «сциент» и «асциент», «арт-философ», «faith-вера» и «belief-вера», «онтология религии», «гносеология религии», «праксеология религии», «симфоника», «оксиром», «крипта», «социоцентрическая религия», «эгоцентрическая религия», «объективная и субъективная религиозность». Его философские идеи живут и работают.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акифи Олеся Игоревна, Белгородский технологический университет им. В. Г. Шухова, кандидат филологических наук, доцент, olesiavinogradova@rambler.ru

Арпентьева Мариям Равильевна, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, доктор психологических наук, доцент, mariam_rav@mail.ru

Атаманская Кристина Игоревна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», ассистент, tina871@yandex.ru

Батюшкина Марина Владимировна, Законодательное Собрание Омской области, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства правового управления, кандидат педагогических наук, soulangeana@mail.ru

Борисова Ольга Геннадьевна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», магистрант, tire.olli@mail.ru

Ботова Анна Викторовна, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул), магистрант, istoric.ru@mail.ru

Воробьева Зинаида Васильевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат географических наук, доцент, vostrova.k@mail.ru

Гордеева Злата Александровна, Омский государственный педагогический университет, аспирант, gordeewa.zlata@yandex.ru

Горюнова Юлия Николаевна, Волгоградский государственный университет, аспирант, julia-martynova@yandex.ru

Давкуш Наталия Валериевна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат педагогических наук, доцент, natdavr@mail.ru

Диких Элина Радиковна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, старший преподаватель, bagautdinova1987@mail.ru

Долецкая Светлана Валентиновна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат педагогических наук, доцент, doletskaja@yandex.ru

Домбровская Ирина Ивановна, Омский автобронетанковый инженерный институт, кандидат педагогических наук, доцент, lr14ina2015@yandex.ru

Дука Наталья Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, профессор, pedagog@omgru.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна, Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург), старший преподаватель, Tz1708@ya.ru

Ковалевский Артем Александрович, Омский государственный педагогический университет, аспирант, kovalevskyartem1991@gmail.com

Костина Екатерина Александровна, Омский государственный педагогический университет, аспирант, k-charme@mail.ru

Кураков Валентин Иванович, Волгоградский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, julia-martynova@yandex.ru

Кучковский Павел Валерьевич, Омский государственный педагогический университет, аспирант, antevasin-om@yandex.ru

Лаптева Екатерина Александровна, Южно-Уральский государственный медицинский университет, старший преподаватель, 16.06.2005@mail.ru

Макарова Наталья Станиславовна, Омский государственный педагогический университет, доктор педагогических наук, доцент, maknat1@yandex.ru

Мартишина Наталья Ивановна, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск), доктор философских наук, профессор, nmartishina@yandex.ru

Мацько Дмитрий Сергеевич, Луганский университет им. Тараса Шевченко (Украина), кандидат педагогических наук, доцент, selen_matsko81@mail.ru

Михайлова Алена Игоревна, Омский государственный педагогический университет, аспирант, pkd-shka@mail.ru

Некрасова Татьяна Владимировна, Омский автобронетанковый инженерный институт, кандидат педагогических наук, доцент, tatyana.vladimir@mail.ru

Нефедова Людмила Константиновна, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор, konstans50@yandex.ru

Никитина Лариса Борисовна, Омский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, доцент, laribn@rambler.ru

Новикова Екатерина Борисовна, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, кандидат философских наук, katika73@yandex.ru

Петренко Наталья Анатольевна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат филологических наук, доцент, nata.petrenko@meta.ua

Пивоваров Даниил Валентинович, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, daniil-pivovarov@yandex.ru

Просвирнина Людмила Геннадьевна, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (г. Омск), кандидат филологических наук, доцент, ludmila_p73@mail.ru

Свотина Кристина Викторовна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», магистрант, svotina@mail.ru

Уланов Андрей Владимирович, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (г. Омск), доктор филологических наук, доцент, ulanov.andrey.2014@mail.ru

Федоров Виктор Михайлович, Университетский колледж Омского государственного педагогического университета, преподаватель, viktor702460@rambler.ru

Федяев Дмитрий Михайлович, Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор, fedyayev@omgru.ru

Федяева Людмила Викторовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент, lvfed2007@yandex.ru

Чуркин Михаил Константинович, Омский государственный педагогический университет, доктор исторических наук, профессор, proffchurkin@yandex.ru

Шевченко Максим Николаевич, Омское Епархиальное Духовное училище, кандидат исторических наук, maxsh1978@yandex.ru

Шестова Анна Александровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент, annshestova@yandex.ru

Шефер Оксана Владимировна, Челябинский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, oxana_csu@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционно-издательский совет ОмГПУ объявляет о наборе статей в очередной номер журнала «Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования».

Для публикации в журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современных гуманитарных наук: исторических, филологических, философских, культурологических, педагогических и психологических.

Помимо статей, могут быть опубликованы аналитические обзоры, рецензии, материалы научных дискуссий и т. п. Также редакционная коллегия будет благодарна за материалы для рубрики «Страницы памяти», посвященной ученым-гуманитариям, которые прославили университет.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо до 16 мая 2016 года выслать по электронному адресу: vestnik.omgpru@yandex.ru, в строке «Тема» указать «Заявка на публикацию».

Журнал является **рецензируемым**, редакционная коллегия оставляет за собой право вернуть присланные материалы на доработку или отказать в публикации.

Журнал имеет международный индекс периодического издания ISSN 2309-9380 и включен в систему РИНЦ.

Архив номеров доступен на сайте ОмГПУ (<http://omgpru.ru/science/vestnik/index.htm>); размещение материалов в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru>) осуществляется с соблюдением правил портала. Предоставление рукописи означает согласие автора на размещение статьи в указанных интернет-источниках.

Публикация **бесплатная**, иногородним авторам журнал будет выслан наложенным платежом.

Требования к публикации

1. Рекомендуемый объем статьи – 6–8 страниц. Основной текст: шрифт **Times New Roman**, **кегель 14**, **интервал одинарный**, поля по 2 см с каждой стороны, абзацный отступ 1 см, выравнивание по ширине.

2. Ссылки на литературу оформляются следующим образом: [1, с. 238], где первая цифра – номер источника в библиографическом списке. Библиографические примечания оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008: шрифт **Times New Roman**, **кегель 12**, **интервал одинарный**; источники размещаются в порядке ссылок по тексту; наличие библиографического перечня обязательно.

Требования ГОСТ Р 7.0.5–2008 см.: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614&pageK=466BEF73-A91A-4347-AD85-14FA584A6CCC>.

3. Каждая статья должна быть снабжена:

– индексом УДК (см., например: <http://udc.biblio.uspu.ru>); для проверки можно воспользоваться автоматической расшифровкой индекса на: <http://scs.viniti.ru/udc/Default.aspx>);

– переводом названия и имени автора на английский язык;

– аннотацией на русском и английском языках (около 100 слов; **Times New Roman**, **кегель 12**, **интервал одинарный**);

– ключевыми словами (5–8) на русском и английском языках (**Times New Roman**, **кегель 12**, **интервал одинарный**).

4. К статьям аспирантов должна быть приложена рецензия научного руководителя с указанием актуальности и научной новизны проводимого исследования.

5. Статьи магистрантов (единственный автор – магистрант) принимаются на конкурсной основе (не более 5 статей в одном номере) и размещаются в особом разделе «Слово молодым». Объем предоставляемых материалов – 4–5 страниц. К статьям должна быть приложена рекомендация научного руководителя; сведения о руководителе указываются в постраничной сноске.

6. **Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.**

Примечание: В описании источника **обязательно** должно быть указано издательство; общее количество страниц, если следует ссылка на книгу, или указание на интервал страниц статьи, размещенной в сборнике.

Сведения об авторе (авторах)
(в присланном файле размещаются после текста статьи)

Фамилия, имя, отчество (полностью)	
Наименование организации – места работы, учебы (для магистрантов, аспирантов)	
Структурное подразделение, должность	
Ученая степень, ученое звание	
Сведения о научном руководителе (для магистрантов): Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность	
Контактный телефон, E-mail	
Почтовый адрес	
Согласие на размещение электронной версии статьи на сайте ОмГПУ и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (наличие ответа «согласен/согласна» – обязательное условие публикации)	

ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2016. № 1 (10)

Редактор *Г. Н. Орлов*
Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать 25.05.2016. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 20,7
Тираж 100 экз. Заказ Б-120

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93